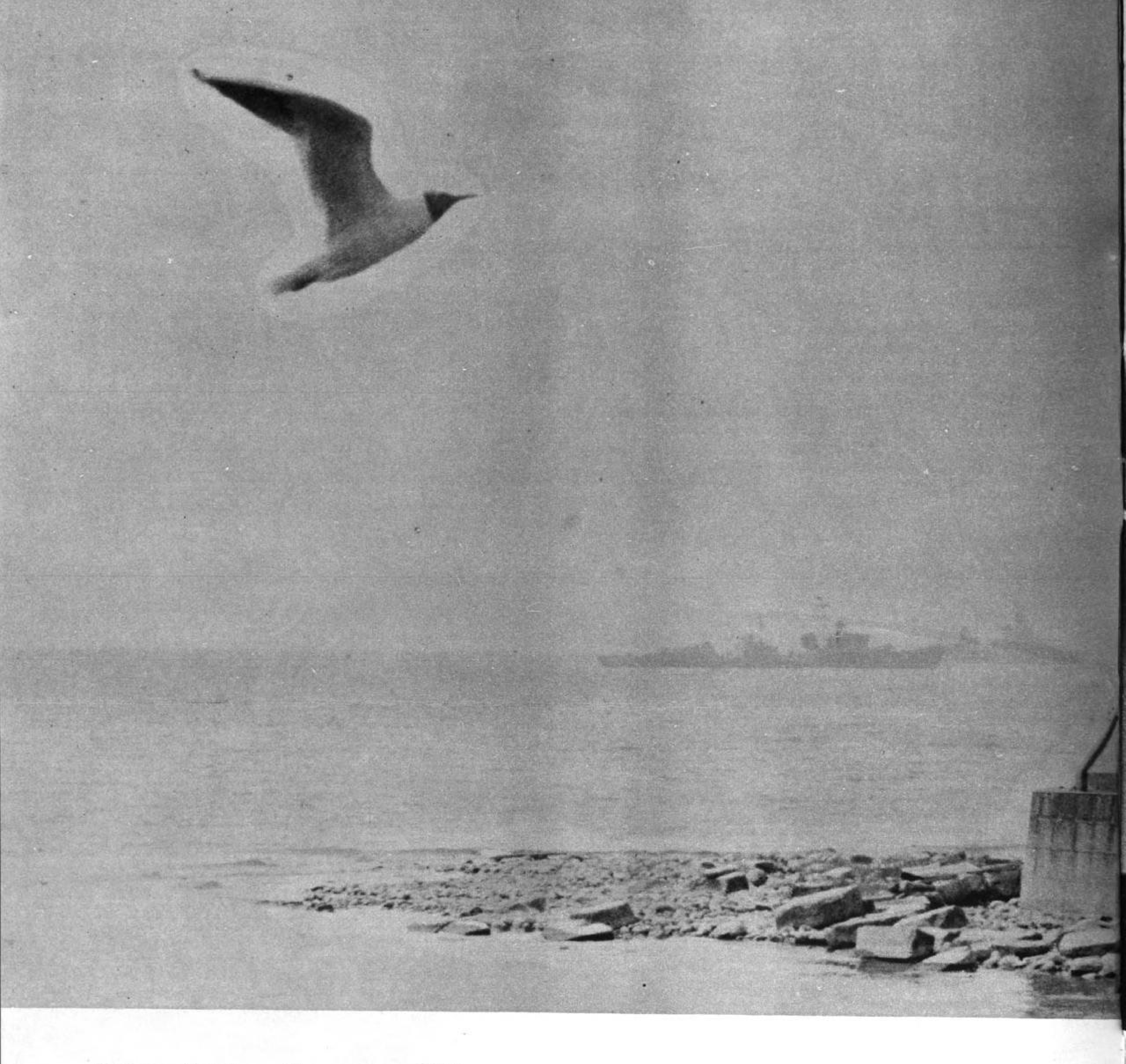

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ЧЕРНОМОРСКИЙ

28 июля — День Военно-Морского Флота СССР.

МЕРА ВЫС

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Г. МАКАРОВА.

...С залива дует злой норд-ост, шумит-гудит в кронах столетних лип, и сдается, будто в этом гуле слышна скорбная песнь крепостных, что были согнаны сюда из разных губерний Российской империи: «Расскажи, крещеный люд, отчего народы мрут, с Покрову до Покрову на проклятом острову». На «острову» том и несет вахту город-крепость, вошедший в историю как огневой щит Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Одетый в бетон своих фортов, овеваемый солеными ветрами всех румбов, бессменно зорким часовым вот уже 265 лет бережет он морские подступы к городу на Неве. И за все эти годы ни один супостат не смог прорваться к тому окну в Европу, что Петр прорубил...

Стоит он тут на высоком пьедестале, бронзовый, величавый, весь устремленный туда, где Нева. И кажется, будто только-только сошел с гребного судна, на котором хмурым осенним утром 1703 года причалил к берегу острова, чтобы самому сделать тут промеры глубин, самому указать место, где быть форту Кроншлот, а где стоять батареям Котлина, да так, чтобы весь фарватер был перекрыт мощным артиллерийским огнем; да так, чтобы «содержать сию цитадель с божьей помощью аще случится, хотя до последнего человека».

Сколько раз испытывали огнем вражеских кораблей эту крепость на острове Котлин — Кронштадт!

Едва поднялся форт Кроншлот над водою, а уже дважды — в 1704 и 1705 годах — атаковали его шведы. И оба раза — от ворот поворот... Стоит в Финском заливе стражем морских дорог и людских судеб знаменитый — во всех лоциях мира записан его паспорт — маяк Толбухин: последним он провожает моряка и первым встречает его. Но не всякому моряку ведомо, что маяк тот назван в честь полковника Толбухина, командира морской пехоты, которая под прикрытием крепостной артиллерии в 1705 году разбила шведские войска.

...Маяк Толбухина... Сад имени Мартынова... Музей имени Попова... Шагаешь по улицам вдоль каналов, доков, гаваней, любуешься темной зеленью старинных парков, причудливым сплетением крановых стрел и корабельных мачт, останавливаешься у подножия одного, другого монумента — сколько их тут, на этом острове! — и почти физически зримо ощущаешь связь времен. И открывается перед тобой Кронштадт не только как «зело великая фортеция», но и как «зело великий» кладезь мудрости талантливых русских исследователей и дерзновенных мореходов: изобретатель радио А. Попов (здесь, в доме, где он работал, и сейчас все так же, как было при нем), ученый-флотоводец С. Макаров (тут проводил он опыты, занимаясь проблемами непотопляемости корабля), исследователь Новой Земли П. Пахтусов и открыватели Антарктиды Ф. Беллинсгаузен и М. Лазарев (Кронштадт снаряжал их в неизведанные края)...

Еще многое дано узнать путешествующим по этому острову. Не торопитесь, присядьте вон на ту скамейку, под сенью светлой березки, и спросите соседа, юного островитянина, почему этот сад назван именем Мартынова. И он в подробностях расскажет про яркую и короткую жизнь матроса Балтфлота, токаря Морзавода, стойкого революционера, председателя Кронштадтского Совета, расстрелянного мятежниками на форту «Красная Горка».

...Якорная площадь, когда-то служившая местом свалки старых якорей. Подождите, пока закончат тут маршировать новобранцы в белых брезентовых робах и черных бескозырках. Вот теперь можно и прислушаться к неторопливому говору старого человека, попавшего в плотное окружение притихшей ребятни. Следопыты, они собирают документы, вещи — все, что свидетельствует о причастности кронштадтцев к Октябрю. А тут живой свидетель — коммунист Михаил Григорьевич Ладанов, старейший житель острова. С этой площади уходил он вместе с моряками штурмовать Зимний, и хорошо памятно ему то тревожное время.

О том, как парни из Кронштадта брали Зимний, Адмиралтейство, телеграф, сложены песни, поставлены фильмы, написаны диссертации; так же как и о том, сколь беззаветно храбро, насмерть стояли они потом у ворот красного Питера; так же как и о том, сколь мужественно принял на себя Кронштадт неслыханно тяжкие удары врага, когда гитлеровцы блокировали Ленинград. Из Кронштадта прорывались наши подводники сквозь минные заграждения фашистов, чтобы торпедировать их корабли в открытом море,— и это в ту самую пору, когда Гитлер уже объявил Балтийское море немецким, а Балтийский флот навсегда похоронил. 149 вражеских кораблей и транспортов потопило это, похороненное Гитлером соединение подводников Балтики.

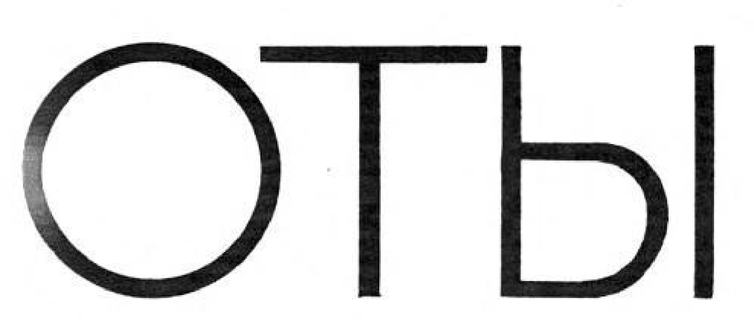
Герои-балтийцы и сегодня нет-нет да и нагрянут в гости к кронштадтцам. И тогда уж в заводском Дворце культуры или в Доме офицеров полным-полно. Вспоминают друзей-товарищей, живых и мертвых. А то вдруг гость спросит кого-нибудь из местных старожилов: «Помнишь?..» Как же не помнить! Никого не забыли кронштадтцы — и те, что служат на флоте, и те, что служат флоту. Здесь они слиты в едином чудесном сплаве.

— Мы тут все его верноподданные...

«Он» — это флот, море. «Мы» — это потомки тех, что воспеты были в фильме, обошедшем экраны всего мира. И конопатый, курносый парень в тельняшке, заправленной в архимодные брюки, спешит объявить нам в дополнение к сказанному: «Мы из Кронштадта». Наши собеседники — хозяева

Продолжение на стр. 6—7

На рейде.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 30 (2143)
Основан 1 апреля 1923 года
20 ИЮЛЯ 1968

ВСТРЕЧА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

14 и 15 июля с. г. в Варшаве состоялась встреча руководителей партий и правительств Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик.

Во встрече приняли участие:

Первый секретарь Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, Председатель Совета Министров НРБ Тодор Живков; член Политбюро, секретарь ЦК БКП Станко Тодоров; член Политбюро, секретарь ЦК БКП Борис Велчев; член Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ Пенчо Кубадинский.

Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар; член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Ене Фок.

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт; член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф; кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Герман Аксен.

Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка; член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР Мариан Спыхальский; член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР Юзеф Циранкевич; член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Зенон Клишко.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев; член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный; член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин; член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест; секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

Участники встречи обсудили вопросы, являющиеся предметом их общих интересов, и выразили решительную волю к дальнейшему всестороннему развитию братских отношений и укреплению социалистической системы, ее единства и сплоченности на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В ходе встречи состоялся обмен мнениями относительно наиболее актуальных проблем международного положения, обеспечения мира и безопасности в Европе, проблем мирового коммунистического и рабочего движения. Со всей силой подчеркнута необходимость сплочения социалистических стран и всех антиимпериалистических сил перед лицом продолжающихся актов империалистической агрессии, особенно во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. Представители партий и правительств братских стран обратили особое внимание на активизацию агрессивных империалистических сил, стремящихся путем диверсий подорвать социалистический строй в отдельных странах, а также ослабить идейные и союзнические узы, объединяющие социалистические государства.

Участники встречи в духе пролетарского интернационализма обменялись информацией о положении в своих странах и о развитии событий в Чехословакии и направили совместное письмо в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии.

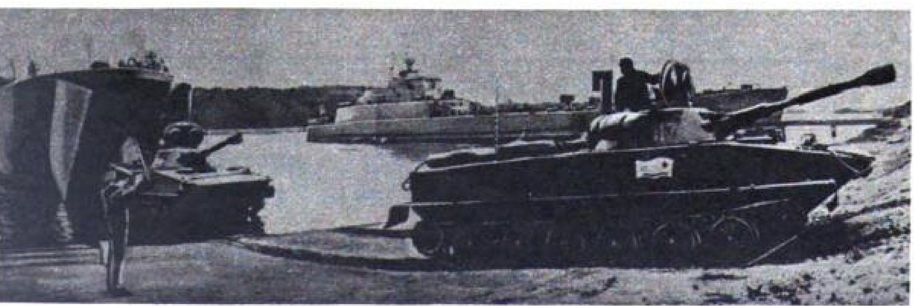
Варшавская встреча руководителей партий и правительств социалистических государств проходила в братской атмосфере искренности, полного единодушия и дружбы.

Командно-штабное учение

В штабе руководства учением «Север». Слева направо: командующий Военно-морским флотом ПНР вице-адмирал Здислав Студзинский, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков, командующий Народным военно-морским флотом ГДР вице-адмирал Вилли Эмм, командующий дважды Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Михайлин.

Фото Г. Шутова.

Морская пехота готовится к десанту. Идет погрузка боевой техники на десантные корабли.

Олег БАРОНОВ,
капитан II ранга

На огромных пространствах Северной Атлантики, Баренцова, Норвежского и Балтийского морей в течение восьми июльских дней шли упорные морские «сражения». В них участвовали атомные и дизельные подводные лодки, крейсеры и противолодочные корабли, ракетные и торпедные катера, тральщики и десантные суда. Взмывали в небо дальние самолеты-ракетоносцы авиации флота. Части морской пехоты штурмовали берег в лихом, стремительном десанте.

В этом грандиозном по своему размаху командно-штабном учении, которое проводилось в соответствии с планом боевой подготовки штаба Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора, действовали силы четырех военно-морских флотов: Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, а также двух советских флотов — дважды Краснознаменного Балтийского и Краснознаменного Северного. Руководил учением Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков. Его заместителями были командующий Военно-морским флотом ПНР вице-адмирал Здислав Студзинский и командующий Народным военно-морским флотом ГДР вице-адмирал Вилли Эмм.

Милитаристские устремления НАТО связаны с агрессивными действиями не только на европейском континенте. В водах Атлантики крейсируют американские атомные подводные ракетоносцы, ракеты которых нацелены на жизненные центры социалистических стран. В заполярном небе патрулируют стратегические бомбардировщики США с ядерными бомбами на борту. Боннские реваншисты не скрывают своих планов нанесения ударов с моря по берегам Польши, Германской Демократической Республики и Советской Прибалтики. Очередная «демонстрация силы» в непосредственной близости от границ СССР имела место совсем недавно на провокационных военных маневрах «Полярный экспресс», проводившихся в Северной Норвегии и омывающих ее водах.

Командно-штабное учение флотов стран социалистического содружества проходило под условным названием «Север». Оно преследовало интересы укрепления обороны социалистических стран с морских и океанских направлений, совершенствования управления силами, взаимодействия и боевой слаженности союзных флотов стран Варшавского Договора при выполнении совместных задач в море.

Действия сил, участвовавших в учении, отличались высокой активностью, проявлением творческой инициативы при выполнении заданий командования. Штабы и силы союзных флотов продемонстрировали полное взаимопонимание во взглядах на приемы и методы ведения морских операций. Товарищеский обмен опытом обучения и воспитания военных моряков, овладения сложной современной техникой и оружием флота способствовал дальнейшему укреплению

Дружеские, добрососедские отношения

По приглашению шведского правительства Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин совершил официальный визит в Швецию. Это ответная поездка главы Советского правительства на визит в Советский Союз Премьер-Министра Швеции Таге Эрландера.

Радушно встретила шведская общественность советскую делегацию. А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица совершили поездку по стране, побывали на ряде шведских предприятий, в том числе на заводе «Альфа-Лаваль», успешно торгующем с СССР, в известной фирме «Финдус», которая демонстрировала гостям работу уборочных машин и ознакомила их со своей продукцией — пищевыми изделиями.

А. Н. Косыгин нанес визит королю Швеции Густаву VI Адольфу и Премьер-Министру Т. Эрландеру.

Между А. Н. Косыгиным и Таге Эрландером были проведены беседы, закончившиеся подписанием «Совместного советско-шведского коммюнике». В нем отмечается обоюдная решимость и впредь руководствоваться в международной политике благородными целями сохранения мира и стремление всемерно содействовать разрядке международной напряженности.

Оба правительства, как говорится в коммюнике, «выразили твердое намерение и в дальнейшем развивать дружественные, добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество между Советским Союзом и Швецией».

Н а с н и м к е: А. Н. Косыгин в одном из цехов предприятия «Финдус» в местечке Бьюв.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

ПРАЗДНИК БРАТСКОЙ ПОЛЬШИ

Интервью с послом Польской Народной Республики в Москве товарищем Яном ПТАСИНЬСКИМ в связи с 24-й годовщиной Дня возрождения Польши — национального праздника страны

— Товарищ посол, что значит для Польши день 22 июля, отмечаемый как день национального возрождения?

— 22 июля — знаменательный день в жизни польского народа, день, в который Польша возродилась как республика рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. Об этом дне мечтал ряд поколений поляков, за этот день боролись в течение десятков лет польские революционеры, проливали кровь польские коммунисты. Этот день стал конкретной действительностью в результате побед Советской Армии, которая разгромила гитлеровских захватчиков и принесла свободу польскому народу.

— Каковы успехи республики за прошедшие годы?

— Говоря коротко, перед молодой властью, еще неопытной, терзаемой вооруженными бандами и реакцией, стояла огромная проблема ликвидации многовековой экономической отсталости страны. И здесь пришел нам на помощь братский советский народ, не менее тяжко пострадавший от войны, делясь каждым куском хлеба с польским народом. Сегодня народная Польша принадлежит к первому десятку развитых промышленных государств мира. Страна, в которой еще не так давно картошку варили несколько раз в той же соленой воде, эта страна, воодушевленная идеями социализма, вступила на вершины экономического развития.

— Чем знаменателен нынешний год для польского народа?

— В этом году мы отмечаем 50-ю годовщину независимости нашей страны, вновь обретенной после полуторавековой неволи. Польша вернулась на политическую карту Европы как независимое государство прежде всего благодаря победе Великой Октябрьской революции, разбившей царскую «тюрьму народов», аннулировавшей договор о разделе Польши и признавшей право Польши на независимое государственное существование. В этом же году будет отмечаться важная годовщина — 50-летие образования Коммунистической партии Польши. В нынешнем году ее наследница и продолжатель ее дела — Польская Объединенная Рабочая партия соберется на свой V съезд. Так что, как видите, 1968 год для нас — год многих праздников, которые мы отмечаем совместно с Советским Союзом, со всеми силами социализма, крепящими свое единство.

●

На рассвете 1 сентября 1939 года гитлеровский броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по Вестерплатте. В течение семи дней польский гарнизон, состоявший всего из ста человек, оказывал героическое сопротивление агрессору. В память этих событий на Вестерплатте воздвигнут обелиск.

«Север»

боевой дружбы между офицерами, старшинами и матросами союзных флотов.

Несколько слов о ходе самого учения. Боевые действия развернулись между двумя крупными флотскими группировками «Западных» и «Восточных». Корабли «Западных» поддерживали с моря сухопутные силы вторжения. Флот и авиация «Восточных» нанесли по ним ряд мощных ударов, завершившихся полным разгромом. В ходе учения корабли выполняли боевые упражнения. Атомный подводный ракетоносец «Восточных» под командованием капитана I ранга В. Коробова произвел пуск баллистической ракеты из подводного положения. Удар по берегу «противника» был точным и неотразимым. В ракетных и торпедных атаках участвовали польские, немецкие и советские катера. Успешно действовали против отряда кораблей «Западных» польские подводные лодки.

Блестяще зарекомендовали себя флотские связисты, которых возглавлял начальник связи ВМФ вице-адмирал Г. Толстолуцкий. Руководство учением каждую минуту могло связаться с любым кораблем, где бы он ни плавал — в Атлантике или в Баренцовом море, на Балтике или в Норвежском.

Закончившееся учение «Север» еще раз наглядно продемонстрировало, что оборона морских рубежей стран социалистического содружества находится в надежных руках. Военные моряки братских флотов, верные своему союзническому и интернациональному долгу, всегда и везде готовы дать сокрушительный отпор агрессору.

ЛЮДИ ПЛАНЕТЫ — С ВЬЕТНАМОМ!

Четырнадцать лет назад в Женеве были подписаны соглашения, которые должны были принести мир народу Вьетнама. Но сегодня на вьетнамской земле идут бои, грохочут воздушные сражения во вьетнамском небе. Героический народ этой страны с оружием в руках вынужден отстаивать свое право на независимое существование.

Американские агрессоры нарушили Женевские соглашения и навязали Вьетнаму тяжелейшие военные испытания. Вьетнамский народ с честью и мужеством проходит через них. В Южном Вьетнаме патриоты все шире развертывают операции против агрессоров и одерживают победы. Крепкий отпор получают американские империалисты в ДРВ, куда злобно и хищно рвутся воздушные пираты — американские летчики.

В сражениях вьетнамский народ опирается на свою волю к победе, на всестороннюю поддержку Советского Союза и социалистических стран, на симпатии всех честных людей планеты. Снимок, который напечатан здесь,— это лишь частичное отражение того, что происходит в мире каждый день. Непрерывно бушует океан гнева во всех странах — люди земли требуют, чтобы был положен конец американской агрессии и вьетнамский народ получил возможность жить и работать в мире, свободно строить свою страну. Это право он завоевал своим мужеством, своей преданностью делу свободы.

Это лишь одна из многих антивоенных демонстраций, состоявшихся за последнее время в Соединенных Штатах Америки.

На огненной вахте Владимир Хорошилов.

21 июля — День металлурга

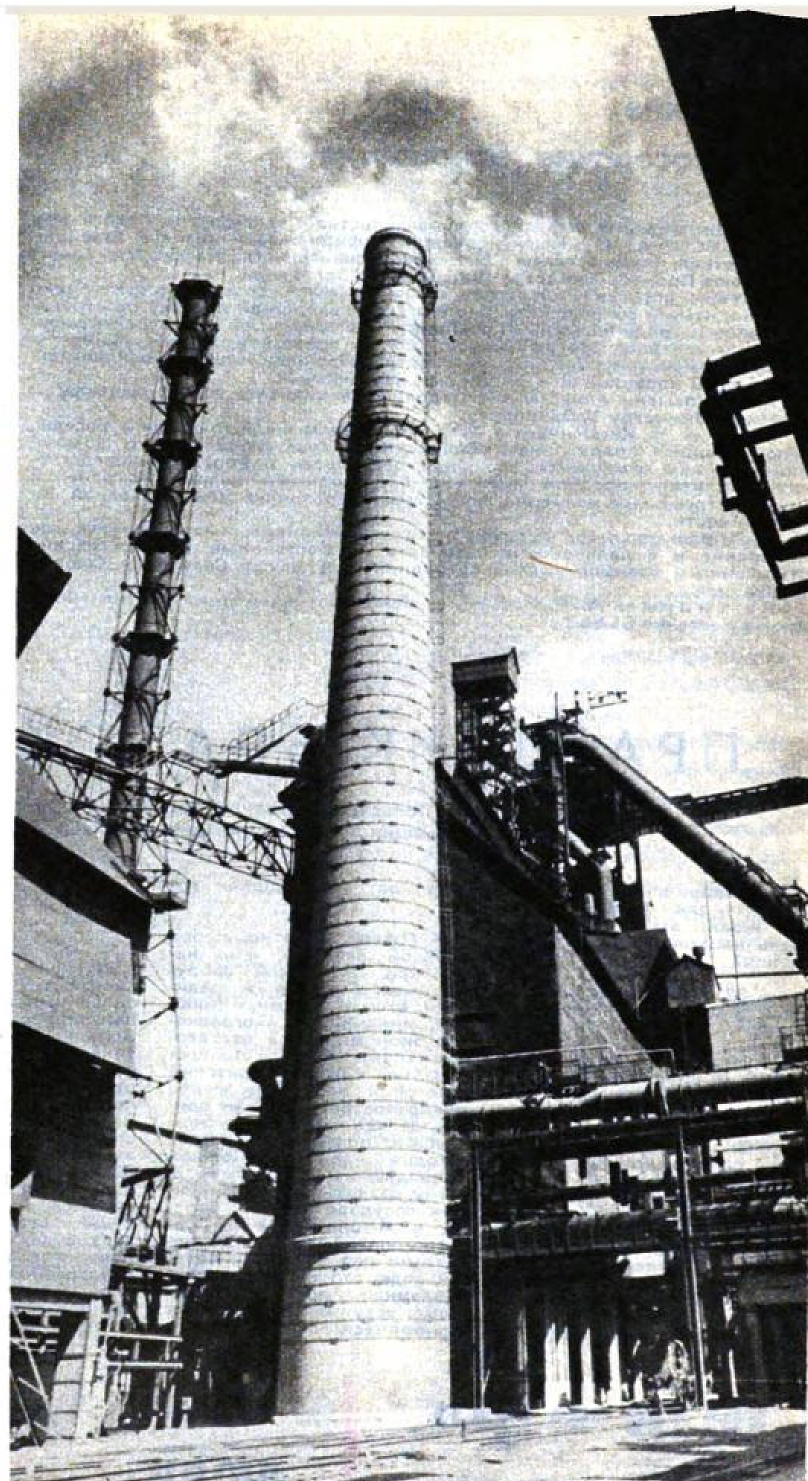
ЗАПЕВАЛЫ

Они трудятся в прокатном цехе: мастер Р. И. Захаров, главный прокатчик А. А. Кугушин и мастер И. В. Петров.

Эти снимки сделаны несколько дней назад на Западно-Сибирском металлургическом заводе. Его коллектив недавно выступил с замечательным почином — соревноваться за быстрейшее освоение проектных мощностей, действующих и вновь вводимых в эксплуатацию агрегатов на предприятиях черной металлургии СССР. В печати опубликовано Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС, в котором одобрена эта инициатива Запсиба. Она имеет большое народнохозяйственное значение: если ее поддержат все металлурги, страна за короткое время без больших капитальных затрат получит дополнительно миллионы тонн металла. А судя по тому, какой горячий отклик встретило предложение Запсиба, его инициативу поддерживают все советские металлурги.

С праздником вас, люди огненной вахты, с новыми успехами в труде!

Эта домна вступила в строй к 50-летию Октября. Фото А. Гостева.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

Клоп
Баня
Москва горит
Киносценарии
Статьи и выступления

«Я хочу сделать свое слово проводником идей сегодня,— писал Маяковский.— Если у меня есть понимание, что миллионы обслуживаются кино, то я хочу внедрить свои поэтические способности в кинематографию». Ту же наипервейшей важности задачу агитации и воспитания масс ставил он и перед театром: «Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию — живой,— в этом трудность и смысл сегодняшнего театра... Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы».

И поэт действительно делает трибуной не только театральные подмостки и экран кинематографа, но и цирковую арену. Через неделю после смерти Маяковского в Первом московском госцирке состоялась премьера его последней пьесы — героической меломимы «Москва горит», посвященной событиям 1905 года.

«Пьеса — это оружие нашей борьбы»,— утверждает Маяковский и направляет это оружие против мещанства в пьесе «Клоп», против бюрократов в пьесе «Баня».

В только что вышедший из печати седьмой том Собрания сочинений В. Маяковского вошли пьесы «Клоп», «Баня», «Москва горит», девять киносценариев, статьи и выступления о театре и кино. На вкладках — фотографии, эскизы декораций, сделанные Маяковским, кадры из фильмов, в которых поэт снимался как актер.

ОБМЕН ИДЕЙ? НЕТ, ДИВЕРСИЯ!

Видный венгерский журналист Ласло САБО в статье, написанной специально для «Огонька», разоблачает грязные приемы радиопропаганды империализма.

В стратегических и тактических планах, разработанных против европейских социалистических стран правительством Соединенных Штатов Америки, весьма важную роль играет ведение психологической войны. Существенным элементом этой войны является тактика так называемой «либерализации» и «расшатывания».

Психологическая война возведена сейчас в ранг государственной политики Соединенных Штатов, а Центральному разведывательному управлению, в котором, по последним данным, работают сто двадцать тысяч сотрудников и более трехсот тысяч агентов-разведчиков, разбросанных по всему миру, принадлежит в осуществлении этой политики особая роль. Эти разведчики интересуются всем, что может быть использовано в подрывной работе против социалистических стран. ЦРУ снабжает материалами и направляет работу ЮСИА — гигантской пропагандистской организации с пятнадцатью тысячами сотрудников.

ЮСИА прилагает большие усилия и расходует гигантские суммы на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение социалистических стран. Так как оно не имеет возможности открыть свои информационные центры непосредственно в социалистических странах, то создает их в соседних государствах. Среди его средств, быть может, самое важное — передачи «Голоса Америки» и радиостанции «Свободная Европа».

Сначала программы «Свободной Европы» характеризовались агрессивностью, метили на возбуждение внутренних беспорядков. Однако с течением времени политика «освобождения» и «оттеснения» обанкротилась, и, собственно говоря, именно тогда империалисты перешли к стратегии «расшатывания». Цель его — ввести в заблуждение отдельных людей в расчете на их политическое разложение. «Расшатывание» ведется в надежде на ослабление связей между социалистическими странами, противопоставление их друг другу и в первую очередь Советскому Союзу.

Да, тактика «расшатывания» оттеснила на задний план ранее хорошо известный голос вражды и ненависти и на его место поставила обольстительные голоса сирен. Особенно хорошо можем оценить это мы, венгры. Перед тем, как разразился контрреволюционный мятеж 1956 года, можно было поверить, будто для «Голоса Америки» и «Свободной Европы» социализм важнее, нежели для венгерской партии: вкрадчивый голос их передач постоянно вещал о «лучшем социализме» и об «исправлении кое-каких ошибок социализма». Затем в дни контрреволюционного мятежа пошло уже открытое науськивание, когда — мы еще хорошо помним об этом — «Голос Америки» и «Свободная Европа» посылали в эфир просто военные указания контрреволюционным силам. Голос, открыто науськивавший и извергавший хулу, еще долгое время царил во всех программах их передач. Венгерскую Социалистическую Рабочую Партию и венгерское правительство обливали такой клеветой, что даже самому простодушному радиослушателю было ясно, что это ложь. Но постепенно американцы изменили тактику ведения психологической войны: начали проскальзывать хвалебные нотки в адрес нашего государства и общества, чтобы сделать более достоверными «добрые намерения» второй, «критической» части фразы или передачи. Будто тот самый Юлиан Боршани, бывший офицер хортистского генерального штаба, который в дни контрреволюционного мятежа под именем полковника Белла на волнах радиостанции «Свободная Европа» давал военно-тактические указания контрреволюционным бандам, сегодня под именем Боршани может быть «доброжелательно сочувствующим» комментатором, который «имеет в виду интересы венгерского народа». Абсолютно ясно, что бывший хортистский офицер и сегодня «имеет в виду» лишь интересы своих хозяев-работодателей, интересы буржуазного строя и в этих интересах пытается облечь в более «приемлемые» одежды свои «критические» (а на самом деле подстрекательские) замечания — те же, что и в 1956 году.

В программы, ведущиеся на венгерском языке, стала попадать некая «объективность». Социализму, по их выражению, мешают «консерватизм», «косность», «ошибки руководства», которые нужно побороть «модернизацией», «реформами», весьма своеобразно понимаемой «демократизацией». Разумеется, за всем этим ясно видна тенденция: ослабить дисциплину, возбудить критиканские настроения, дать волю частновладельческим инстинктам, выдвинуть на передний план национальное самолюбие и, играя на нем, раздувать национализм, поощрять все, что мешает планированию.

Интересно заглянуть в арсенал их методов. Редакторы передач «Голоса Америки» постоянно изучают венгерскую печать, радио, внимательно следят за нашими внутренними делами. Возьмем только один экономический комментарий. Психологически он строится так, чтобы средний радиослушатель не заметил, как руководителю предприятия, который в процессе экономической реформы получил значительную самостоятельность, они советуют требовать еще большей. Для этого приводится пример с каким-нибудь директором предприятия, который объездил в прошлом году 38 стран и свободно, без всяких ограничений заключал от имени своего предприятия сделки. Радиосирены надеются на то, что, быть может, в чьей-то голове возникнет мысль: почему не может быть «свободной» внешняя торговля? Ведь социалистический принцип государственной монополии на внешнюю торговлю стоит капитализму поперек горла! Но можно и продолжить: если наше государство делает дружеский жест по отношению к церкви, «Голос Америки» говорит о необходимости следующего жеста.

«Всегда на шаг больше...» — эта тактика сочетается и с другой: пробуждать национализм. Возьмем соглашение об алюминии, заключенное между Венгерской Народной Республикой и Советским Союзом, которое для нашей страны имеет просто неоценимое значение. Что говорит об этом «Голос Америки»? «Венгрия богата бокситами, в международном плане она тоже занимает важное место. Неужели венгерские специалисты так неумелы, что глинозем должен перерабатывать Советский Союз?» И, разумеется, «Голос Америки» погружается в глубокое молчание, когда надо сказать, что из-за нехватки электроэнергии в Венгрии мы были не в состоянии переработать бокситы в алюминий и, таким образом, развить важную для нашей экономики отрасль — алюминиевую промышленность, если бы не заключили весьма выгодный для обеих сторон договор с братским Советским Союзом. Правда, была еще одна возможность, и, собственно говоря, это и есть задняя мысль американских пропагандистов: заключить сделку с капитализмом и дать дорогу частному капиталу. Вот чего они хотят, к этому ведет все их подстрекательство, вся психологическая война.

ЮСИА понимает, что социализм, рабоче-крестьянская власть изнутри сами по себе никогда не сдадут своих позиций. Поэтому, вроде бы принимая социализм, американцы стараются вдолбить в головы слушателей заразу такой «демократизации», в которую вмещается и многопартийный строй, и свобода внешней торговли, и противопоставление Советскому Союзу. Следовательно, прежде всего американские пропагандисты обращаются не к открытым врагам нашего строя, а скорее пытаются взять на прицел «сомневающихся сторонников», идеологически обработать их и перетянуть на свою сторону.

Так как «Голос Америки» и «Свободная Европа» внимательно следят за венгерской печатью, которая, естественно, критикует отрицательные и несовместимые с общественными интересами явления, они выбирают наши недостатки и выдают их за общие явления. И хотя большая часть этих статей содержит и множество положительных явлений, эти «поборники истины» выхватывают только критические элементы. Таким образом, в каждом передаваемом ими обзоре печати речь идет о «невыслушанных» людях, которых «заглушили», находит место «коррупция», «ослабление сознательного отношения к труду и всеобщей морали», заботы людей, живущих в коммунальных квартирах, зимние трудности, дефекты в строительстве и тому подобное. С целью разжигания противоречий радиопираты не останавливаются перед тем, чтобы похвалить правильную точку зрения, конечно же, во имя укрепления собственного престижа.

Однако в одном пункте они откладывают в сторону всякую видимость объективности и открыто высказывают то, что думают: это венгеро-советские отношения. Самая явная цель всех передач «Голоса» и «Европы» — противопоставить венгерский народ Советскому Союзу. Именно этого хотят они, когда говорят о «самостоятельной» внешней политике или когда выступают в качестве ходатаев за «венгерские интересы»! Они точно знают содержание и существо того положения, которое товарищ Янош Кадар сформулировал так: без Советского Союза и против Советского Союза нет коммунизма. Американская пропаганда понимает, что венгерский народ в братском сотрудничестве с Советским Союзом твердо продвигается по пути социализма. А так как это вовсе не соответствует планам заокеанских стратегов, то здесь уже в ход идет весь любимый старый лексикон злобы и ненависти. Особенно в программах для молодежи.

Кстати, и «Голос Америки» и «Свободная Европа» считают молодежь своей важнейшей мишенью. Не случайно большую часть времени своих передач, и главным образом развлекательных передач, они посвящают молодежи.

Каковы же надежды, которые возлагают эти господа на молодежь? Прежде всего та, что у наших молодых людей нет непосредственных впечатлений о капитализме и они не могут, следовательно, самостоятельно сравнить его с социализмом. Западные психологи рассуждают так: если недовольство молодежи все усиливается в капиталистическом обществе, то точно так же «должно» происходить и в социалистическом обществе. Внешние формы этого — поиски и культ «современности» в одежде, прическах, музыке, поведении. Их пропагандируют не только в прямой форме, а в бесчисленных вариантах своих программ.

Например, «тинейджер парти», которая передает новейшие музыкальные номера. Кто заметит похвалу западному миру в информации о новейших американских технических достижениях? Разве кому-либо бросится в глаза возвеличивание американской техники и образа жизни в той прозвучавшей между двумя музыкальными номерами хронике, где говорилось, что «сегодня в кухне каждой американской семьи к раковине прикреплено такое приспособление, которое перемалывает все отбросы. Следовательно, надо только вложить весь накопившийся в кухне мусор, и всю остальную работу сделает машина». Незрелый и неопытный молодой человек в первый момент и не заметит, какую цепь мыслей хотят в нем пробудить...

Откуда догадаться молодому человеку, что за научно-популярной лекцией «Голоса Америки» об эрозийной работе моря скрыт рафинированный метод соблазнения западным образом жизни? Ведь только вскользь «упомянуто», что «в Соединенных Штатах ныне берега защищают от громадной морской эрозии таким образом, что по всей линии берега разбрасывают забракованные автомобили. Миллионы и миллионы старых, а иногда, быть может, и нестарых машин валяются на морском берегу Соединенных Штатов...» Или как может догадаться молодой радиослушатель о том, что цель прослушанной им передачи заключается в сеянии антимарксистских мыслей, когда в эфире прозвучало лишь одно замечание о направлении структуралистской философии, правда, закончившееся так: «...впрочем, структурализм — такая же мода сейчас, какой в свое время был марксизм». То есть: марксизм сейчас уже «устарел», «прошлая мода», не стоит-де обращать на него внимание, лучше интересоваться структурализмом, это, видите ли, «истинная» мода сегодняшнего дня...

Если ко всему этому добавить, что те, кто служит «Голосу Америки» и «Свободной Европе», кто готовит и редактирует передачи на венгерском языке,— все без исключения — либо эмигранты, бежавшие из Венгрии, боясь ответственности за военные преступления, либо бывшие фабриканты, помещики, офицеры, то станет ясно: они делают то, что требуют их хозяева.

Несомненно одно: направленная против Венгерской Народной Республики психологическая кампания хорошо запланирована, составляет органичное целое с теми, что ведутся против других социалистических стран. Но в психологической войне у империалистов нет победного оружия. С ними можно и нужно бороться. Главное наше средство — укрепление марксистско-ленинского общественного мышления не в последнюю очередь средствами собственной пропаганды так, чтобы никогда не оставались неразоблаченными тактические уловки и подстрекательские попытки «Голоса Америки» или «Свободной Европы».

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

У памятника С. О. Макарову.

Утро в Петровской гавани.

заводского общежития, куда нас определили на ночь. Разговор шел о жизни: кого, откуда и каким ветром занесло сюда, на остров, и чем знамениты штатские люди города, те, что не имеют чести служить на флоте. И тот же конопатый с удивлением окинул нас взглядом, в котором нетрудно было прочесть: «Темные, мол, люди... Не понимают, что ли?»

— В нашем городе все и всё флоту служат, на него трудятся.

Те же слова услышишь и в райкоме партии от его первого секретаря Глеба Александровича Вахрамеева, и на Морзаводе, и в кафе, и в парусной мастерской. «Мы из Кронштадта». Крылатая фраза стала своеобразной визитной карточкой. Ее могут вручить вам и матросы с боевого корабля и бойкие девчата с почтамта, доставляющие письма женам и матерям офицеров флота; Иван Иванович Байков, бывший минер подлодки, а ныне адмирал, командир Ленинградской военно-морской базы, и мастер Василий Прокофьев, отец которого, дед и прадед трудились тут же, на острове, все в тех же древних краснокаменных корпусах Морзавода.

Морской завод — ему уже за сто — правофланговый трудового Кронштадта. Он дарует вторую жизнь судам всех систем и назначений — от парусника до флагмана флотилии китобоев. Он не строит новые суда, а обновляет старые. Да зато как обновляет!

— Есть у нас к вам, журналистам, претензия,— улыбается секретарь райкома партии Михаил Федорович Петрук, в прошлом заместитель главного инженера Морзавода.— Вот, скажем, уходит в плавание китобойная флотилия. Вы непременно распишете, какие пищевые концентраты да галеты дали китобоям в путь-дорогу. А про то, как рабочие Морзавода несколько месяцев трудились во всех отсеках флагмана «Юрия Долгорукого»,—молчок. Наш завод уже в восьмой раз омолаживает его и ежегодно с экватора получает поздравления, благодарят за ремонт. Сейчас снова пришел к нам. До октября пробудет.

— Неужели до октября будете ремонтировать? Не слишком ли долго?

— А вы были когда-нибудь на этом судне? Побывайте там, тогда все поймете.

...В ожидании дока «Юрий Долгорукий» стоял в Петровской гавани. Через гигантскую пасть — в океане она проглатывает китов, когда их вытягивают на палубу,— мы проследовали в каюту генерал-директора флотилии В. В. Неболюбова.

— Сперва разрешите задать несколько традиционный вопрос: как прошел рейс, какова была погода?

— Рейс был удачный: дали много сверхплановой продукции. Что касается погоды, то тихой в Антарктике не бывает. Восемь баллов — будни.

— А теперь вопрос, с которым, видимо, журналисты обращаются к вам не так часто: есть ли у вас претензии к Морзаводу, хорошо ли отремонтировали судно?

Вячеслав Викторович ответил, не задумываясь: «Скажу коротко: молодцы!»

Потом нам показывали хозяйство флагмана, и мы не раз вспоминали совет Петрука: «Побывайте там, тогда все поймете». Мы поняли, что находимся на гигантском предприятии с очень сложной и многообразной техникой. Легко представить, что значит ремонтировать этакую махину. Но людям Морзавода не привыкать. Много самых разных судов стояло в их доках. Здесь готовили к походу в Антарктиду «Обь», снаряжали «Академика Курчатова», тут побывал ледокол «Ермак».

На знамени завода — орден Ленина. Это за подвиг в пору войны. Знакомый уже нам Василий Прокофьев, один из шести Прокофьевых, ныне работающих на заводе, рассказывает про ту пору:

— И оружие делали и подводные лодки ремонтировали. Бывало, завод без электроэнергии оставался, тогда руками крутили приводные ремни. Бомбили завод нещадно и из орудий обстреливали. Убитых сменяли, а станки из разрушенных цехов в убежища уносили... В столярке гробы мастерили. И для убитых и для тех, кто от голода умирал. И бате моему там же гроб делали... Он с девятисотого на заводе. Котельщик. Крепкий был человек, из ярославских, а тут голод подкосил...

Вдохновенный певец Балтики Всеволод Вишневский в 1943 году написал очерк «Рабочие Кронштадта» — о героях Морзавода времен войны. 23 года спустя местная газета «Рабочий Кронштадт» отправилась по следам этих героев. Есть в очерке такие строки: «Стояли тридцатитрехградусные морозы. Фронт требовал такелажников для срочных работ на береговых батареях. Шестидесятипятилетний Горобчук, истощенный, как и все, пришел на место. Он взял в свои руки руководство важным участком работы. Старик был слаб. Пошатывался. Вовремя не отошел в сторону, когда крикнули «Полундра!» Ему сдавило ногу. Старик сказал: «Не уйду!» — велел подать носилки и продолжал работать, давая указания. Так он и умер на носилках. Задание было выполнено». И вот из Винницы в местную газету приходит письмо от дочери Горобчука—Екатерины Трофимовны. Она рассказывает, как еще в сентябре 1941 года, во время звездного налета на Кронштадт, отец работал на крейсере и вернулся домой, раненный осколком. И еще сообщает: после смерти отца дочери вручили часы от командующего Балтийским флотом.

Читаем письмо из Винницы, опубликованное в местной газете, а редактор ее, Владимир Федорович Миронов, вновь все о том же: «Как видите, у нас тут неразрывны судьбы флота и судьбы горожан. В Кронштадте нет, кажется, такой семьи, в которой никто не служил бы или не служит на флоте». «А ваша?» «И моя не исключение».

О Миронове нам уже кое-что известно. Гуляли мы с ним по улице и остановились у городской доски почета. К нам подошел старичок в серой кепчонке, черном кургузом пиджачишке с застарелыми следами машинного масла. Миронов обрадовался неожиданной встрече. «Знакомьтесь: Петр Александрович Семенов, коммунист, кузнец, полвека отдал Морзаводу и только недавно на пенсию ушел». Мы разговорились. Семенов взглянул на доску почета и ухмыльнулся: «Ишь ты, Емельяныч куда сподобился! В самом центре красуется... Импозантный мужчина...»

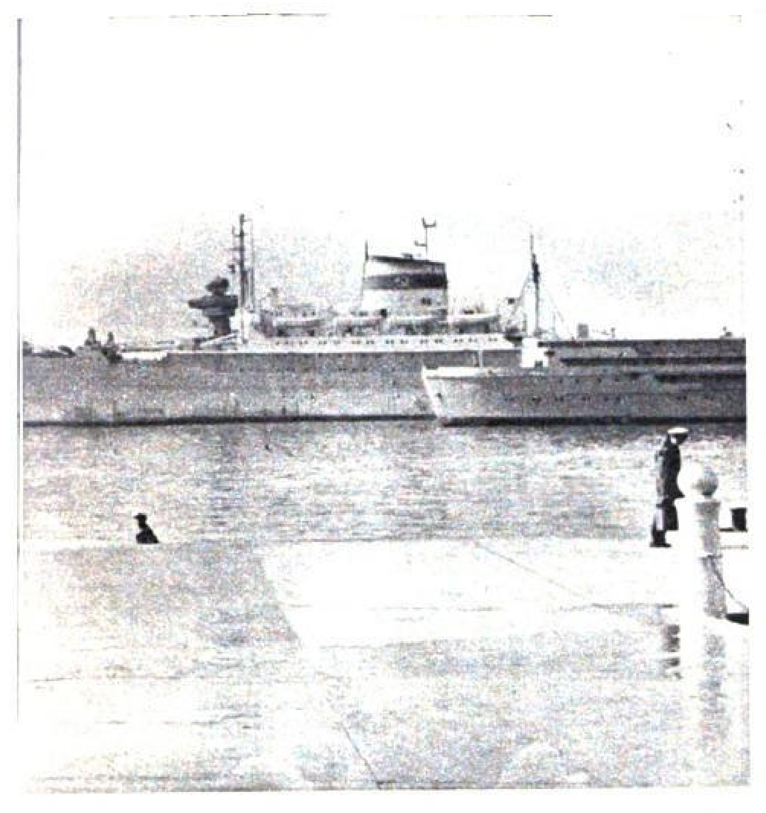
И тут выясняется. Адам Емельянович Ракович — белорус, бывший партизан, потом краснофлотец Балтики, дослужившийся до старшего лейтенанта. Демобилизовавшись в Кронштадте, он решил и дальше по морской линии пойти. Так на Морзаводе у кузнеца Семенова появился смышленый подручный, который теперь сам в отменные учителя вышел. И оказывается, что один из его, Раковича, способнейших — это уже Семенов аттестует — учеников тут, рядом с нами, наш гид Миронов. «А с флотом что же вас породнило, Владимир Федорович?» «Как что? Сам на флоте служил, на крейсере. Служил и учился в Кронштадтской вечерней школе. Здесь и якорь отдал... Была в школе учительница математики, Елена Федоровна, так вот...»

Владимир Федорович запнулся, смутился, но нам и так ясно, что дальше произошло с учеником Владимиром и учительницей Еленой. Волжанин Миронов стал кронштадтцем. Математик из него не вышел, как она там ни старалась, жена его. А вот факультет журналистики Ленинградского университета окончил с успехом и теперь наш коллега.

В тот день он познакомил нас со многими горожанами, которые так же, как и рабочие Морзавода, с полным основанием могли сказать о себе: «Служим флоту!»

Начало — на 1-й стр.

МЕРА ВЫСОТЫ

Каждый день ровно в 12.00 гремит над Кронштадтом выстрел этого орудия.

...Только переступили порог мастерской, как в нос ударил пряный запах смолы. Мы поинтересовались: «Это что же, от веревок так?» Они лежали тут, на полу, в предостаточном количестве. Хозяин испытующе глянул на нас и, как нам показалось, не без обиды буркнул: «Каких таких веревок?! Это на базаре веревки, а у нас линь да трос». «Простите, но мы ведь не флотские»,— извинились мы.

А он всю жизнь привык с флотскими дело иметь. И он и покойный отец его. Свыше сорока лет назад комсомолец Павел Рякин начинал тут с ученика закройщика. А ныне это известный на флоте парусный мастер. Есть, оказывается, и такая профессия, родословная коей восходит к тем далеким временам, когда в Кронштадте появились первые русские умельцы ладить баркасы и ялы да шить паруса.

Зовется мастерская парусной. Но это не совсем точно. Здесь одевают суда от киля до клотика. Тут не только паруса шьют, но и такелаж, спасательные пояса, парусиновые обшивки мостиков, матросские парусиновые чемоданы, и даже флаги иностранных государств, когда наши корабли уходят в загранплавание.

Переваливаясь с боку на бок, словно боцман на палубе, грузный, низкорослый Рякин вводит нас в свои владения.

— Дело это, изволите видеть, хитрое.— И Павел Алексеевич посвящает в таинства рождения паруса.— Парус, он сложная геометрическая фигура. Где прибавишь, где убавишь полсантиметра, а площадь подай всю, ту же: тютелька в тютельку. Давеча яхтсмены приходили сюда, мастера спорта, Кошелев да Листопадов. Тут уж по высшему классу точности шьем. Я же сам на яхтах хаживал... А еще сработали паруса для «Крузенштерна» и «Седова». Поначалу хотели было в Англию заказ передать, а потом нас позвали.— И он, довольный, гордый, этаким колобком перекатывается по мастерской, где, за исключением его самого, абсолютный матриархат.— Женщины быстро премудрость сию одолели. Руки у них к шитью издавна привыкли. А сейчас флоту служат.

...И она тоже ему служит — коммунистка Маргарита Жамова из местного универмага. На ее попечении отдел посуды. После десятилетки училась в Ленинградской торговой школе. Послали в Кронштадт. Стала за прилавок. Торговала телевизорами, радиоприемниками, деталями к ним. Как-то зачастил к ней покупатель, специалист по части радио с Морзавода. На той «радиоволне» и взошло счастье молодых Жамовых. Вся жизнь Маргариты теперь и с торговлей (она заочно учится в институте торговли) и с Кронштадтом связана, с флотом, потому как главные ее покупатели — это они, офицеры да матросы. То придут по случаю новоселья сервиз покупать, а то по случаю свадьбы — значит, еще одна кронштадтская красавица с флотом породнилась или еще один морячок после демобилизации навсегда к острову причалил.

— Так вот и обрастаем,— хитро подмигивает наш коллега и гид.— Моряков, желающих остаться после демобилизации в морском нашем городе, много. Кронштадту 265, а выглядит-то он молодо. Растет, благоустраивается, нынче вон сколько строителей понаехало. Реконструкция!.. За пятилетку дадим примерно столько же жилья, сколько за все минувшие пятьдесят лет понастроили. Во многих фильмах кронштадтский булыжник прославили, да еще и чугунные его мостовые. Теперь асфальт теснит их... А вы случаем не обратили внимания на одно прелюбопытное объявление в нашей газете? Детские сады и ясли сообщают: есть свободные места. Желающие — милости просим. Здорово, а?

...Где-то совсем близко, на набережной, грохнула пушка. С давних времен и поныне каждодневно салютует она ровно в двенадцать. Секунда в секунду. Раз подала голос та пушка, значит, время опускать ложку в тарелку флотского борща. Обед! Кронштадт затихает. Военный и трудовой. Но наш путь туда, где люди не подчиняются сигналу пушки,— в Гидрометеобюро.

...Вахту несет Раиса Павловна Комкова. Ее уже предупредили: придут журналисты, интересуются футштоком. На след сей достопримечательности навел нас Михаил Федорович Петрук: «Когда человек на гору поднялся, ему говорят: «Это три тысячи метров над уровнем моря». А откуда счет идет? Не знаете? То-то и оно. От кронштадтской отметки, от нашего футштока...»

Он где-то здесь, рядом, и метеоролог Раиса Павловна обещает нам показать его. Вот только стихнет шквал телефонных звонков.

— Алло! Передаю... Северо-Восточный... Четыре — шесть баллов...

Проходит минут пятнадцать, и шквал на время стихает. Мы даже успеваем взять интервью еще у одной островитянки.

— Давно в Кронштадте?

— Давно. После Харьковского гидрометеотехникума послали сюда. Здесь вышла замуж за морского офицера, вот и осела...

Слушаем Раису Комкову, переглядываемся друг с другом, улыбаемся. А она непонимающе, удивленно смотрит на нас: «В чем дело, я, кажется, ничего смешного не сказала?» Нет, нет, конечно, ничего смешного, просто мы поспорили, когда шли сюда, встретим ли еще одну, что вышла замуж за флотского, или еще одного флотского, что женился на кронштадтке... Но Раису Павловну в эту свою маленькую тайну мы не посвящаем и, скрыв улыбки, продолжаем внимательно слушать ее рассказ про то, что есть футшток. Неожиданно прервав рассказ, она достает с полки какую-то книгу, быстро находит нужную ей страницу и протягивает нам: «Читайте. «В СССР основным нулем всех высот считается нуль Кронштадтского футштока, где имеются непрерывные наблюдения за 94 года». Это строки из учебника океанографии, к которым, однако, надо уже сделать поправку — учебник был издан в 1953 году, значит, наблюдения здесь собраны не за 94, а за 109 лет. А вот он и сам, футшток. Мы выходим к каналу старинной постройки и по узенькой лестнице спускаемся с набережной вниз, к воде, к той самой отметке, от которой исчисляют уровень высот в нашей стране. Нулевая риска, нанесенная на гранитную опору моста, появилась тут в прошлом веке. На металлической пластине, прикрывшей ее,— чтобы сохранить на века! — выгравировано: «Исходный пункт нивелировочной сети СССР». От нуля кверху тянется чугунная рейка с метками из нержавеющей стали. Это и есть футшток: 350 см над нулем, 135 — ниже его. Был только один случай, когда футштока не хватило: в пору наводнения 1824 года вода поднялась до 370.

На берегу стоит маленькая будка, связанная с футштоком, как сообщающиеся сосуды. Денно и нощно трудяга мореограф тянет здесь на рулоне миллиметровки свою зубчатую линию, фиксируя капризы Балтики. Каждые шесть часов приходит сюда дежурный метеоролог, чтобы проверить показания футштока по мореографу. За десятки лет хранятся в архиве эти показания, и случается, что из какого-то научного института вдруг запрашивают: а каков был самый высокий уровень Балтики за 75 лет?

— Когда к нам приезжали Гагарин и Терешкова,— рассказывает Раиса Павловна,— мы им показали наш футшток. Гагарин с любопытством разглядывал его и потом пошутил: «Вот, Валя, пуп земли, от которого ведут исчисления всех земных и космических высот».

...Мы молча стоим на берегу канала петровских времен. Много всяких дум навевает эта чугунная рейка. Кронштадт и мера высоты! Чего? Только ли моря? А мужества, бесстрашия, верности долгу? Где та рейка и в каких сантиметрах отмерит она немеркнущую высоту подвига людей твоих, город-крепость!

Старинный герб города.

В полную силу таланта

Фото А. Новикова.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. С. СОБОЛЕВА

Писатель-моряк... Флагман советской литературы о моряках...

Эти и подобные им определения, с какими чаще всего связывают имя Леонида Сергеевича Соболева, несомненно, верны: почти вся творческая жизнь автора «Капитального ремонта», «Морской души», «Зеленого луча», окончательно сложившись в ЛОКАФе (Всесоюзном литературном объединении Красной Армии и Флота), вот уж четвертое десятилетие осенена славным советским военно-морским флагом, в самых задушевных своих замыслах и созданиях посвящена морю и морякам, и, конечно, прежде всего таким знают и любят его миллионы читателей нескольких поколений.

Напоминая при этом, ради верности и полноты жизнеописания, о пятилетней литературной работе Леонида Соболева в тридцатых годах в Казахстане, принесшей всесоюзному читателю русский перевод «Абая» и «Антологию казахской поэзии и прозы», и воздавая должное огромной идейно-организаторской работе, какую ведет он все последние годы, участвуя в создании и возглавляя Союз писателей РСФСР, можно, однако, и не выходить из привычного круга высоких и красивых образов и сравнений, навеянных все теми же представлениями о писателе-моряке: бури и штормы, фарватер и мели, капитанский мостик...

Образы этого ряда, к которым и сам писатель охотно и часто прибегает в своей публицистике и литературно-критических высказываниях, очень уместны в применении к Леониду Соболеву, неразрывны в нашем восприятии со всем его творческим и личным обликом. И все же, размышляя ныне о его литературном пути, о том, что несут сегодняшнему и завтрашнему читателю его книги, нельзя не ощутить известную недостаточность здесь «морских» ассоциаций и определений, некоторую их бедность, односторонность, узость.

В лирико-публицистическом вступлении к «Морской душе» — в очерке 1936—1939 годов «Моря и океаны» — писатель вспоминал, как тринадцатилетним мальчиком впервые увидел он... нет, еще не море, а всего лишь сестрорецкую заводь Финского залива. Отроческая фантазия, вспоенная книгами, преобразила прозаическую картину: «Задержав дыхание, я всматривался в горизонт,.. видя только то, что мечтал увидеть: дорогу в мир. Вот, наконец, она, дорога в Америку, в Индию, Австралию, в страстно желаемый чудесный мир «Фрегата «Паллады», в мир выученного наизусть «Путешествия вокруг света на «Коршуне»! Море, разъединяющее земли и соединяющее народы, море — путь цивилизации, море — поприще великолепных побед!..»

Совсем иной предстала вроде бы та же водная гладь перед молодым командиром рождающегося Красного Флота каких-нибудь восемь лет спустя. Да, она «по-прежнему уводила воображение вдаль — в океаны. Они и точно «соединяли народы»,— горько иронизировал он.— По океанам и по всем морям, где только были советские берега, шли мониторы, подлодки, крейсеры», шли интервенты на помощь белогвардейщине. «Понятия странно смешиваются и путаются... Матросы — верхом на конях бьются в зеленой степи...»

Не будет преувеличением сказать, что советский писатель, складывавшийся в те грозные и прекрасные годы рождения и защиты нового мира, нового человека, новых понятий о жизни и смерти, не мог уже остаться просто «маринистом». Широкую известность и заслуженный успех принесла Леониду Соболеву книга, созданная уже в мирные годы и посвященная тоже «мирным», дореволюционным временам, но недаром вся она проникнута духом величайших исторических сдвигов и потрясений, свидетелем, участником и летописцем которых ему суждено и по плечу было стать.

«География летит к черту»,— энергично сказал Леонид Соболев о годах, когда в Донбассе сшибались в шторме белое офицерье Черноморья и балтийские красные матросы, когда Тихий океан заливал Сибирь и Советская страна казалась островом. В гигантском напряжении сил республика «остановила валы катящихся на нее океанов», и моря «отступили к своим естественным бассейнам», «вновь стали советскими». География умиротворилась, вернулась на законное свое место, и прежними остались старые морские дороги, и все понятия вновь обретали свою самостоятельность и ясность... Но насколько же иными они стали, какие же небывалые «географические новости» успели накрепко войти в сознание и чувства человечества, какой же отсвет лег на морские атласы и лоции!.. Мир стал иным, иными стали и Америка, и Индия, и Австралия, и совсем новый смысл обрели романтические традиции морских походов, повседневной моряцкой службы и жизни Красного Флота, которому в недалеком будущем предстояло первому во всеоружии ответить на бандитский ночной удар фашизма.

Конечно, писатель-моряк!.. И все же не только это определяет место Леонида Соболева в давней и доброй русской и мировой «маринистской» литературной традиции, на правом фланге тех, кто сегодня пишет у нас о море. Конечно, лучшие его книги — о военных моряках! И все же не одним этим измерить его вклад в нашу «сухопутную» или «цивильную» литературу. В принципе, хоть и по-разному и в разной степени, такого рода биографические и тематические определения, что-то немаловажное значa и объясняя, не могут передать наше понимание настоящего художника, называем ли мы его «певцом», к примеру, донского казачества или русского леса, рабочего класса или морской души...

«Трус не любит жизни: он только боится ее потерять. Трус не борется за свою жизнь: он только охраняет ее. Трус всегда пассивен,— именно отсутствие действия и губит его жалкую, никому не нужную жизнь. Отважный, наоборот, любит жизнь страстно и действенно». Сказанные в предисловии к фронтовым записям 1942 года, давшим название всей книге «Морская душа», эти слова Леонида Соболева выражают не только одну из заповедей тех, кто воевал в полосатых краснофлотских тельняшках, искони прозванных «морской душой», и не только один из непреложных законов войны, поведения в бою. Здесь по-своему откристаллизовался вывод, к которому ведет современного человека вся его новейшая история и к которому пришла вся передовая культура нового времени: утверждение жизни как героического деяния.

Раскрыть в людях хозяев своей судьбы, поддержать их в их стремлении к сознательному историческому творчеству, к выбору перед лицом будущего, помочь им в этом выборе,— есть ли у писателя задача более привлекательная и более необходимая?.. Целеустремленно и в полную меру своего незаурядного таланта принимает участие в решении этой задачи Леонид Соболев.

Флотская морская романтика подвергается в юношеских судьбах его героев суровым испытаниям на прочность и истинность, и прежде всего — в соотнесении с судьбой родного народа. «...Волнующая мечта о море, просторном и свободном, о плаваниях, далеких и долгих, о незнакомых берегах, о тихих закатах, торжественных и величественных, таящих в себе редчайшее чудо зеленого луча, возможное только в океане и видимое лишь счастливцами»,— куда ведут эти неясные и сладкие юношеские грезы, какое человеческое содержание ищет в них себе выхода?

Включаемый тобою зеленый сигнальный огонь, на который должны выйти твои товарищи со смертельно опасного задания,— символ этот недвусмысленно и ясно выражает в предельной полноте смысл и пафос того, что хочет и умеет сказать своими поэтичными и умными книгами писатель-моряк с душой коммуниста. Прочно заняли эти книги свое место в русской советской прозе, продолжая и развивая славные реалистические традиции искусства демократического, вдохновляемого высоким нравственным идеалом, учительного без назидания, но самым строем и пафосом чувств и убеждений, какими движим автор, ощущающий себя выразителем неуклонного и неостановимого пути родного народа к счастью, бойцом за будущее, одним из созидателей прекрасного и вольного мира для людей.

Д. СТАРИКОВ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Сдвинуты в сторону учебники по физике и тригонометрии, экзаменационные билеты и «Поднятая целина». Сегодня урок в десятом классе 32-й воронежской школы веду я, корреспондент журнала «Огонек». Тема урока: «Ты и твое завтра». На партах отпечатанные на ротапринте листочки, которые я только что раздала. Каждому — три листочка с пятнадцатью вопросами. И класс притих, сосредоточился, замер. Строго глядят на него со стен Евклид и Ферма, Эйнштейн и Лобачевский. Только девушка с глазами-звездами и ресницами-лучами, что на бюллетене у доски, улыбается, будто дразнит, напоминая о том, как мало дней осталось до конца школы, и спрашивает: «Ну, и как же вы?» Цифра на квадратике под профилем девушки меняется каждый день. Она становится все меньше. Потом вместо цифр появится нуль, ничего не осталось. Все позади. Вернее, все только начинается. Все еще только начинается!..

Думает притихший класс. Наверняка мечтает. Кем, например, собирается стать вот этот юноша, очень похожий на сына Губанова из фильма «Твой современник»? С таким же открытым лицом. Чем он намерен заняться? Подошла к нему, заглянула: «Я хочу поступить в Высшее военно-авиационное училище летчиков... Давно, еще с детства. Других планов не было и не будет. Строил модели и занимался в аэроклубе. Хочу летать, как Чкалов и Кожедуб». Вот как высоко, в небо, мечтает подняться он! А его сосед — юный здоровяк с кистью руки, широкой и крепкой, как у боксера? Еще не решил окончательно. Тренером или строителем на Дальнем Востоке. Тянет и то и другое. Хочется подсказать ему: а ведь можно совместить спорт и стройку! Но нельзя подсказывать! Пусть каждый решает сам за себя, даже учителя не вмешиваются — таков уговор. Пусть каждый пишет о том, что лежит на сердце. Самое сокровенное. Только честно, правдиво. Может, кого-нибудь смутит подпись? Тогда не ставьте фамилии. Это по личному желанию, как угодно. Есть вопросы? Я хожу по рядам и тихонько, чтобы не мешать остальным, отвечаю.

— Я занималась в кружке юных филологов при университете. В какой графе указать?

— А книги и фильмы перечислить?

— Вы не скажете, как называется институт, в котором придумывают одежду?

— Меня родители пугают профессией слесаря. А я вот пойду на завод. Так и писать?

И вдруг: «А вы давно журналистикой занимаетесь? Что кончали? Где?»...

А потом снова:

— Скажите, пожалуйста, а для чего эта анкета? И перечисление всякое тут — про радио, кино, про условия будущей работы? Зачем это надо?

— Видите ли,— это я уже обращаюсь ко всему классу,— нам надо знать, как, каким образом молодой человек выбирает главное занятие своей жизни — свое дело, свою работу. Откуда узнает о нем, к чьим советам прислушивается, что знает о специальности, которую наметил...

Да, именно таков был первоначальный замысел редакции «Огонька», когда она размножила в шестистах экземплярах анкету и я повезла ее по городам, побывала в 25 выпускных классах 13 школ. Однако изучение результатов опроса невольно привело и к другим выводам — социологического характера, о которых и пойдет дальше речь. Но сначала о выборе профессии...

«Поживем — увидим»

Передо мной несколько анкет. Киевлянин решил связать свою жизнь с железнодорожным транспортом, определил институт — он находится в соседней республике, в Гомеле. И факультет — механический. Выбор его не стандартен. Больше энтузиастов транспорта среди опрошенных не оказалось. Что побудило киевского парнишку сделать именно этот выбор? «Пять лет работал на детской железной дороге. Освоил несколько профессий. Я просто ЛЮБЛЮ железнодорожный транспорт». Читаешь это короткое признание в любви и веришь: да, из такого человека должен выйти хороший специалист! На верном пути и другой выпускник, тот, который станет прибористом. У него тоже все ясно: пойдет в цех контрольно-измерительных приборов, где работает его мать. В этом цехе он бывал не раз: сначала со школьной экскурсией, а потом и сам по себе. Очень интересно! Что ж, в добрый час!

Непоколебим в своем выборе и Евгений Александрович Косорунов, как он солидно себя представил, из города Электростали. Его стихия — химия. Маршрут — Московский университет. Кафедра физической химии. Все конкретно и точно. Мотивы? Вот они: «Меня интересует наука как таковая, а не связанные с ней обстоятельства. Читал статьи академика Семенова, курс «Физической химии» Киреева (это университетский курс.— Г. К.) и многое другое».

...Две анкеты. Из одного и того же города — Киева. Из одной и той же школы — № 99. Из одного и того же класса — 10 «А». Юноша и девушка решили посвятить себя архитектуре. На вопрос: «Почему вы избрали именно эту специальность?» — юноша отвечает: «Архитектура — искусство, а искусство — прекрасно». Что ж, согласна, не разделить эту точку зрения невозможно. А что дальше? «Меня подтолкнула выставка работ архитекторов,— пишет Ю. Аникин.— Ну, а впоследствии уж все остальное: научно-популярные фильмы, книги, стройки, на которые я ходил». Да, как источник информации о профессии — это все приемлемо и действительно может познакомить с характером и спецификой труда архитектора и даже «влюбить», как подчеркнул этот юноша, в избранную профессию.

Что же пишет об архитектуре девушка из того же класса, что Аникин, но не пожелавшая назваться? «Эта профессия мне нравится. Смотрела фильм». Вот и все. Не густо. Больше никаких доводов и аргументов, убеждающих в том, что выбор ее оправдан. Видимо, у нее их просто-напросто нет.

Еще две анкеты из того же класса. Одна заполнена ученицей, предполагающей стать инженером-экономистом. Профессия сейчас очень нужная. Но что она знает о ней? Ничего, ровным счетом ничего. На вопрос: «Имела ли возможность конкретно, лично познакомиться с ней (профессией.— Г. К.)?» — сплошные прочерки. Нет, я не точна. Есть на всей странице одна приписка: «Об этой профессии узнала из справочника для поступающих в ВУЗ». Вот так информация! В этом справочнике можно узнать адреса институтов, которые готовят экономистов, и послать по одному из них в конце июня заявление, но не больше. Знакомство шапочное.

В том же справочнике «отыскал» себе профессию и молодой человек, решивший поступить в Московский энергетический институт. Замахнулся широко, институт серьезный. Что же привлекло его? Неясно. Не указан даже факультет, а их там немало, и они очень разные. Уверен ли он, что путь, им избранный, именно тот, который ему больше всего нужен, и что, работая на этом поприще, сможет достигнуть многого и принести наибольшую пользу обществу?

Увы! С грубоватой откровенностью он отвечает афоризмом: «Поживем — увидим».

«Поживем — увидим». Да эти же слова беспощадны, как приговор! Через несколько лет счастливо вытянутый на экзаменах билет может обернуться несчастьем, станет личной трагедией для самого молодого человека и потерей для общества, которое рассчитывало на него. Отчего, например, во Львовском университете из каждых ста опрошенных пятикурсников 31 ответили, что хотели бы сменить специальность? Почему отсеивается из вузов значительная часть студентов? Нет, не только из-за лени, не только из-за слабого здоровья, а потому, что они попали туда случайно, затем, разобравшись, что к чему, почувствовали себя неспособными заняться делом, к которому шли вслепую.

Книги, теле- и радиопередачи, кино и дни открытых дверей, выставки и экскурсии, олимпиады и кружки, факультативные занятия и уроки труда — вот те светофоры, что стоят на дорогах юного путника. И будь он повнимательней, непременно заметит их и воспользуется ими. Одни из этих светофоров горят ярче, другие светят слабее. В анкете есть такие вопросы: «...Откуда вы узнали об избранной вами профессии или специальности: прочли в книге, услыхали по радио, увидели в кино... были на экскурсии...» Беспристрастные ответы на них чрезвычайно выразительны. Вот откуда почерпнули сведения о профессии школьники:

Экскурсии — 224

Фильмы (художественные и документальные) — 186

Книги, журналы — 98

Радиовещание — 96

Телевидение — 86.

Сценаристы и постановщики «Девяти дней одного года», «Клятвы Гиппократа», «Пути к причалу» и других фильмов, которые назывались в анкетах, вряд ли подозревают, какой мощный отзвук рождают их картины! К сожалению, кинолент, столь эмоционально воздействующих, но посвященных жизни рабочих, у нас очень мало. И крайне мало научно-популярных фильмов о рабочих профессиях. Немного и книг на эти темы, редки запоминающиеся радио- и телепередачи. Никакой системы в этой важнейшей области пропаганды у нас нет. Вероятно, поэтому на первое место и вышли экскурсии. Но раз уж они оказались наиболее эффективным средством, то стоит задуматься: благодаря чему? А заодно и использовать сильные стороны советчика-чемпиона для увеличения популярности и авторитета советчиков-аутсайдеров.

Кстати, большинству выпускников свойственно воспринимать либо все виды информации концентрированно, либо не касаться их вовсе. Как же ведет себя та часть школьников, которых нельзя назвать пытливыми? Чем руководствуются они?

Отцы и дети

Вопрос № 8 в анкете «Огонька» сформулирован так: «Кто посоветовал, помог Вам в выборе дальнейшего Вашего пути после школы: родители или родственники (кто именно), учитель в школе (кто именно), товарищ или знакомый (кто)? Подчеркните».

Подсчет 470 анкет, заполненных выпускниками средних школ Киева, Вильнюса, Воронежа, Мытищ и Электростали, показал, что:

241 ученик последовал совету родных

149 — совету товарищей

80 — совету учителей.

То есть к голосу учителей в среднем прислушался только каждый шестой ученик. Остальные восемьдесят семь процентов собираются идти по дорогам, подсказанным отцами и матерями, сестрами и братьями, друзьями и просто малознакомыми, случайными людьми. Цифры, конечно, неприятные для школы, что и говорить! Но такова жизнь.

Родители подчас отказывали себе во многом и, несмотря на то,

что любимое чадо ехало в школе на «тройках», говорили: «Подавай в институт, поможем!» Дети, обычно необыкновенно послушные в подобной ситуации, так и поступают. Из 470 человек только 52, по нашим данным, заявили, что пойдут после школы работать. Это, конечно, не значит, что 418 человек станут студентами. Но исходная позиция была такой, и диктовалась она, как правило, дома, в семье. Очень быстро вуз превращается в самоцель. Иных пап и мам не очень даже тревожит, «в какой», «куда». Диплом — вот ради чего стоит идти в вуз! «Для моих родителей особой роли не играет, какую я выберу профессию,— пишет учащаяся десятого класса школы № 45 в Воронеже.— Но, конечно, они хотят, чтобы я пошла в какой-нибудь вуз. Где учиться точно — не решила...»

Может быть, родители этой девушки недостаточно подготовлены для того, чтобы помочь ей разобраться и дать разумный совет? Вряд ли. Отец, как свидетельствует анкета, начальник крупного отдела на заводе и, вероятно, дает сам консультации по подобным вопросам, мать работает в библиотеке.

Вторая анкета из Киева. «Стать врачом посоветовала мне мама,— пишет девушка из школы № 99.— Она тоже хотела быть врачом, но война помешала. Мама внушила мне интерес к этой профессии». Конечно, у матери этой девушки самые лучшие побуждения. Она не смогла осуществить свою мечту в юности и, желая счастья дочери, вручает ей эту мечту, как эстафету. Но сможет ли ее дочь стать врачом? Может быть, она не способна пробыть и тридцати секунд в «анатомичке»? Характерна в этом отношении запись другой девушки. Она с детства тянулась к медицине. Но как-то пришлось ей столкнуться с практикой, и она узнала, что совершенно не переносит одного только вида крови... Пришлось изменить свой выбор.

И еще пример, о котором рассказывал мне один учитель. Порекомендовал он лобастому и рукастому пареньку пойти к станку. Смышленый. Руки тянулись к металлу.

— И что же вы думаете? — продолжает свой рассказ учитель.— Пришел папаша и обрушился на меня: «Вы что тут за агитацию разводите? Я, может, хочу, чтобы сын доцентом был, а? Не желаю, чтобы вкалывал он у станка. Сам проработал двадцать лет. Отстоял и за него и за себя». Спрашиваю у отца: «Что ж вы ему не давали учиться?»

«Я? — вскинулся отец.— Да я ему все условия создал. От всех забот освободил». Вот как... Отчего же он не занимался как следует? Чуть на второй год не остался. Куда ему с такими знаниями...»

Вероятно, под влиянием подобных родителей немало анкет оказалось полупустыми. О профессиях в них не значилось ничего больше, кроме «технический» или «педагогический» вуз. Куда там, чтоб указать факультет! Зато в графе «кто посоветовал», было подчеркнуто слово «родители». Те же самые родители знают, сколь безбрежен сегодня океан профессий. Знают, что звание инженера определяется многими сотнями специальностей, и от одной до другой расстояние порой не меньше, чем до Луны. И сами-то они в свое время вряд ли были так беспечны. А результат такой «ориентации»? Вот он (по данным наших анкет):

треть выпускников средних школ не определилась окончательно в выборе главной жизненной дороги, а добрая треть и не представляет даже, чем займется, если не пройдет по конкурсу в вуз.

Вывод первый. Треть, по крайней мере, школьников ничем не гарантирована от ошибки в самом важном жизненном вопросе. Треть нынешних выпускников, случайно став геологами или токарями, учителями или железнодорожниками, может не найти выхода своим способностям. А значит, будут работать без инициативы и увлечения, вполсилы.

Теперь порассуждаем с точки зрения родителей. Какому отцу или матери не хочется увидеть своих детей академиками, врачами или артистами?

Милые, любящие папы и мамы! Только бессердечный человек не поймет ваших чувств. Но не на одних чувствах строится жизнь. Самые добрые намерения, если они беспочвенны, могут привести к беде. Сколько сегодняшних неудачников-математиков смогли бы стать увлеченными химиками, сколько нынешних непризнанных писателей могли бы стать известными гидростроителями! Чтобы этого не случилось, надо реально оценивать возможности, способности своих детей, соизмерять их с потребностями общества. Ради счастья наших же детей!

219 и 40

Была я на одном любопытном уроке в Вильнюсе. Учитель раздал ученикам по двойному листку из тетради и продиктовал пять вопросов: Какие ты знаешь строительные профессии? Хочешь ли ты быть строителем? Что тебя увлекает в этой профессии? Что тебе не нравится в этой профессии? Насколько нужны строители Вильнюсу, республике, стране?

Немудреные как будто вопросы, но почему они вызвали такое замешательство?

За окном, распахнутым в нежную зелень, рычали, вгрызаясь в грунт, экскаваторы, кланялись стрелами краны, плавали по воздуху контейнеры с кирпичом. А девочки с толстыми жгутами волос на затылке и мальчишки в джерсовых рубашках морщили лбы и перешептывались друг с дружкой: «Плотник, маляр, крановщик и так далее»...

— Что это значит «и т. д.»? — спросил учитель, заглянув в листок.

— Только четверо из двадцати двух хотят идти на стройки,— подвел он потом итог.— Мало. Литве нужно очень много строителей. Одних инженеров — семьсот.

«Требуются штукатуры, облицовщики и сантехники». «Требуются экскаваторщики и шоферы». «Требуются каменщики, монтажники и электротехники» — эхом крупнонаборных объявлений перекликались с Вильнюсом Дарница и Отрожка, Мытищи и Электросталь.

Интересно, сколько же будущих строителей в наших анкетах? Вернувшись в Москву, в редакцию, я подсчитала. В Вильнюсе — 9. Восемь инженеров и один техник. В Киеве — три инженера. В Мытищах и Электростали — ни одного. В Воронеже — 7: пять инженеров, один техник и один рабочий. Итак, всего один десятиклассник из 470 захотел пойти работать на стройку рабочим. Да, чтоб быть абсолютно точной, не забыть бы еще про трех девушек из Киева. Но у них намерение с оговоркой: если не поступят в «свои» вузы и техникумы, то поедут на комсомольскую стройку в Сибирь или на Дальний Восток. Итого со всеми сомнениями и условиями — 23 строителя. 19 из них — и-тэ-эры.

Задаю себе вопрос: какие профессии самые популярные? Беру на поверку Воронеж. Тут опрошено больше всего десятых классов — восемь. 219 человек. Начинаю считать и волнуюсь: ведь это же очень интересно, значительно, важно — устремления юных. Куда направлены они?

На первом месте учителя. 40 человек из 219. Очень много, почти пятая часть. На втором месте — военные специальности, к которым рвутся ребята. На третьем — инженеры-технологи различных отраслей промышленности — 18 человек. Затем идут врачи и физики. За ними химики, экономисты, инженеры по радиоэлектронике. Дальше счет пошел на единицы — до десяти. И где-то на девятом месте — строители. Пять человек, как мы уже знаем, предполагают поступить в ВИСИ — Воронежский строительный институт.

А как выглядит отряд, нацелившийся на техникумы? Всего 19 человек. Тут вырвались вперед радиотехники. Для города, знаменитого своими «Рекордами» — телевизорами и радиоприемниками,— это закономерно.

Охотников пойти в рабочие — двадцать три. Из них девять токарей и три радиомонтажника.

Одиннадцать работников сферы обслуживания: четыре портнихи, три продавца, два парикмахера и два работника связи.

А каковы запросы промышленности? Я нашла в своем блокноте запись беседы с заведующим отделом по использованию трудовых ресурсов облисполкома Д. М. Бединым.

— Потребность в рабочей силе у нас огромная,— говорил он.— Особенно нужны станочники и строители. «Сельмаш» хоть сейчас может взять двести человек, шинный — пятьсот, «СК» — триста. Это по данным за март, до начала весеннего призыва в армию. Потом эти цифры резко возрастут. Нам нужны радиомонтажники, слесари, формовщики, мотористки-швеи, ровенщицы и крутильщицы... О строителях сказал раньше — тут дефицитны все специальности.

Обратите внимание, какая большая разница между бединской сводкой и планами десятиклассников! Поставить рядом то и другое можно, потому что наши данные собраны по пяти рядовым, средним по всем показателям школам, по одной от каждого района города. И в них преломляются явления, типичные для всего Воронежа.

Итак, два списка рядом. У Бедина на первом месте станочники и строители, у школьников — учителя, а станочники и строители где-то в самом хвосте. Бросается в глаза гигантский разрыв между желаемым и действительностью, несоответствие между надеждами юных и реальной обстановкой.

А с этой обстановкой нельзя не считаться. Л. И. Брежнев в своей речи на Всесоюзном съезде учителей привел пример: «...в настоящее время, в такой, скажем, отрасли, как машиностроение, для 80 процентов специальностей требуется подготовка в объеме техникума или полной средней школы». Потребность в такой подготовке в условиях научно-технического прогресса с каждым годом будет возрастать. Поэтому страна и идет к всеобщему среднему образованию. Надо ли говорить, как важна и ответственна сейчас роль учителя!

Профессия учителя у нас стала подлинно массовой, окружена теплой заботой, любовью и вниманием всего народа. Партия и правительство высоко оценили недавно труд советских учителей, удостоив лучших из лучших высокого звания Героев Социалистического Труда. Однако всем известно, что далеко не каждый человек может стать настоящим педагогом. Беспокоит та легкость, с которой нынешние абитуриенты выбирают себе этот путь. Напомню: в Воронеже, да и в других городах, как показал подсчет наших анкет, группа школьников, собиравшихся стать учителями, самая большая — сорок человек, или 16 процентов из всех опрашиваемых. В одном классе восемь девушек хотят быть преподавателями по литературе, языку и истории лишь потому, что у них были идеальными «исторички» и «литераторы». Хорошо, что у них перед глазами были наглядные, достойные подражания примеры — их учителя. Но достаточное ли это основание, чтобы решить: «Буду учителем!» Ведь, кроме знания предмета, общей эрудиции, необходимо обладать определенными чертами характера, терпеливостью, незаурядной волей, интуицией воспитателя... Об этом часто забывают наши выпускники, скопом идущие в педагогические ву-

зы. Поучителен пример из практики одного литовского района, где был проведен социологический опрос учителей. И вот оказалось: до 40 процентов учителей, да еще со стажем, готовы переменить свою профессию. Вероятно, и они, подобно выпускникам 1968 года, заполнявшим наши анкеты, когда-то писали, что «...любят детей — этих несмышленышей, хотят научить их быть добрыми и культурными», «любить красоту родного языка и природы»... Хочется верить, что тех, кто держит сегодня экзамены в университеты, педвузы и училища, тех, кто собирается ступить на благородную, но нелегкую стезю народного учителя, не постигнут подобные разочарования.

Группа выпускников мытищинской школы № 19. Десять юношей и девушек из 470 десятиклассников, заполнявших анкету «Огонька».

Фото Г. Санько.

Иду в сталевары!

— Десятиклассники заражены у нас вузовским вирусом. Загляните в наши восьмые классы. Они ведь тоже выпускные,— посоветовали мне в воронежской школе № 41.

Заглянула. В 8-й «Б»—32 человека. В девятый класс пойдет половина. Половина класса решила уйти из школы. «Я избрал профессию судового механика,— пишет Володя К.— Мой отец был радистом на эсминце во время Великой Отечественной войны и много рассказывал о морской службе. Хочу поступить в Петрозаводское мореходное училище...» Другого подростка привлекло радио. Работал в радиокружке. Прочитал несколько книг о конструировании приемников. Наметил себе техникум. Дочь рентгенолога решила пойти по следам родителей — поступить в медицинское училище.

С улицы Героев Стратосферы, где находится школа, я отправилась на другой конец города, в тихий, наполненный птичьим гомоном поселок Отрожку. Тут школа-восьмилетка № 19. Куда из нее ведут дорожки? Только спросила об этом у восьмиклассников, как дружно захлопали парты — встали ученики, которые не пойдут в девятый класс. Учитель испугался. «Нам ведь дали план по переводу в девятый! Нас ОНО «бить будет»!»

Что-то ОНО (отдел народного образования) тут отстал от жизни... К среднему образованию ведет несколько тропок. Учиться можно и в техникуме и в вечерней школе. Когда собрала анкеты, то оказалось: два восьмых класса Отрожки настроены дать девять слесарей разной специальности — от инструментальщика до наладчика, двух токарей, четыре швеи и продавцов.

Коминтерновский район города — зона влияния экскаваторного завода имени Коминтерна, станкостроительного, ТЭЦ, автогенного!.. Семеро ребят из школы № 26, что на Беговой улице, хотят стать фрезеровщиками, шлифовщиками и машинистами электровозов — недалеко железнодорожный техникум, три девушки — кондитерами и кулинарами.

А в городе Электростали, где существует такой мощный магнитный полюс, как металлургический завод, сила притяжения ощущается еще острее. Школа № 2 — подшефная заводу. Лучшие люди с металлургического — рабочие, бригадиры, инженеры — частые гости школы. Герой Социалистического Труда В. И. Корягин идет домой и нет-нет да и заглянет в школу. А то соберут группу ребят и поведут ее по цехам, покажут и расскажут им, как варится сталь.

Взаимные визиты не замедлили сказаться.

«Какую специальность вы избрали?» — спрашивает анкета «Огонька».

— Крановщика,— отвечают Владимир Селищев, Вячеслав Пронин, Евгений Бурутин и Ю. Агамов. Электриками собираются стать Валерий Миронов и В. Ющенко. Владимир Попов — слесарем-механиком.

У Сергея из 8-го «А» — ситуация, видимо, сложнее, поэтому и фамилии не написал. «Точно не знаю, кем буду, наверное, электриком»,— отвечает он на первый вопрос анкеты, но строчкой ниже выдает себя с головой: «А очень хочу учиться на сталевара...» В чем же дело, кто ему мешает? «Родители советуют на электрика». Чувствуется, покорил Сергея своей огненной профессией В. И. Корягин, хочется парнишке стать похожим на него, да вот папа с мамой что-то не велят...

А вот Александр Алексеевич Борисков сам сказал сыну: «Иди, сын, в сталевары!» И сын с радостью принял наказ отца.

Двенадцатый пункт нашей анкеты эмоционального характера: «Как вы относитесь к избранной профессии: восторгаетесь ею, влюблены или только трезво, расчетливо оцениваете ее (подчеркните)?» Виктор Борисков подчеркнул слово «восторгаетесь» два раза.

— Где работает ваш отец? — спросила я его, пробежав глазами ответы.

— Во втором сталеплавильном, на третьей печи,— с достоинством ответил Виктор.

Разумеется, школьники придут в цеха не от парты. Перед ними еще одна ступень — профессионально-технические училища. И тут заслуживает особого внимания почин Электростали. С осени этого года ГПТУ № 33 начнет готовить не просто металлургов. Завод берет училище под свою опеку. Его воспитанники получат специальность и овладеют всеми знаниями в объеме средней школы. Разряд плюс аттестат зрелости — вот что это будет такое! И не случайно уже сейчас сюда хлынул поток заявлений.

Думается, что создание училищ такого типа позволило бы пополнить ряды рабочего класса профессионально грамотной и образованной молодежью. Побольше бы таких училищ!

Вильнюсский эксперимент

— Приходит к нам подросток: «Дайте мне, пожалуйста, адрес вуза, где ихтиологами становятся». Спрашиваю его: «А ты знаешь, что такое ихтиология?»

— Ну, рыб изучать разных.

— Предположим. Чем же она тебе нравится?

— Красиво. В аквалангах под водой можно плавать...

— Ах вот в чем дело! Тогда возьми почитай, здесь про ихтиологию,— сказал я ему, доставая из шкафа книгу.— А потом скажи мне, что тебе здесь нравится...

Мой собеседник тонок и худощав, спортсменской гибкости и стати. Мы идем с ним по Ругягелю, что значит по-русски «василек». Улица голубого василька, тихая, зеленая, узенькая, совсем сельская, карабкается среди домиков на гору.

— Другого искателя экзотики привлекла агрономия,— продолжает он.— «Люблю поля и луга. Хорошо ходить среди моря пшеницы». «А навоз ты любишь на полях разбрасывать? А не спать ночами, когда иней вдруг посеребрит в апреле всходы, сможешь?» «Э, нет, я не так себе представлял агрономию...» Так и «агитируешь». Надо раскрыть человеку глаза. Показать ему и все плюсы и все минусы... И если, познав их, он все равно захочет стать агрономом, ихтиологом или токарем, тогда из него и получится толк. Но вот мы и пришли...

На горе, на приподнятой ровной площадке, будто на ладони колосса,— большая красивая школа с современной светло-стеклянной пристройкой. Террасами канадского клена, цветущих яблонь и вишен, асфальтированными дорожками спускается пришкольный сад вниз, на привольные спортивные площадки, которым может позавидовать и заводской стадион. Это школа № 26. Расположена она на самой окраине Вильнюса. Происходят в этой школе вещи замечательные. В ней в одной из первых в Литве и впервые в нашей стране введен в десятых классах новый предмет. Называется он для учеников «Выбор профессии», а для специалистов — «Профессиональная ориентация». Преподает его мой спутник, который привел меня в эту школу,— Михаил Андреевич Добрынин.

Что же представляет этот предмет (читается он факультативно)?

Добрынин показал тезисы и план курса, рассчитанного на тридцать часов. Вначале — общие сведения о структуре народного хозяйства и системе подготовки кадров в СССР. Потом двадцать пять рассказов о профессиях по отраслям — строительство, химическая промышленность, машиностроение, транспорт, энергетика, служба быта, пищевая и легкая индустрия, искусство... В заключение — анкета интересов учащихся и ее анализ, домашнее сочинение на тему «Как я представляю себе будущую профессию», наконец, занятия отдельных групп по интересам, на которые разбился класс после курса профориентации. Кроме того, экскурсии и практика на стройках, заводах и встречи со знатными людьми...

Вот и все. Никаких премудростей и хитростей. Удивительно простым кажется ключ к разгадке жгучей проблемы самоопределения, которая каждую весну будоражит миллионы юных и неюных голов. Но это только кажется...

Во-первых, далеко не каждый педагог сможет читать этот курс в таком объеме. Хорошо, что Добрынин окончил два факультета — гуманитарный и технический и свободно разбирается в вопросах, которыми забрасывают его ученики. Хорошо, что он не только учитель, но и психолог, хотя каждый по-настоящему образованный педагог обязан знать и основы психологии. В действительности так бывает далеко не всегда. Хорошо, что Добрынин овладел несколькими европейскими языками и широко использует литературу о профессиях, издаваемую нашими друзьями в социалистических странах. В Советском Союзе профессиограмм— квалифицированных рассказов о профессиях — недостаточно, их изданием до самого последнего времени мало кто занимался, а то, что есть, исчисляется небольшими тиражами. Хорошо, что у Добрынина есть план курса, разработанного в прошлом году группой учителей политехнической секции, и им в том числе, и профориентационной комиссией школы № 25 Вильнюса. План этот отпечатан на машинке и имеется в нескольких экземплярах. А про вильнюсский эксперимент слух просочился во многие города и республики. И отовсюду — с Урала, из Белоруссии, Центра — приходят запросы: «прислать и выслать»... А что Добрынин может прислать, чем он может помочь? Нужны учебники о профориентации и о профессиях.

Во-вторых, этот курс должен быть построен в соответствии с экономикой и развитием производительных сил того края, области и даже района, где он читается.

В-третьих, даже такой разумно поставленной информационной службой в школе нельзя предусмотреть все исключения из общего правила. Как «перевоспитывать» того воронежского отца, который «пугает» сына заводом, или токаря, который не хочет, чтобы сын унаследовал его дело? Что делать с юношей, который жаждет стать художником, убежден в своих способностях, а их у него-то

вовсе и нет? Что сказать школьнику, который не может разобраться, куда его больше тянет — к астрономии, химии или экономике? Или тому, который намерен стать учителем.

— Какой же выход? — спрашивала я в Вильнюсе, в Министерстве просвещения Литвы.

— Нужны профессиональные консультации. Это второй этап работы по профориентации,— отвечали мне.— Несколько лет назад группа специалистов — Г. Галките, Л. Йовайша и С. Крегжде — обследовали и изучали профессиональные интересы восьмиклассников. Мы создали консультационный пункт на общественных началах. Было установлено, что двадцать процентов, то есть пятая часть всех учащихся, нуждается в комбинированной высококвалифицированной консультации методиста, врача и психолога.

В Литве это поняли и создали четыре консультационных кабинета со штатными единицами — в Вильнюсе (старшим методистом тут работает Михаил Андреевич Добрынин), Каунасе, Шяуляе и Капсукасе. Открылся прошлой осенью такой кабинет и в Москве. В нем очень полезную, интересную работу ведет А. В. Путинцев, сотрудник Научно-исследовательского института производственного обучения Академии педагогических наук СССР. Но это лишь первые ласточки.

— В Польше, например, давно уже существует единая государственная система профориентации,— рассказывал мне Добрынин.— Там работает 220 солидных пунктов. Они обслуживают все города и сельские местности. Кончится учебный год — специально поеду изучать их опыт...

Ну, а что показал опыт самой школы № 26 в Вильнюсе? Привожу некоторые данные нашей, огоньковской анкеты.

Число учащихся в классе — 32; число учащихся, избравших работу в случае непоступления в вуз или техникум,— 27; число учащихся, которые прямо отметили в анкете влияние уроков по «Выбору профессии»,— 26.

Двадцать разных специальностей, избранных учениками,— строители и медики, машиностроители и радиотехники, экономисты и химики, физики и художники, работники торговли и технологи — вот что дало в Вильнюсе широкое ознакомление с профессиями и их значением. Двадцать юношей и девушек — в других классах это, как правило, единицы — предпочли дороги, которые указал им учитель. Наконец, пять человек сразу после школы решили идти работать слесарями и токарями, а трое — в сферу обслуживания. То есть четвертая часть класса — это тоже максимальная для всех десятых классов цифра! Четверо учеников будут строителями.

* * *

На коллегии Министерства просвещения СССР разбирался вопрос о профессиональной ориентации. Говорилось там и о специальных семинарах, и о введении особого курса в педагогических вузах, и об отсутствии теоретически разработанных основ этой проблемы.

...Лето в разгаре. Кем буду я? Правильно ответить на такой вопрос должен каждый молодой человек. Помочь ему — долг старшего, стоящего с ним рядом.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Новые главы

В СНЕЖНОМ ПОЛЕ

У тульской сумрачной заставы,
как переменная судьба,
в заезжем цирке для забавы
идет вечерняя борьба.
Возможно, что не без подсказки
там под галеркой, далеко,
потеют трусики и маски,
трещит последнее трико.
Борцов приемы и повадки
все в электрической жаре.
Лежат могучие лопатки
на старой Персии ковре.
Сдавай свой номер, словно бирку,
бери осеннее пальто.
Уже брезент сдирают с цирка,
поедет дальше Шапито.
А в поле снежном за заставой
стучит ружейная пальба,
блестит клинок в ладони правой,
идет последняя борьба.
С врагов сорвавши к черту маски,
на кобылицах без подков
из карабинчиков подпаски
в кулацких целятся сынков.
Бранясь и сплевывая смачно,
не замечаючи мороз,
идет кровавый бой кулачный,
не для потехи, а всерьез.
Уже рассвет, а битва длится,
стук мерзлых сабель не затих.
Ржут и стенают кобылицы,
жалея всадников своих.
И по дороге вдоль России,
через рассветный снеговей
устало едут верховые,
гоня кулацких сыновей.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

И снова, словно бы в сказанье,
я вижу, взяв себе билет,
Дом Красной Армии в Рязани
второй зимы тридцатых лет.
Его чугунная ограда
снежком покрыта голубым.
Народ идет сюда, как надо,
привычным шагом строевым.
На этот праздник небогатый,
прикинув так и так сперва,
своих прислала делегатов
литературная Москва.
Себя талантами считая —
ведь есть у каждого грехи,—
мы нашей армии читаем
свои поэмы и стихи.
Нет, мы совсем не монументы,
мы не срываемся едва,
от грохота аплодисментов
у нас кружится голова.

Как всадник истинный, вразвалку,
в военной форме прежних дней
пошел к трибуне Матэ Залка,
остановился рядом с ней.
Он говорит, расставив бурки,
и не совсем без юморка,
как на привале у печурки
иль за столом у земляка.
Еще в буфете сверх программы,
вдаль устремив влюбленный взгляд,
пьют пиво взводные, их дамы
свое пирожное едят.
Еще до поезда немало,
еще далеко до Кремля,
и мы выходим неустало
под снег и звезды февраля.
А сбоку, словно в зимней сказке,
движеньем обольщая всех,
летят за санками салазки
вдоль по оврагу — прямо в снег.
Недолго думая, туда-то,
враз потеряв приличный вид,
возглавив нас, прекрасный Матэ,
пыхтя от радости, бежит.
Не щелкопер какой-то дамский —
на санках вместе с мелюзгой
скользит герой войны гражданской,
участник первой мировой.

За ним по пропасти, вдогонку,
как в глубь твою, ночная Русь,
с какой-то школьною девчонкой
я в упоении несусь.

Ее метельные косицы,
всем наставленьям вопреки,
в прекрасных ленточках из ситца
моей касаются щеки.

...Я ночью зажигаю спички,
в свое окно гляжу зимой,
и снова снежные косички
опять летят передо мной.

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Я рад тому, что в жизни старой,
средь легендарной суеты
сам знал Аркадия Гайдара:
мы даже были с ним на «ты».

В то время он, уже вне армий,
блюдя призвание свое,
как бы в отсеке иль в казарме,
имел спартанское жилье.

Быть может, я скажу напрасно,
но мне приятен признак тот:
как часовой, он жил у Красных,
а не каких-нибудь ворот.

Не из хвальбы, а в самом деле
ходил товарищ старший мой
в кавалерийской все в шинели
и в гимнастерке фронтовой.

Он жил без важности и страха,
верша немалые дела.
Как вся земля, его папаха
была огромна и кругла.

Когда пошли на нас фашисты,
он был — прекрасен и силен,—
из войск уволенный по чистой,
по той же чистой возвращен.

И если рота отступала
и час жестокий наступал,
ее он всю не одеялом,
а пулеметом прикрывал.

Так на полях страны советской,
свершив последний подвиг свой,
он и погиб, писатель детский
с красноармейскою душой.

ЗОЯ

В городах незаметна природа,
в фонарях не увидишь звезду.
В майский дождь сорок первого года
я по улице поздней иду.

И в окне, как сквозь смутные дали,
понимая все сразу едва ль,
в школьном зале,
в предутренней зале
вижу я приглушенный рояль.
Под последнею лампой
прощальной —
там когда-то и я бушевал —
и веселый и все же печальный
выпускной завершается бал.

Я стою под окном запотелым,
вдоль него неумело хожу,
словно бы в потаенное дело
сквозь запретную щелку гляжу.
Парень девушку кружит
в объятьях,
в первый раз на недолгом веку
пролетает вечернее платье,
прикоснувшись к его пиджаку.

И не знает она, хорошея,
то, что ей суждены впереди
воровская веревка на шее,
Золотая Звезда на груди.

КОМСОМОЛЬЦЫ САМОЙ РОССИИ

Я приятности нахожу
в том, что, словно бы голубица,
с легким шелестом прохожу
через таможни и границы.

Ведь недавно совсем не так,
без улыбочек, без идиллий,
развивая огонь атак,
в эти местности мы входили.

Знают Софи́я и Белград,
помнят люди немолодые,
где под камнем могильным спят
комсомольцы самой России.

На войну уходя сперва,
не успели они жениться.
Их единственная вдова —
наша северная столица.

Гул тогдашней войны затих,
но она все, как подобает,
обручальных колец своих
с пальцев каменных не снимает.

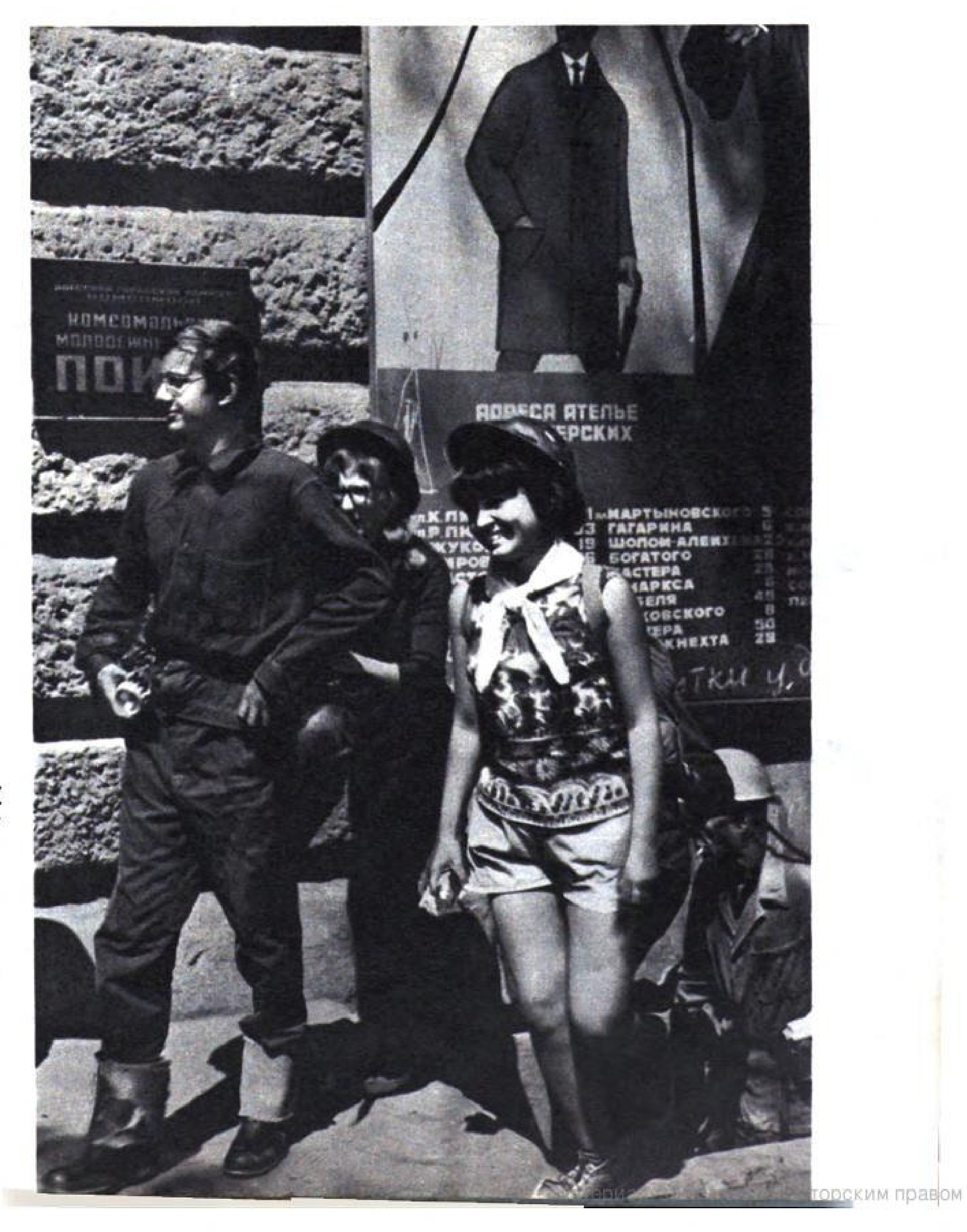
1 Этой фотографии в апреле будущего года исполнится четверть века. В 1944 году я был военным корреспондентом и в ночь с 9 на 10 апреля вместе с войсками вошел в Одессу. А утром 10 апреля стал свидетелем очень волнующего события: из катакомб выходили партизаны. Вылезали они грязные, чумазые и счастливые. Выбралась из катакомб и группа словаков, которые перешли на сторону партизан еще во время немецкой оккупации. Тут же возник митинг. Я сделал несколько снимков.

Позже я много раз рассматривал старые фотографии и страшно жалел, что так и не познакомился с этими замечательными людьми. А почему бы не сделать это сейчас? Разыскать их и сказать: «Мы с вами встречались. Помните?..»

Георгий ЗЕЛЬМА
(АПН. специально для «Огонька»)

50 ВЛКСМ

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

2 И вот я снова в Одессе. Первый визит — в комсомольско-молодежный клуб «Поиск», организованный при горкоме комсомола. Ребята пишут героическую летопись своего города, идут по следам своих отцов, сражавшихся на этой земле за свой город, за свою страну.

Я пришел в клуб и застал следопытов за сборами. Одеты они были по-походному. Все в шахтерских касках — значит, собрались в катакомбы. Были тут и люди постарше, бывшие партизаны. Я показал фотографию. Спросил, не узнают ли они кого-либо. Комсомольцы узнали многих. На снимке были их друзья, чьими подвигами они гордятся, ветераны войны, только помолодевшие на четверть века.

«Это же командир Лощенко!» «А где сейчас Лощенко?» «Жив, здоров. У него дома теперь штаб-квартира, мы там часто бываем».

3

3

От комсомольцев шестидесятых годов я отправился к комсомольцам годов двадцатых и сороковых. В тот же день я был у Анатолия Ильича Лощенко. Рассказал ему, что хочу осуществить то, что не успел сделать почти четверть века назад,— познакомиться с людьми, которых фотографировал.

— Ну что ж. Начнем вот с этого юноши, который выходит из катакомб с винтовкой в перевязанной руке. Через плечо — пулеметная лента. Это Володя Тодоренко, отважный партизан.

4

В отделе кадров проектного института Укрводхоза, посмотрев на старую фотографию, сказали: «Да, конечно, это Тодоренко. Он у нас работает. Боже мой, да он, оказывается, партизанил!.. Пожалуйста, пройдемте к нему. Он у нас руководит архитектурной группой института». Сотрудники Тодоренко побросали свои кульманы, окружили нас. Многие не знали, что их начальник был отважным партизаном.

5

Так выглядел Одесский порт весной 1944 года. Я сделал снимок в месте, где разрушений было больше всего. Но фашисты не успели взорвать все, что планировали. Собственно говоря, «не успели» — это не то слово...

6

В порту работали Ануфрий Кицюк (на фотографии он в центре, присел на корточки) и Петр Лапушанский (стоит справа). Они во многих местах предотвратили взрывы в порту, перерезав провода. А. Кицюк — сейчас начальник поезда, а П. Лапушанский по-прежнему работает в порту слесарем. Рядом с ними А. И. Лощенко.

7

В первые дни после освобождения Одессы по многим улицам города проехать было невозможно, потому что они превратились в многокилометровые кладбища автомашин, орудий, танков и другой техники. Живописная картина, не правда ли?

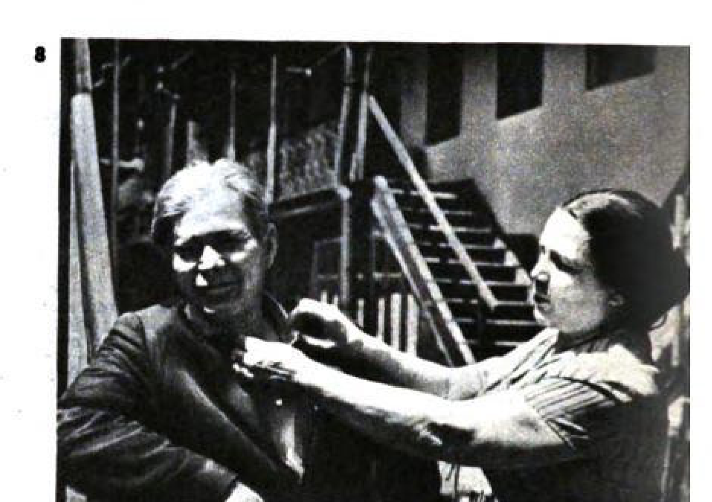
8

Супруги Соручан — Екатерина Егоровна и Илларион Иванович. Им поручили тогда диверсионную работу в городе, занятом немцами. Тогда они были молоды, комсомольский возраст. Теперь я сфотографировал их у дома, где когда-то находилась явочная квартира партизан.

4

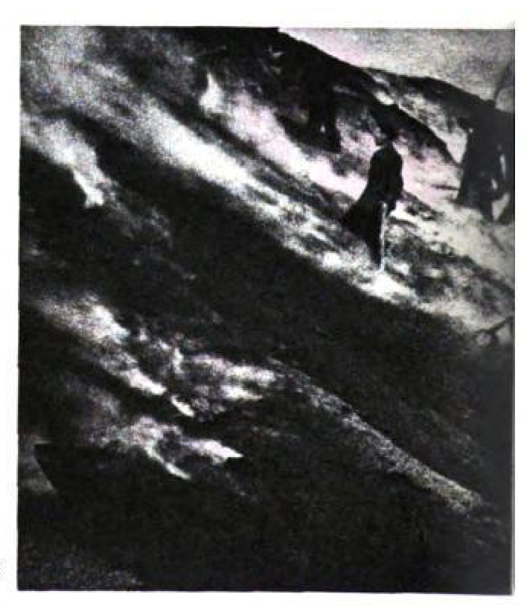
5

7

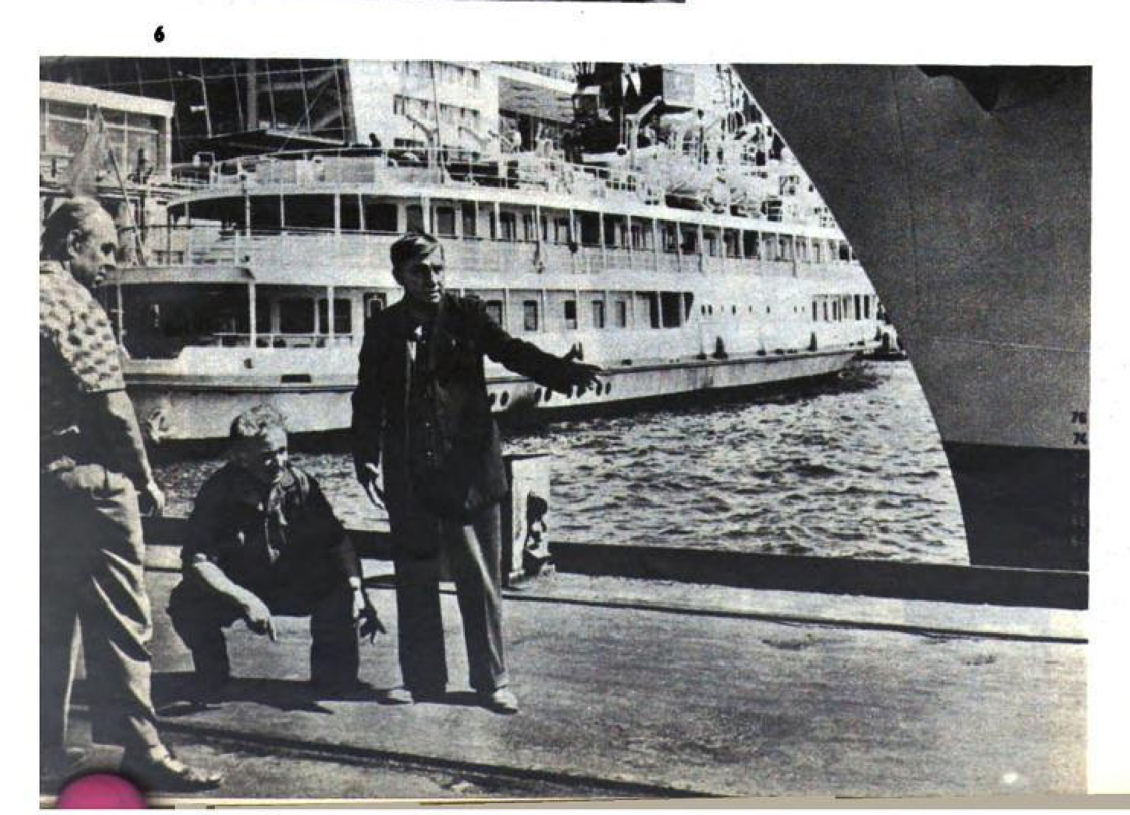
8

9

6

10

9

При отступлении из Одессы фашисты пытались уничтожить все, что могли. Они сбросили под откос несколько эшелонов зерна и подожгли хлеб. Но этот план гитлеровцы не смогли осуществить до конца потому, что группа партизан во главе с Николаем Ивановичем Гончаровым бросилась спасать хлеб. Я застал эту группу, когда партизаны тушили последние очаги пожара.

10

Николая Ивановича Гончарова мы встретили на лестнице его дома. «Да, да, так оно и было,— сказал он, разглядывая снимок,— я во время оккупации был разведчиком на железной дороге». Сейчас он пенсионер.

11

Справа, в кубанке, улыбающийся — командир отряда Борис Вячеславович Гумперт. До войны он работал капитаном-наставником. Слева, повыше всех — Миша Парада, его правая рука. Фашисты не обращали внимания на этого мальчишку, который бродил по городу. А мальчишка был отличным разведчиком.

12

Таким я увидел Бориса Вячеславовича Гумперта теперь. Он мало изменился. После войны Б. В. Гумперт вернулся к старой профессии, сейчас он пенсионер, почетный гражданин города-героя Одессы.

13

Вера Ивановна Оборотова и Анна Михайловна Николаенко — тоже в прошлом партизанские разведчицы. Я их фотографировал около дома, в котором помещалась штабквартира отряда. Сейчас Вера Ивановна Оборотова работает старшим мастером на швейной фабрике, Анна Михайловна Николаенко — персональная пенсионерка.

14

Несколько дней вместе с Анатолием Ильичом Лощенко я ездил из конца в конец города, разыскивая бывших партизан. Я не смогу рассказать обо всех встречах — их было много. И не всех мне удалось найти, и не везде я успел побывать. Но это место мы миновать не могли. В парке Шевченко у могилы Неизвестного матроса — братская могила партизан, погибших во время боев за Одессу. Бывший командир долго стоял у этих мраморных плит.

15

Но вернемся в комсомольско-молодежный клуб «Поиск», туда, где комсомольцы разных поколений работают вместе, плечом к плечу, где подвиги ветеранов становятся жизнью, достоянием и гордостью юношей и девушек наших дней. В одно из воскресений с группой следопытов, возглавляемой М. Г. Древиным, я отправился в катакомбы. Михаил Герасимович Древин — бывший партизан, великолепно знающий подземелья. Нет, он не экскурсовод. Он живая история, легенда, он учитель и советчик, друг комсомольцев.

11

12

13

14

15

П. И. ЛЕБЕДЕВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
директор Государственной Третьяковской галереи

ДОСТОЯНИЕ НАРОДА

И сегодня точно так же, как писал В. В. Стасов в 1898 году: «Приедет ли в Москву человек из Архангельска или из Астрахани, из Крыма, с Кавказа или с Амура,— он тотчас назначает себе тот день и час, когда ему надо, непременно надо, идти в дальний угол Москвы, на Замоскворечье, в Лаврушинский переулок, и посмотреть с восторгом, умилением и благодарностью весь тот ряд сокровищ», что собраны в стенах здания с нарядным фасадом в сказочном русском стиле, украшенным древним московским гербом. Только ныне это уже не дальний угол, а центр выросшей советской столицы, и ведущая сюда тропа стала много протоптанней, шире. 90 лет назад в Третьяковскую галерею шли сотни, тысячи, а сегодня — полтора миллиона в год!

...Ее называют художественным музеем всесоюзного значения, крупным центром социалистической культуры, средоточием изучения русского искусства, музеем — энциклопедией русской жизни, трибуной передовых художников... Официальное имя ее сегодня — Государственная Третьяковская галерея. Народ же вот уже сколько десятилетий зовет ее любовно — Третьяковка.

...Едва отгремели октябрьские залпы, как по указанию В. И. Ленина «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» печатают воззвание «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России», зовущее их «зорко, бдительно беречь» унаследованные народом «богатства культурные», «огромные ценности духа». Среди ценностей этих одной из самых дорогих Владимир Ильич считал Третьяковскую галерею.

В 1918 году, решавшем судьбу республики, вслед за декретами о мире, земле Ленин подписал «Декрет о национализации Третьяковской галереи»: «Принимая во внимание, что Московская Городская Художественная Галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции... Московскую Городскую Художественную Галерею имени Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики». Под этими строками ленинская подпись и дата: **3 июня 1918 года. Вторая дата рождения Третьяковской галереи.** С этого дня она уже принадлежит не городу Москве. Она собственность всего народа. Собственность первого в мире государства рабочих и крестьян.

Победивший народ щедро одарил любимую галерею. Из музеев и частных коллекций, из дворцов, аристократических и буржуазных особняков стали переселяться сюда лучшие творения русского искусства. Такие, без которых мы, современники 50-летия Третьяковки, даже не мыслим ее сегодня: «Явление Христа народу» Александра Иванова, «Похороны крестьянина» Перова, «Неизвестная» Крамского, федотовские «Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Анкор, еще анкор!», «Девочка с персиками» Серова... С незнакомой, непривычной медлительному и обстоятельному музейному бытию стремительностью заполнялись пустые страницы в этой живой истории искусства. Тем более, что Третьяковская галерея, с рождения бывшая чутким барометром будущего, уже подготовилась к переменам: И. Э. Грабарь, состоявший в 1913—1915 годах ее попечителем, расположил произведения в хронологической последовательности, отчего пустоты в предреволюционной экспозиции стали особенно заметны и огорчительны. И вот буквально на глазах, в считанные месяцы, целые периоды собранной П. М. Третьяковым красочной истории русского искусства — XVIII век, допетровская, древняя Русь — перестали выглядеть лишь коротенькими главами на фоне обстоятельного и блестящего раздела второй половины XIX столетия. Теперешний гость Третьяковской галереи может видеть, откуда черпали творческую силу Крамской, Репин, Суриков, Серов... Новый зритель, хлынувший потоком в обновленную Государственную Третьяковскую галерею, потребовал не только показать, но и рассказать. Как можно полнее и доходчивее. Музею нужно было найти форму этого разговора. Прецедента не было. Были, правда, и раньше в музее нечастые экскурсии, которые водили интеллигенты-энтузиасты. Да был еще ответ директора Эрмитажа графа Д. И. Толстого на замечание председателя Всероссийского съезда художников 1914 года о том, что «недостаточно наделить музей сокровищами, но нужно дать возможность их использовать». «Это — бесспорная истина,— сказал Д. И. Толстой,— но едва ли оратор выведет из этого заключение, что при библиотеках необходимо открывать для посетителей школы грамотности и обучать посетителей читать по складам». Они могли иронизировать сколько душе угодно. Советский музей решил иначе: если надо — будем учить понимать искусство, пусть сначала по складам.

Быть первооткрывателем не просто. Многое было испробовано, чтобы оказаться отвергнутым: сначала музейно-эстетические экскурсии, гипнотизировавшие зрителя «переживанием тайны искусства», потом — в 20-х годах — посетителей ошеломило, поразило обилие в залах «левых» кубо-конструктивистских творений; в 30-х годах молодые экскурсоводы в галерее гордо показывали оробевшим от их неслыханной премудрости зрителям «искусство данного класса на данном историческом отрезке». «Одворянившаяся крупная буржуазия» сменяла в мгновение ока искусство «капитализирующегося дворянства», а зрители сердились и роптали, что картины одного художника висят в разных залах. Попробуй представить его творчество в целом...

Теперь мы можем гордиться успехами. Сорок различных видов экскурсий. Десятки тысяч в год! Передвижные выставки по стране, лекции, кружки, курсы по истории искусств. Нескончаемый список дел, творческих находок, методологических открытий, побед советского искусствознания. И все же то волнующее время, сложное своей «бучей, боевой, кипучей», галерея вспоминает с благодарностью. Именно тогда в устном творчестве экскурсоводов А. В. Лебедева, Ф. С. Рогинской, С. Н. Дружинина, В. В. Ермонской, В. И. Антоновой, С. З. Гольштейн, М. М. Колпакчи, А. С. Галушкиной, Э. Н. Ацаркиной и многих, многих других, среди кого сегодня немало докторов наук, впервые рождалась советская история русского искусства.

* * *

...В 1856 году 26-летний московский купец Павел Михайлович Третьяков приобрел два живописных полотна. Не из тщеславия, не для «вложения капиталу» или украшения дома только, а для того, чтобы, как он сам скажет четыре года спустя, «...положить начало общественного, всем доступного хранилища искусства, принесущего многим пользу, всем удовольствие». И уже тогда — в 1856-м — знал он твердо, какой должна быть его будущая «национальная галерея».

«Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес... дайте мне хотя грязную лужу, да чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника...»,— излагает свои взгляды на искусство Павел Михайлович живописцу, приславшему академизированно-идеалистический пейзаж. То, что обе первые приобретенные Третьяковым картины принадлежали русским художникам, произошло отнюдь не случайно, а вследствие твердого, продуманного, целенаправленного его намерения собирать не живопись вообще, но именно живопись русской школы. Немало поездил по Европе Павел Михайлович еще с юности, немало наслушался там пренебрежительных, полных иронии отзывов о родном искусстве, нагляделся, какое жалкое место отводят ему мировые выставки. «Многие положительно не хотят верить в хорошую будущность русского искусства,— размышлял Третьяков,— и уверяют, что, если иногда какой художник наш напишет недурную вещь, то както случайно, и что он же потом увеличит собой ряд бездарностей... я иного мнения, иначе я не собирал бы коллекцию русских картин... и вот всякий успех, каждый шаг вперед мне очень дороги, и очень был бы я счастлив, если бы дождался на нашей улице ПРАЗДНИКА... Я както невольно верую в свою надежду: наша русская школа не последнею будет».

Вот живая картина, сбереженная для нас М. В. Нестеровым.

«Бывало в декабре, когда художники всех толков потянутся через Москву в Питер к выставкам — начнутся паломничества Павла Михайловича по мастерским, по квартирам, комнатам-«меблирашкам», где проживал наш брат-художник. Обычно по утрам к одному из таких счастливцев подъезжали большие крытые сани... В таких санях совершал свои наезды к художникам «тишайший» Павел Михайлович Третьяков. Входил... приветливо, здороваясь, целуясь по московскому обычаю троекратно со встречавшим хозяином, и, приглашаемый им, входил в мастерскую. Просил показать, что приготовлено к выставке (у москвичей — к Передвижной). Садился, долго смотрел, вставал, подходил близко, рассматривал подробности. И не всегда сразу приступал «к делу», а бывало и так, что посмотрит-посмотрит, да и заговорит о постороннем. Всякое бывало. Начинал свой объезд Павел Михайлович со старших — с В. М. Васнецова, Сурикова, Поленова, Прянишникова, Влад. Маковского — потом доходил и до нас, младших — Левитана, Архипова, меня, К. Коровина, Пастернака, Аполлинария Васнецова и других».

Для галереи — своего любимого детища — Третьяков хочет от начала и до конца правды. Лучшие по мастерству и глубине мысли произведения с передвижных выставок поступали в его галерею: «Петр I и царевич Алексей» Н. Н. Ге, саврасовские «Грачи прилетели», полотна Перова, Крамского, Максимова, Шишкина, Боголюбова, Савицкого, Куинджи...

Царское правительство отказало в поддержке четырнадцати академикам-бунтовщикам. Опору — материальную, моральную, творческую — нашли передвижники у Третьякова. И не всегда просто складываются отношения П. М. Третьякова с властями.

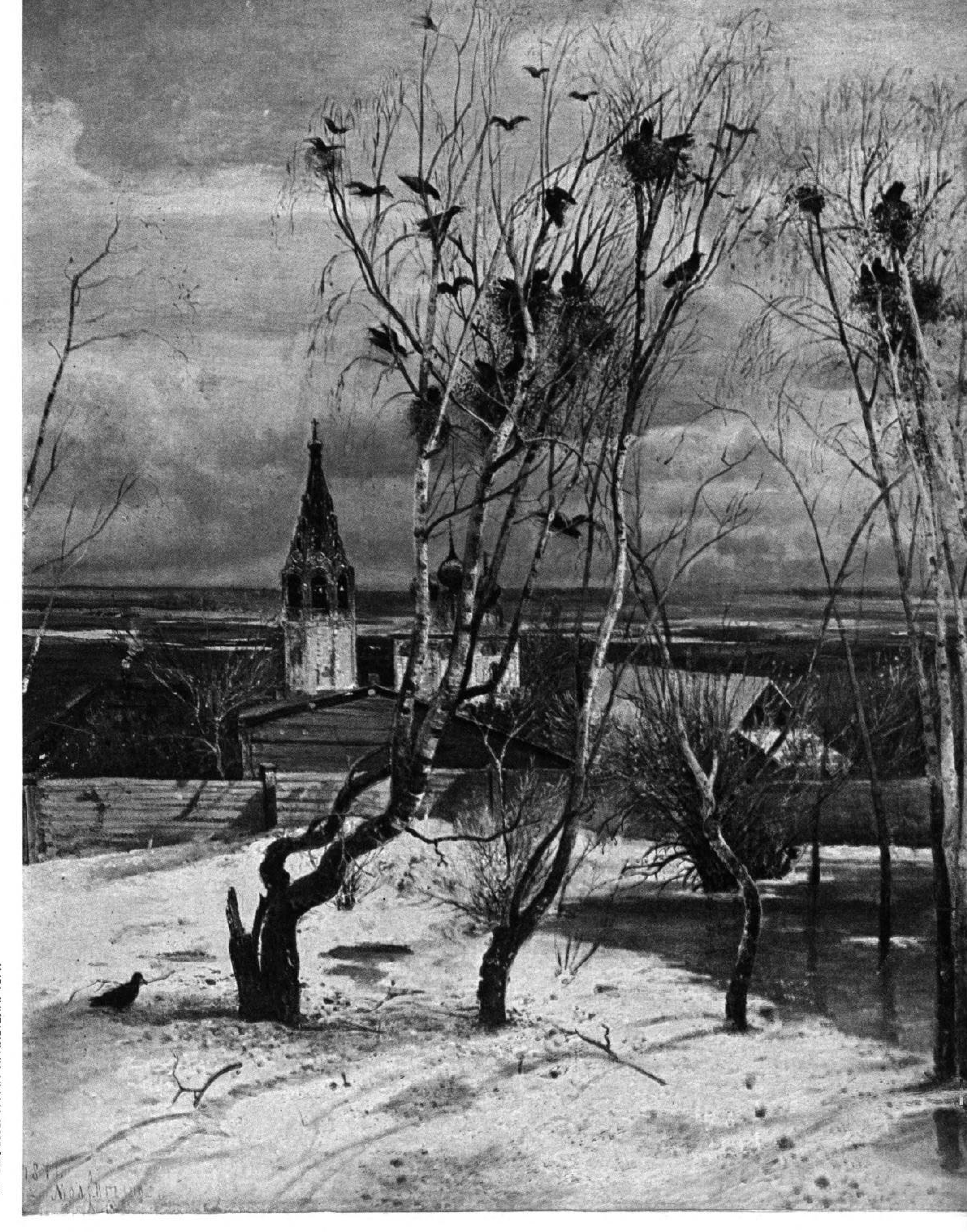
Начались неприятности с картины Перова «Сельский крестный ход на пасхе», о чем свидетельствует письмо художника В. Худякова (это его «Стычка с финляндскими контрабандистами» стала в 1856 году первенцем собрания): «Слухи носятся, что будто бы вам от св. синода скоро сделают запрос, на каком основании вы покупаете такие безнравст-

И. Репин. ПОРТРЕТ П. М. ТРЕТЬЯКОВА. 1883.

К. Брюллов. ВСАДНИЦА. 1832

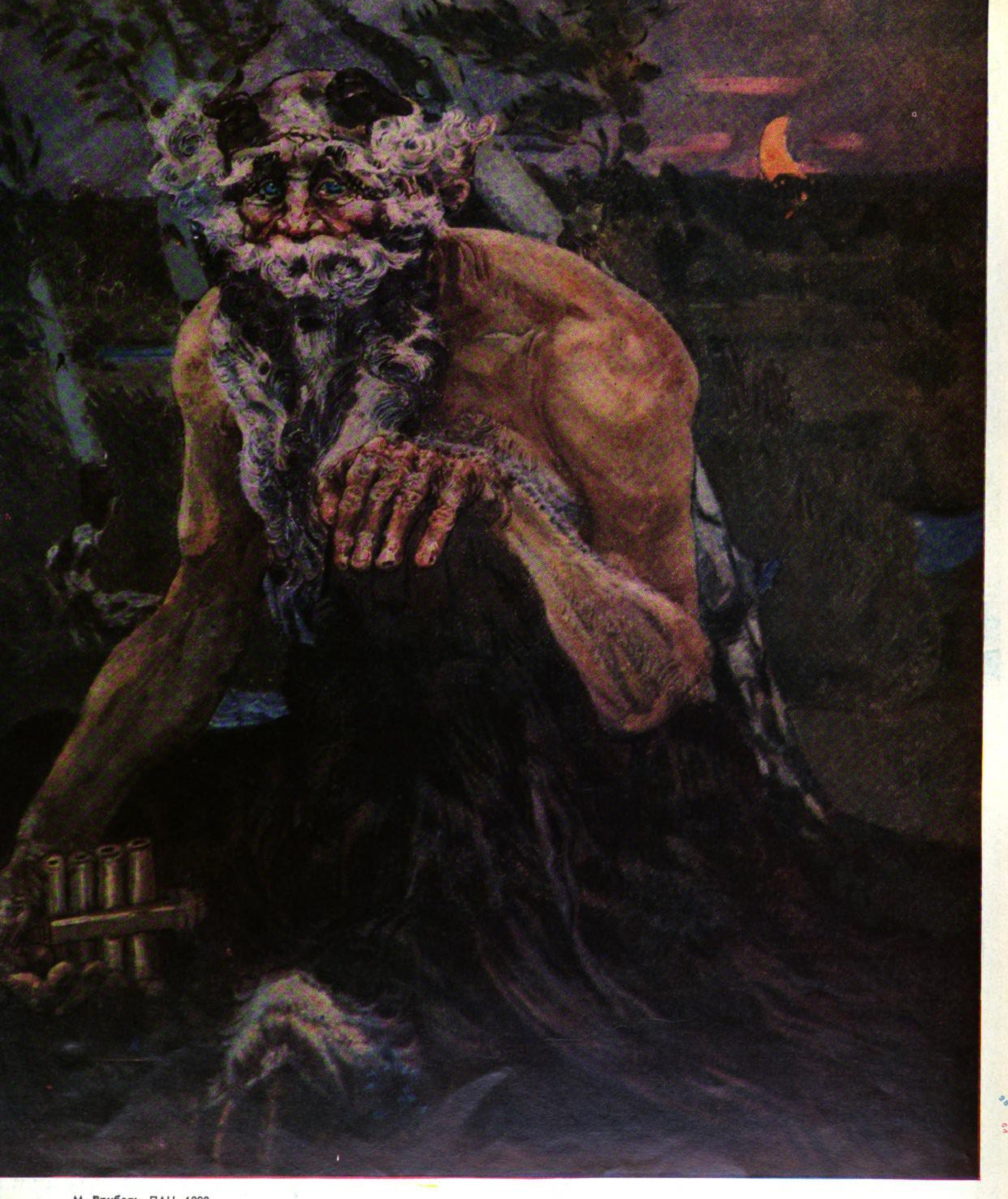

А. Саврасов. ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ. 1871.

На развороте вкладки: **В. Васнецов.** БОГАТЫРИ. 1898.

М. Врубель. ПАН. 1899.

И. Левитан. НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ. 1894

А. Куинджи. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1879

А. Рылов. В ГОЛУБОМ ПРОСТОРЕ. 1918

И. Машков. НАТЮРМОРТ.
КЛУБНИКА И БЕЛЫЙ КУВШИН. 1943

венные картины и выставляете публично...» И еще шесть лет спустя после покупки Третьяковым картины судебный следователь Пречистенской и Хамовнической частей в Москве все еще будет запрашивать Академию художеств: «...была ли на выставке Академии картина художника Перова, изображающая крестный ход, причем участвующие в нем лица представлены в пьяном виде... какое последовало о ней распоряжение, т. е. была ли она снята с выставки и воспрещен выпуск ее в обращение». Немало осложнений претерпел Третьяков с картинами Верещагина, Якоби, Ярошенко... Но, пожалуй, больше всего «не повезло» репинским полотнам.

В 1877 году был приобретен в галерею «Протодьякон». Писал его Репин с Ивана Уланова, чугуевского дьякона, от пения которого, как рассказывали старики, гасли свечи на паникадилах. Илья Ефимович был в восхищении от монументальной своей модели. «Это экстракт наших дьяконов, этих львов духовенства, у которых ни на ноту не попадается ничего духовного — весь он плоть и кровь, лупоглазие, зев и рев, рев бессмысленный, но торжественный и сильный, как сам обряд в большинстве случаев! Мне кажется, у нас дьякона есть единственный отголосок языческого жреца... и это мне всегда виделось в моем любезном дьяконе...»

Именно из-за точности живописной характеристики тогдашний президент Академии художеств, великий князь Владимир Александрович и нашел, что «такую физиономию духовного лица неудобно показывать французам» — на Всемирной выставке в Париже 1878 года.

Дальше — больше! Только куплена картина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», как получает П. М. Третьяков от московского обер-полицмейстера секретное отношение:

«Милостивый государь, Павел Михайлович! Государь император высочайше повелеть соизволил картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» не допускать до выставок и вообще не дозволять распространения ее в публике... имею честь покорнейше просить... в удостоверение же настоящего объявления Вам приведенного высочайшего повеления не оставить подписать прилагаемую при сем подписку и прислать оную ко мне...»

«Потрясавшие устои» репинские шедевры — «Не ждали», «Отказ от исповеди», «Арест пропагандиста», «Крестный ход в Курской губернии» — нещадно вскрывали жгучую правду, будили мысль, совесть.

В августе 1892 года внезапно умер младший из братьев Третьяковых — Сергей Михайлович, завещав в собственность города Москвы свое личное собрание картин и принадлежавшую ему ту половину дома в Толмачах, где размещалась коллекция старшего брата. Павел Михайлович решил, что дар должен быть единым, и 31 августа сообщает в Думу:

«...желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской Городской Думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями...»

Именно городу Москве, а не царскому правительству была подарена галерея, не имеющая себе подобной. Галерею свою, оцененную в день передачи в полтора миллиона рублей, собирал П. М. Третьяков с тем, чтобы «...нажитое от общества вернулось бы также к обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях».

Предстоят тягостные для этого скромного человека торжественность, гласность. Предвидя их, Третьяков еще до отправки сообщения в Думу оповещает В. В. Стасова, чтоб предупредить, зная его экспансивность: «Сведений о себе я Вам не дам, так как очень не люблю, когда обо мне что-нибудь печатается». Но неукротимый, громогласный Стасов опубликовал статью в «Русской Старине».

Тут же — в декабре — пришло благодарственное письмо от Московской Городской Думы, торжественные приветствия и адреса от Московского общества любителей художеств, петербургских художественных деятелей во главе с вице-президентом Академии художеств, от «боевых товарищей» — передвижников. Последней «неприятностью» был созванный в честь открытия галереи съезд художников и любителей художеств... И долго потом получал Владимир Васильевич Стасов полные упреков, жалоб, сетований письма: «Как Вы могли напечатать такие вещи... Это ужасно... За мое пожертвование Вы первый меня наказали». «Я не желаю никаких похвал»... «История моего собрания будет написана верная, правдивая, я ее скрывать не намерен, но на все нужно свое время».

* * *

Еще почти столетие назад — в 1878 году — И. Н. Крамской называл адрес Третьяковской галереи — Лаврушинский переулок, Никола, Толмачи — единственным известным «всем мало-мальски думающим русским художникам». И в наши дни народный художник СССР Б. В. Иогансон говорит, что Третьяковской галерее все советские художники «обязаны, как сын обязан родной матери».

Только ли художники?!

Ярко напоминила былое Третьяковка и революционеру-большевику В. Д. Бонч-Бруевичу: «Еще нигде не описаны те переживания революционеров, те клятвы, которые давали мы там, в Третьяковской галерее, при созерцании таких картин, как «Иван Грозный и сын его Иван», как «Утро стрелецкой казни», как «Княжна Тараканова», как та картина, на которой гордый и убежденный народоволец отказывается перед смертной казнью принять благословение священника. Мы... долго-долго смотрели на судьбу политических — нашу судьбу — «На этапе», и близко понимали «Бурлаков»...»

Н. К. Крупская рассказывала, как Владимир Ильич в эмиграции подобрал у знакомых каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно. И мы знаем, что несколько раз Ленин после Октябрьской революции приходил в Третьяковскую галерею встретиться с любимым искусством. Он радовался, как быстро росла коллекция. Даже в самые тяжелые времена в галерею везли дрова в ответ на ленинский призыв: «Товарищи! Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа».

Крепло Советское государство — Союз Советских Социалистических Республик. И с каждым днем все больше заботы о себе ощущала Третьяковка. В 20-е годы к ней добавилось здание церкви Николы в Толмачах и соседний дом. В 1931 году в залах зажглось электричество, и народ толпился теперь в них до позднего вечера. В 1935 году посетителей приняла новая, выстроенная по проекту академика архитектуры А. В. Щусева часть здания галереи. Однако снова тесно в полусотне залов галереи. Тесно зрителям, тесно картинам. 50-летняя советская Третьяковская галерея с нетерпением ждет дня, когда можно будет ей расселиться и в том новом здании, фундамент которого заложен на берегу Москвы-реки.

Ежегодно увеличивается в галерее отдел многонационального советского искусства, принявшего эстафету от мастеров русской классики. Сейчас, когда в мире бушует море модернизма, абстракции, поп-арта и прочих формалистических вывертов, Третьяковская галерея и ее советский отдел являются маяком мирового реалистического искусства, оплотом правды и света. Третьяковская галерея свято оберегает великие традиции и принципы социалистического реализма, которые наглядно предстают в ее залах живым многообразием творчества художников Советской страны. Как и вся многотысячная экспозиция прославленной сокровищницы, ее советский отдел демонстрирует перед зрителями советское искусство, отразившее славную историю Родины.

Октябрьская революция. Мы узнаем ее в полотнах Петрова-Водкина, Кустодиева, Иогансона. В «Лениниане» Андреева и Бродского предстал перед нами бессмертный образ Ленина.

О первых трудных годах республики рассказывают полотна Грекова, Дейнеки, Яковлева, Малютина, Шухмина, Кацмана, Ряжского...

Советское искусство воспело трудовой подвиг пятилеток, новую жизнь советских людей в предвоенные годы, запечатлело грозную годину битвы с фашизмом. И все лучшие произведения, все то, что становится классикой, поступало, как и всегда, в Третьяковку. Нестеров, Голубкина, Грабарь, Юон, Корин, Сарьян, Шадр, Мухина, Коненков, Томский, Сергей Герасимов, Кончаловский, Крымов, Пластов, Калнынь, Тансыкбаев, Пименов, Нисский, Яблонская, Кукрыниксы, Кибрик, Пророков. И сколько еще у нашего советского искусства имен, составляющих его гордость, славу! И среди них молодые мастера...

По-прежнему пополняются и коллекции XVIII—XIX веков поступлениями из частных собраний — отечественных и зарубежных, неожиданными находками искусствоведов. Из экспедиций сотрудники галереи привозят новые сокровища в отдел древнерусского искусства.

Где на попутной машине, а то и на добытом у геологов вертолете доставят наши экспедиторы из далекого северного села тяжелую доску. Несведущий человек и не взглянет! Но бережно, как драгоценность, берет ее в руки чудодей-мастер Василий Осипович Кириков. Помолчит. И вдруг... Медленно, будто про себя, певучим мстёровским говорком произнесет: «Четырнадцатой век...— А потом, подумав, удовлетворенно: — Нет. Да что это я — ведь тринадцатой!»

По неприметным признакам — как доска рублена, как сзади скреплена, какой скос от края к прописанному полю — определяет Василий Осипович возраст иконы. А значит, и ее художественную, историческую ценность.

Сейчас у Кирикова на рабочем столе две вещи: «Князь Владимир» да «Никола» — один из самых почитавшихся на Руси святых, первый помощник и заступник, «единая надёжа» русского мужика. XIV век! Реставратор осторожнейше — не дай бог повредить, задеть тончайшую пленку олифы, оставленную древним мастером-иконописцем для защиты темперных красок,— снимает слой за слоем поздние записи, что легли прямо на старинное письмо. Однако снимает лишь там, где рентген сообщил: есть под записью еще слои. Когда же всевидящие лучи молчат, то верхняя запись остается неприкосновенной. Таков закон реставрации! А вдруг в этом месте более древней живописи нет — погибла? Для того, быть может, и записали? Подправили? А ведь и новое письмо это довольно старое. Как на иконе «Святой Георгий» (из новгородского Юрьева монастыря), где самое раннее письмо датируется XII веком, а самое позднее — XIV...

Возможно, кому-нибудь из читателей покажется странным, неожиданным, даже нелогичным факт, что именно в советское время возник в Третьяковской галерее самостоятельный раздел древнерусского искусства. С такими всемирно известными шедеврами, как рублевская «Троица» и «Спас», как «Владимирская богоматерь». Октябрь помог творениям великих художников древности — иконам наново открыть перед людьми свою редкостную, забытую красу. У Павла Михайловича в собрании находилось уже более 50 икон. Он одним из первых понял ценность их как памятников художественной культуры.

Рублев, Дионисий, Феофан Грек, Даниил Черный... Не много имен сберегла нам история. Родное искусство целых столетий дошло до нас почти безымянным. Но что из того... Не ведающие тления создания безвестных художников говорят с нами до сего дня. И без их напряженной, страстной повести, где до наших дней за века не утратилась, не померкла ни единая краска, была бы неполной художественная летопись, которую сегодня в Государственной Третьяковской галерее с увлечением и восторгом, удивлением и благодарностью читают и перечитывают люди земли.

«...Мы ощутили смысл жизни во всех ее деталях, в надеждах, горестях и стремлениях в разные десятилетия. Это правда, что мы ощутили в столь короткое время картину жизни России так, как если бы она была списана с натуры»,— оставляют автограф в Книге отзывов галереи граждане ОАР.

Турист из США восклицает: «Я не знаю другого музея, в котором искусство на всем протяжении было бы пронизано ОДНОЙ ИДЕЕЙ ВО ВСЕЙ КОЛЛЕКЦИИ — от изумительных икон до выразительного реализма искусства Советского Союза!»

Студенты Университета дружбы народов благодарят галерею «за ее показ русского искусства, которое раскрывает перед человечеством историю славы русского народа». Болгарские артисты говорят, что невозможно забыть «эти чудесные картины... которые вдохновляют человечество на добрые дела!»

Но, наверное, особенно радостной, знаменательной и дорогой для советской Государственной Третьяковской галереи была полученная в день ее 50-летия вот эта телеграмма из Волгограда от рабочего тракторного завода:

«Какое большое, неизгладимое впечатление оставляет в душе Третьяковская галерея. В ней видна как в зеркале история нашего народа, широкие просторы нашей Родины. Третьяковская галерея заставляет любить жизнь, бороться и трудиться во имя нашего счастья, во имя коммунизма».

Николай АСАНОВ

ОГН

Часть первая

Глава первая: ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ БОЯ...

1.

«16 февраля наши войска после решительного штурма, перешедшего потом в ожесточенные уличные бои, овладели городом Харьковом...»

Совинформбюро.
16 февраля 1943 года.

В середине февраля майора Толубеева внезапно вызвали на госпитальную комиссию...

Все эти дни раненые жили взволнованно-приподнято. Врачи с изумлением наблюдали, как, казалось бы, безнадежные пациенты вдруг начинали поправляться, интересоваться событиями в мире и на фронтах. Лежачие больные требовали костыли и сызнова учились ходить. А еще вчера считавшиеся «трудными» сегодня просились на выписку.

Но госпитальные врачи знали, что эти чудеса зависят совсем не от медицины, не от лекарств. Это было чудо всеобщего подъема, охватившего страну.

Всего лишь две недели назад, первого февраля, было опубликовано сразу ставшее достоянием истории знаменитое сообщение Совинформбюро «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС», начинавшееся словами: «НАШИ ВОЙСКА ПОЛНОСТЬЮ ЗАКОНЧИЛИ ЛИКВИДАЦИЮ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК, ОКРУЖЕННЫХ В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА».

Хотя в недавние месяцы Совинформбюро ввело новую рубрику «В последний час» и часто передавало радостные сообщения о победах на том или другом фронте, но нужно было быть солдатом, чтобы полностью представить себе масштабы этой победы под Сталинградом. И со второго февраля количество «чудесных» исцелений в госпитале все увеличивалось, возле репродукторов шла непрерывная дискуссия на тему: а какой фронт будет назван сегодня? — местные стратеги определяли, где начнется новое наступление, и все это, естественно, способствовало бодрости духа, которую даже скептики-врачи начали принимать во внимание, определяя ту или иную методу для лечения раненых.

Новые раненые в этот госпиталь не поступали: в нем долечивались те, кто получил тяжкие ранения еще в сорок втором году, в дни тяжелых оборонительных боев во время немецкого наступления на Ленинград, а затем при неудавшейся попытке прорвать блокадное кольцо под Синявином, в затяжных боях под Демянском, под Волховом. Этим бойцам, сражения которых не принесли видимой удачи, наверно, больше, чем кому-нибудь еще, нужно было узнать, что их подвиги и даже страдания помогли другим бойцам выковать подлинную победу...

И майор Толубеев тоже понимал, что хотя немцы в конце концов разгромили батальон легких танков, которым он командовал под Волховом, все равно, даже и неудачные бои его небольшого соединения, героическая гибель его машин, его людей, пусть и не принесшие значительного успеха, так или иначе внесли свою долю на ту чашу весов, которая сейчас окончательно перевешивала всю могучую мощь фашистских армий. Но сам-то он был очень еще плох, чтобы надеяться на скорое возвращение к своим солдатам.

Вот почему вызов на госпитальную комиссию для него оказался неожиданным.

Пулевая рана в живот совсем еще недавно считалась смертельной. И Толубееву казалось, что ему необыкновенно повезло: его выходили, почти уже вылечили, только три последовательные операции чрезмерно истомили его. На комиссию он шел с полным пониманием того, что ничего утешительного врачи ему не скажут...

Комиссия, к удивлению майора, оказалась весьма представительной: присутствовали несколько госпитальных врачей, два каких-то крупных медицинских начальника и еще некий молчаливый остроглазый полковник, чрезвычайно пристально разглядывавший Толубеева.

Сначала Толубеев не обратил внимания на этого человека. Его поразила новая форма офицеров: погоны, еще не обношенные, лежавшие дощечками на плечах, серебряные у медиков, золотые у военкома и остроглазого полковника. До сих пор Толубеев, как и другие ходячие больные, видел солдат и офицеров в погонах только через окно госпиталя, как они проходили по улицам, еще и сами не узнавая себя, порой косясь на эти новые знаки различия на собственных плечах и необыкновенно пристально разглядывая их на плечах встречных военных. Погоны были только что введены и как-то необычно изменили вид армии...

Остроглазый полковник был интересен Толубееву только своими красивыми погонами с крупными золотыми звездами. Но тут майор уловил настороженный, изучающий взгляд полковника, и ему вдруг показалось, что он уже где-то видел это узкое, с высокими надбровьями лицо, эти светлые прищуренные глаза, которые словно бы изучали его или, во всяком случае, запоминали, как запоминают чужой облик глаза художника, собирающегося писать портрет, а пока что исследующего натуру.

И внезапно Толубеев вспомнил: месяц назад, во время последней операции, когда он уже засыпал под наркозом, едва сопротивляясь слабости и тошноте, он услышал быстрые шаги, — они отдавались в усталом мозгу подобно барабанному грохоту, — и кто-то подошел к операционному столу, встал в ногах у Толубеева, пристально вглядываясь, спросил горячим быстрым шепотом:

— Ну, как?

— Надеемся! — сухо ответил госпитальный хирург, голос которого Толубеев узнал сквозь начинающееся забытье.

— Имейте в виду, он нам очень нужен! — решительно произнес неизвестный и словно бы растаял: уже начинал действовать глубокий наркоз.

«Хотел бы я услышать твой голосишко! — неприязненно подумал Толубеев. — Если это был ты, когда я на смертном одре лежал, я бы тебя спросил: «А по какому праву ты мне умереть не позволял?»

Сейчас-то майор не на смертном одре лежал, а находился перед официальной комиссией, только чувствовал себя дурно. Он уже разделся до трусов и стоял перед столом, за которым сидели все эти люди, а тот, быстроглазый, похожий на гипнотизера, все так же пристально приглядывался к нему, но вопросов не задавал, живот ему не мял, — этим занимался госпитальный хирург, другие просто смотрели со стороны.

А рассматривать, на взгляд Толубеева, было что. Весь живот в шрамах, втянут куда-то внутрь, и мнилось Толубееву, что госпитальный хирург, прикасаясь к его животу, запросто прощупывает под бледной кожей позвонки — так живот стал пуст и тощ. И тут же услышал голос быстроглазого гипнотизера:

— Ну, как?

«Он! Точно, он!» — поразился Толубеев. Хирург, помявшись, недовольно буркнул:

— Ничего хорошего. Нужен длительный отдых для восстановления сил...

Вопрошатель умолк, уставившись взглядом в стол перед собой, и тут Толубеев приметил перед ним свое личное дело. Ему сразу стало не по себе. Выходит, это не посторонний человек! Личным делом обычно интересуются в двух только случаях: или ты совершил ошибку, пусть ты и не знаешь, какую, — там сами дознаются! — или когда требуется кадровая передвижка. А ни того, ни другого Толубееву не хотелось: он уже совершил в своей жизни крупную ошибку и с той поры старался ошибок не совершать. А с передвижкой и совсем был не согласен: знал, что его батальон получил новые танки взамен расстрелянных фашистами, знал, что его ждут люди, с которыми он начал воевать тридцатого июня сорок первого года, — далеко не всех перебили немцы в том последнем бою! — и хотел продолжать войну именно вместе с ними, чью храбрость и волю к победе он уже испытал.

И в эту минуту мелькнуло у него еще одно подозрение: а не сидел ли именно этот востроглазый человек в сторонке за столом, когда другой крупный начальник

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЕННАЯ ДУГА

разбирал прежнюю «ошибку» Толубеева и грозил ему всеми карами за эту «ошибку» и обещал сломать ему если не всю жизнь, так «карьеру»? Но как это могло быть? То дело начиналось задолго до войны... И с легким сердцем Толубеев подумал, что это последнее видение именно привиделось,— просто не понравился ему этот худой, остролицый и остроглазый человек, по какому-то неясному поводу интересовавшийся личным делом заурядного офицера-танкиста, лежащего после тяжелого ранения в заурядном офицерском госпитале в Москве.

— Одевайтесь, майор! — сухо приказал хирург и попросил сестру пригласить следующего офицера.

А наутро тот же хирург, как-то робко и словно бы извиняясь, сказал на врачебном обходе Толубееву:

— Владимир Александрович, мы вас выписываем. Документы подготовлены, зимняя форма тоже. Советую сначала пообедать...

«Так. Но что же все это значит? Сначала явная немилость: выписывать офицера с незаживленными ранами — значит обрекать его на скорое появление в другом госпитале, только тот будет похуже и поближе к фронту. А затем тут же зимняя форма и диетический обед. Конечно, попал он сюда осенью, зимняя форма необходима. Ну, а обед?.. Известно, какие сейчас обеды в столовой резерва... А может, меня прямо на вокзал?»

Все было удивительно, все было не так, как положено.

Обеда дожидаться он не стал. Если уж идти навстречу судьбе, так делать это надо без промедлений.

Не только погоны, но и шинель, шапка, сапоги — все было новенькое, с иголочки. Одевшись, Толубеев полюбовался на себя в зеркало, пощупал на плечах твердые дощечки погон с двумя полосками и звездой меж ними,— подходяще, хотя и не так солидно, как у вчерашнего полковника, но, вспомнив полковника, поскучнел, пошел за документами. Сержант из выздоравливающих, почтительно козырнув погонам, предупредил:

— Тут для вас, товарищ майор, срочное предписание...

Толубеев взял плотный конверт с официальным грифом в углу.

Он нетерпеливо вскрыл конверт. В нем лежала небольшая бумажка с тем же грифом и длинным казенным номером.

«Уважаемый Владимир Александрович!

Звоните мне в начале каждого часа с любого телефона, какой окажется под рукой. Возможно, освобожусь очень поздно. Вам заказан номер в гостинице «Москва». Талоны на питание получите вместе с ордером на номер. Мой телефон: К...

Дружески: Корчмарев».

И все. За тем лишь исключением, что никакого Корчмарева майор Толубеев никогда не знавал.

Сержант из выздоравливающих покопался в связке ключей и открыл дверь склада, где хранились личные вещи находящихся на излечении. Нырнул туда на минуту, вернулся и поставил у ног Толубеева лакированный чемодан с ключами, привязанными к ручке.

— Что это такое? — растерянно спросил Толубеев.

— Приданое. Приказано вручить при выписке! — отрапортовал сержант, глядя на Толубеева с тем почтением, какое вызывают события и вещи непонятные. Толубеев и сам смотрел бы столь же почтительно.

Тут он вспомнил о записке, которую все еще держал в руке, шагнул к телефону. Телефон отозвался длинными гудками, но трубку никто не поднял.

Толубеев попробовал чемодан на вес. Тяжел, собака. Но сержант предупредительно сказал:

— Не беспокойтесь, товарищ майор. Машина начальника госпиталя в вашем распоряжении до двенадцати ноль-ноль.— И крикнул в дверь:— Устинов! Отвезите товарища майора!

Тотчас же появился лихой шофер, схватил чемодан и поволок к выходу. Толубееву ничего не осталось делать, как кивнуть сержанту, все так же почтительно взиравшему на него, и выйти.

Дверь госпиталя захлопнулась, словно отрезала все, что было до сих пор, а вот что будет? Толубеев попытался было не думать об этом, глядя на зимнюю Москву, но под ложечкой посасывало...

2.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС.

«17 февраля на Украине наши войска в результате упорных боев овладели городом и железнодорожным узлом СЛАВЯНСКОМ, а также заняли города РОВЕНЬКИ, СВЕРДЛОВСК, БОГОДУХОВ, ЗМИЕВ...

В Курской области наши войска, продолжая развивать наступление, заняли город ГРАЙВОРОН».

Совинформбюро.
17 февраля 1943 года.

Неизвестный Толубееву Корчмарев отозвался только в двадцать три ноль пять.

Все это время Толубеев провел в гостинице, боясь отойти от телефона,— а вдруг тот зазвонит? Ведь телефоны для того и существуют, чтобы зазвонить в самое неожиданное время.

Правда, он спустился обедать в ресторан, и был приятно поражен тем, что ресторан оказался настоящим, с проворными, хотя и весьма пожилыми, официантами. За столами больше всего было военных, но, судя по очень чистой форме, все это были тыловики. Прислушавшись к разноголосому гулу, Толубеев понял, что тут обедали корреспонденты, писатели, штабники, командировочные с фронта и из глубокого тыла, но эти люди тоже носили военную форму, а многие из них, как сообразил Толубеев, оказались в Москве лишь на несколько дней, а то и часов, и он понимал их стремление к этому маленькому осколку давно уже позабытой «мирной жизни». Было много женщин,— с мужчинами и поодиночке,— может быть, военных вдов, которым стала тяжка одинокая жизнь, может быть, просто искательниц приключений, а может быть, и таких, кто напряженно прислушивался к разговорам военных, собирая «информацию». Слышалась и иноязычная речь. Толубеев понял: тут обедают и иностранные корреспонденты. Они постоянно поминали русское слово «сводки» и ставшее привычным всему миру название «Совинформбюро». Все было ясно: прошли те времена, когда корреспонденты гадали — недели или месяцы продержатся русские под натиском фашизма. Шел тысяча девятьсот сорок третий, только что сдался фельдмаршал Паулюс, и над Сталинградом снова взвилось красное знамя, были освобождены Курск и Воронеж, прорвана блокада под Ленинградом, и хотя положение на фронтах начало стабилизироваться, сводки Информбюро по-прежнему пестрели названиями освобожденных городов и населенных пунктов. Вот почему иностранные корреспонденты, судя по отрывкам их разговоров, гадали на своей кофейной гуще уже о будущем фашизма: как долго гитлеровцы продержатся перед небывалыми фронтальными и охватывающими ударами русских? Недаром они частенько поминали и еще одно русское словечко — «котел». Но всю эту болтовню Толубеев оставил на совести самих иностранных корреспондентов, сейчас его больше занимал обед.

Оказалось, что неизвестный Корчмарев предусмотрел все: диетический обед и даже бутылку сухого вина. А позже, в двадцать часов, когда Толубеев спустился ужинать, его ожидала и вторая бутылка. Если так пойдет и дальше, то можно не торопить события. Однако ж неизвестный Корчмарев не на того напал! И Толубеев регулярно звонил по таинственному телефону «в начале каждого часа...»

И вот в двадцать три ноль пять телефон заговорил человеческим голосом.

— Вас слушают! — сказал он устало и неприветливо.

— Я прошу товарища Корчмарева! — пытаясь скрыть волнение, но так и не превозмогши его, произнес Толубеев.

— Одну минуточку.— Пауза.— Кто его спрашивает?

— Майор Толубеев.

Несколько неясных слов, произнесенных в сторону от трубки. И затем широкий, радушный голос:

— Владимир Александрович? Очень рад. Я Корчмарев. Как ваше самочувствие?

— Хотел бы доложить при встрече.

— Понимаю, понимаю. Одну минуточку! «Черт бы их побрал с этими «минуточками»!» — подумал Толубеев, жадно вслушиваясь в слова.— Подождите у телефона.— Опять уходящий в сторону голос. И снова к Толубееву: — Ну что же, машина будет у вас через тридцать минут. Шофер позвонит в номер, так что до звонка не спускайтесь, сегодня довольно холодно, да и шофер не найдет вас. К тому же комендантский час...

— Благодарю...— с облегчением произнес Толубеев. Ему показалось, что все тайны наконец окончатся. И чем скорее, тем лучше.

Он вернулся к содержимому чемодана, который таил «приданое». Днем он уже рассмотрел штатский костюм, несколько отличных сорочек, галстуки, запонки, булавки, золингеновскую бритву и электрическую «Филипс». Все это наводило на определенные размышления, но так «размышлять» было пока что опасно. Поэтому просто достал «Филипс» и побрился еще раз, открыл флакон какого-то одеколона, протер лицо и почувствовал себя как будто легче.

Телефон зазвонил. Конечно, шофер. Назвал номер машины.

Толубеев спустился в вестибюль.

В вестибюле толпились несколько человек — мужчин и женщин, по-видимому, пропустивших комендантский час. У них проверяли документы. Однако Толубеева пропустили без расспросов. Краем глаза он заметил какую-то фигуру, которая словно бы сделала знак проверяющим, но так торопился, что не стал разглядывать. И только подойдя к названной машине, приметил, что шофер идет следом. Вероятно, этот человек уже знал его в лицо и дал ему возможность выйти, не задерживаясь.

Действительно, шофер открыл дверцу перед ним, усадил рядом с собой, и машина покатила по пустым улицам.

Вместе вошли они в какое-то бюро пропусков. Толубеев предъявил свое предписание. Вахтер повертел бумажку, сказал:

— Водитель проводит вас.

Лифт вознес их на седьмой этаж. «Коридоры в коридоры, в коридорах двери!» — вспомнилось Толубееву. Водитель вежливо постучал в одну из дверей, пропустил Толубеева и остался за порогом.

За двумя столами, друг против друга, сидели двое. Одного Толубеев сразу узнал: узкое, длинное лицо, гипнотизирующие светлые, твердые глаза. Второй показался Толубееву попроще и посимпатичнее. Довольно полный, седоватый, с крупными залысинами на высоком и без того лбу. Оба были в штатском, хотя все вокруг было строго по-военному, да и само здание больше всего походило на штабное.

— Майор Толубеев, явился по вызову товарища Корчмарева...— сказал он точно, строго, а глаза так и бегали с одного лица на другое: кто есть кто? — как говорят англичане.

Полный, седоватый поднялся, пошел навстречу, протягивая руку.

— Здравствуйте, Владимир Александрович.

Потом указал на второго, знакомя:

— Полковник Кристианс.

Кристианс тоже протянул сухую, твердую руку. Толубеев подумал: спортсмен. Гребец и теннисист. По-видимому, эстонец.

— Мы пригласили вас...— начал Корчмарев, но взглянул на Кристианса и закончил другим тоном:—...на маленькое совещание...

Оба двинулись к двери, и Толубеев оказался как бы под конвоем: впереди — толстенький, коротенький Корчмарев, замыкающим — длинноногий Кристианс. Так они и шли по длинному коридору, иссеченному безмолвными, тихими дверями.

Коридор упирался в другой коридор, а уж в том показалась открытая дверь в большую приемную, где вскочил и щелкнул каблуками капитан, настоящий гвардеец по выправке, а из приемной в обе стороны еще двери — обитые кожей тамбуры. В одну из этих дверей, что справа, прошел Корчмарев, пробыл там минуту,— ни звука не слышалось оттуда,— потом раскрыл дверь, сказал с каким-то торжественным звоном в голосе:

— Прошу вас, Владимир Александрович!

Кристианс беззвучно замкнул шествие и закрыл за собой двери, и наружную и входную.

В большом кабинете было полутемно: настольная лампа посреди пустынного стола, еще стол, придвинутый к первому торцом, и торшер в углу, возле круглого столика, окруженного несколькими креслами. За главным столом сидел пожилой человек в штатском, еще трое ютились около торшера, стоя пили кофе, как будто не имели никакого отношения ни к человеку за столом, ни к тем троим, что вошли только что. Человек за столом поднялся,— Толубеев заметил, что выглядит он очень усталым,— протянул руку, назвал себя невнятно и указал на кресло перед собой. Корчмарев отошел к круглому столику, перекинулся несколькими непонятными словами со стоящими там, поколдовал немного и вернулся к длинному столу, поставил перед Толубеевым чашку дымящегося кофе. Кристианс остался в самом конце длинного стола, где было совсем темно.

Перед усталым пожилым человеком на столе лежала папка, и это опять было «личное дело» Толубеева.

Трое в углу примолкли, расселись вокруг столика, но торшер не столько освещал их лица, сколько затенял.

— Выпейте кофе, товарищ майор! — неожиданно звонким голосом сказал хозяин кабинета.— Вы, наверно, устали? — И сам принялся позванивать ложечкой в своей чашке.

Хотя впервые названное в этом кабинете скромное звание Толубеева призывало к строгим мыслям о войне и подчеркивало, кроме того, что все остальные тут, конечно, выше по званию, но офицер как-то вдруг успокоился. Может быть, оттого, что на войне дела решает приказ, его не опротестуешь, и тут уже все зависит от самого майора: сумеешь—выполнишь! Толубеев даже с удовольствием прихлебнул кофе из чересчур, по его мнению, маленькой чашечки.

— Вы ведь металлург по профессии, Владимир Александрович? — спросил хозяин, отставляя свою чашечку.— Почему же вы не воспользовались броней, которую вам предоставил Наркомат обороны?

— В сущности-то, я чрезвычайно узкий специалист,— несколько недоумевая, так не вязался вопрос с обстановкой, ответил Толубеев.— Я занимался редкими металлами, ну, а во время войны... Одним словом, руководство уважило мою просьбу...

— А вы полагали, что редкие металлы во время войны не понадобятся?

— Войны решают чугун, железо и сталь! — ответил Толубеев словами из своего давнего рапорта.

— А ванадий, вольфрам, марганец — одним словом, присадочные добавки? — спросил один из сидящих в углу.

— В сорок первом от каждого требовалось одно: быть на самом тяжелом участке.

— Да, психологически вы, вероятно, правы,— задумчиво произнес хозяин кабинета, и Толубеев благодарно взглянул на него.

— А почему в анкете добровольца вы ничего не сказали о знании языков? — вдруг спросил Кристианс.

— Ну, какое там знание! — усмехнулся Толубеев.— Английский и немецкий — коекак да норвежский — слабо. А с добровольцев знания языков и не спрашивали...

— Вы долго были в Норвегии? — спросил хозяин.

— С сентября тысяча девятьсот тридцать восьмого по июль тысяча девятьсот сорокового. Сразу после нападения Гитлера на Норвегию наше посольство предложило нам прекратить все закупочные операции и немедленно выехать на родину. Факт пребывания за границей в анкете отмечен,— осторожно добавил он.

— Только по этому факту в анкете вас и разыскали! — вроде бы даже с улыбкой сказал хозяин.

— А сколько времени искали? — сердясь на что-то, заметил Кристианс.

— Однако ж нашли,— миролюбиво остановил полковника хозяин.

— У вас остались в Норвегии друзья? — Это Корчмарев берет быка за рога. Толубеев невольно опустил глаза и сказал слишком тихо:

— Да.

Из угла чей-то голос задумчиво произнес:

— Я помню ваш тогдашний доклад о состоянии норвежской и шведской металлургической промышленности и о захвате этих рынков немцами. Такой доклад без деятельных и умных помощников было бы невозможно составить. Как вы полагаете, ваши друзья не могли подвергнуться преследованиям?

— Ну, в Норвегии люди, которые мне помогали, никаких секретных фактов не разоблачали. Думаю, что немецкое гестапо ими не интересуется. А друзья-шведы в полной безопасности, Швецию немцы не захватили.

— А могли бы вы восстановить эти связи? — Это опять Корчмарев. Он, по-видимому, любит торопить события. Но ведь сначала Толубеев должен знать, чего от него хотят. Французы говорят, что и самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет.

— Вы имеете в виду восстановить их о т с ю д а? — осторожно спросил он.

Сидевший в углу человек вдруг поднялся и вышел на свет. Он подвинул кресло и сел рядом с хозяином кабинета. Только тут Толубеев узнал его: заместитель наркома тяжелой промышленности. Когда-то этот че-

ловек оформлял его заграничную командировку. Заместитель наркома жестко сказал, будто с кем-то спорил:

— Я думаю, нам следует поговорить начистоту.— Потом улыбнулся, словно хотел смягчить свою неожиданную резкость, добавил: — Туркмены говорят: «Сядем хоть наискось, но поговорим прямо...»

Хозяин кабинета вежливо сказал:

— Пожалуйста. Мы слушаем.

Заместитель наркома заговорил тихо, медленно, но так, словно хотел вбить в сознание Толубеева каждое слово:

— Владимир Александрович, вы, я вижу, уже поняли, что от вас ждут чего-то очень важного. Меня вы знаете. Эти товарищи руководят различными отделами разведки Генерального штаба. Наш хозяин — генерал Коробов — занимается, в частности, запасами стратегического сырья, находящегося в распоряжении противника. Как раз он и поставил нас в известность, что у немцев происходит какая-то перегруппировка заказов на поставки сырья. А так как гитлеровские пропагандисты после сталинградского поражения не нашли ничего лучше, как хвалиться неким «несокрушимым» оружием, нам приходится принимать в расчет и эту похвальбу. Даже в гитлеровской пропаганде попадаются крупицы правды... А теперь, уважаемый товарищ Кристианс, ваши аналитические данные!

В руках у Кристианса появилась откуда-то кожаная папка, он встал в конце длинного стола для заседаний, и все передвинулись к этому столу.

— Первые данные о перегруппировке немецких заказов мы получили из совершенно достоверных источников в начале января. Норвежские и шведские промышленники вдруг начали разрабатывать даже нерентабельные рудники, строить обогатительные фабрики и отгружать в Германию по очень выгодным ценам большое количество марганца, вольфрама, ванадия. Примерно в это же время из Германии поступили сведения о введении на некоторых заводах Круппа особых условий секретности. Вначале это были только сталелитейные заводы. Затем те же правила особой секретности были распространены на металлообрабатывающие и сборочные цехи. Но самое любопытное в том, что этой чести удостоились только танкосборочные заводы и заводы самоходных орудий...

— Одним словом, мы полагаем, что речь идет о броневой стали особого качества,— резюмировал заместитель наркома.

— Что же должен сделать я? — тихо спросил Толубеев.

— Вы, конечно, помните рассказ о том, как Менделеев вывел формулу бездымного пороха по одним только накладным на грузы, поступавшие на завод? — Заместитель наркома остро посмотрел на Толубеева.— Вам придется вернуться в Норвегию и сделать что-то вроде этого...

— Но ведь я-то не Менделеев! — воскликнул майор.

— Однако вы известный металлург! — жестко ответил заместитель.

— Хорошо сказать — поехать в Норвегию! Но ведь Норвегия оккупирована и там хозяйничают фашисты...— Толубеев и сам почувствовал, что эта отговорка уже доказывает,— он сдается! — но ему нужно было время для размышления и еще ему нужны были знания: как собираются его перебросить; что он должен там делать; на кого он сможет опираться в этой новой и неожиданной для него роли разведчика... Но у заместителя наркома, казалось, были готовы ответы на все!

— Вы же сами сказали, что вряд ли норвежская полиция обратила какое-нибудь нежелательное внимание на вас и ваших друзей в то короткое времяпребывание в их стране,— значит, вы сможете кое-кого разыскать. Ну, а уж как туда добраться, решат ваши новые начальники...

Наступило длительное молчание.

Толубеев с некоторым смятением в душе думал о том, как странно сложилась его жизнь. Он довольно быстро добился успеха в своей профессии. Сложная металлургия, многокомпонентные сплавы только что нашли свое место в технике, и безвестный проповедник этих сплавов как-то внезапно оказался нужным и начальству и самому делу. Та командировка в Норвегию могла бы стать переломным моментом в его биографии. Он видел, что передовая наука постепенно перемещается с Запада на Восток. После Норвегии ему прочили поездку в Англию, потом в США. Это не было бы дипломатической карьерой — Толубеев был и оставался металлургом. Но он мог открыть многие секреты фирм и применить их у себя на родине, мог улучшить технологию получения некоторых сплавов, но одна его «ошибка» разрушила все.

На эту «ошибку» начальство торгпредства указало Толубееву еще в самом начале апреля сорокового года и предложило молодому инженеру немедленно вернуться на родину. Он собрался выехать в Берген, чтобы сесть там на советский корабль, когда на рассвете девятого апреля в Осло-фиорде загрохотали выстрелы: береговые норвежские батареи отбивали атаку немецких кораблей... Гитлеровцы напали на малые страны, стремясь молниеносно окончить свою «странную» войну с Францией. Бывший военный министр Норвегии отставной майор Квислинг поднял свою «пятую колонну» и предал норвежские королевские войска. И все-таки немцам пришлось задержаться в этой маленькой стране с ее тремя миллионами населения почти на три месяца, тогда как могущественную Францию они разгромили за три недели

Уехать из воюющей страны было трудно, и Толубеев выбрался оттуда только в июле.

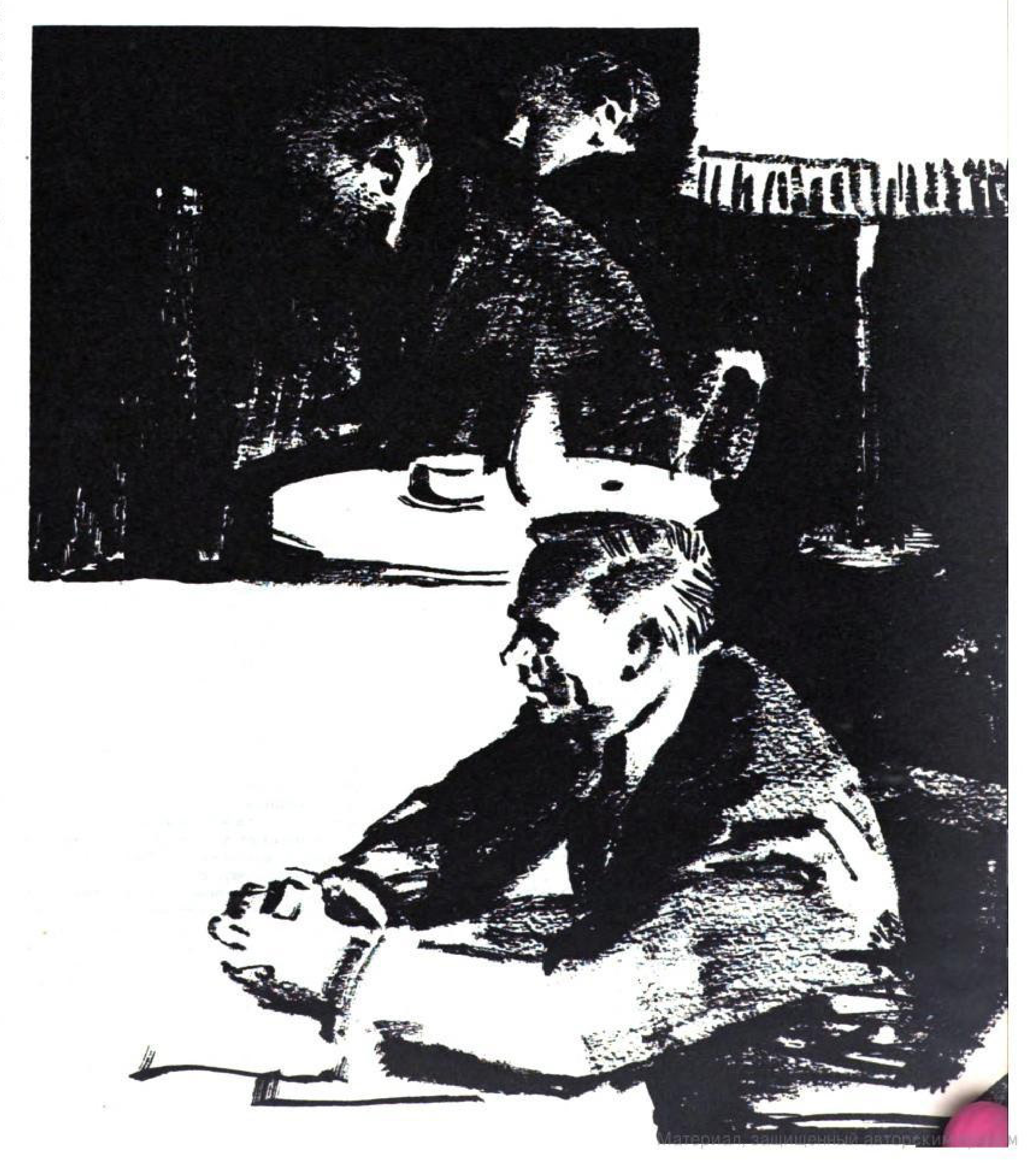
Но начальство на родине помнило о его ошибке. Он еще долго писал объяснительные записки, работу ему дали незначительную.

Когда немцы напали на Советский Союз, он запросился на фронт, так как думал, что только личное участие в битве вернет ему спокойствие духа. Он как-то и забыл, что с врагом можно сражаться и при помощи знаний, а не только пулей и штыком. Впрочем, время было такое тяжкое, что никто не мог ни посоветовать ему, ни просто приказать занять другое место в великом сражении. И он стал офицером.

Нельзя сказать, что он много сделал на фронте. Почти год он просидел в обороне. Только осенью сорок второго года ему повезло: их фронт пошел на прорыв блокадного кольца под Ленинградом... Но и тут он воевал всего несколько дней, а очнулся перед самой смертью, ибо понял: ранен тяжело. Такие раны всегда считались смертельными, а то, что он не умер, было чудом.

А в это время его разыскивали по всем фронтам! Недаром же он увидел в госпитале перед началом третьей операции это худое, острое лицо, лицо с гипнотизирующими глазами, лицо полковника Кристианса! А о чем думал тогда полковник, найдя этого человека на смертном одре?

И вот сейчас он с полной убежденностью вспомнил, что именно этот человек, которого зовут полковник Кристианс, присутствовал при том тягостном разговоре в высокой инстанции, куда его пригласили в день воз-

вращения на родину и потребовали объяснений в совершенной им «ошибке». Правда, Кристианс и тогда держался в тени, как вот сейчас, но теперь-то Толубеев вспомнил его...

Толубеев выпрямился в кресле, встать он побоялся, чувствуя противную слабость в ногах, и твердо сказал:

— Я боюсь, что у полковника Кристианса могут быть возражения против моей кандидатуры...— Так как все в молчаливом удивлении смотрели на него, он уже несколько спокойнее добавил: — Полковник Кристианс по моем возвращении из Норвегии утверждал, что моя главная ошибка, совершенная во время пребывания в этой стране, состояла именно в моей излишне, по его мнению, тесной дружбе с гражданами Норвегии. И он категорически заверил меня, что больше я никогда, ни под каким предлогом не навещу эту страну. Правда, Норвегия была уже оккупирована немцами, и я ничего не знал о судьбе моих друзей,— грустно закончил он.

— Но теперь он так же настоятельно требует вашего возвращения в эту страну,— тихо сказал генерал Коробов.— И именно он разыскал вас для этого разговора.

— Что же переменилось с того давнего времени? — словно сам у себя спросил Толубеев. И генерал спокойно ответил:

— Все. Полковник Кристианс сам признал, что без широких дружеских связей с гражданами страны всякий разведчик обречен на провал. И именно потому, что у вас эти связи были, он рекомендовал разыскать вас и сам принял участие в розысках...

Кристианс молчал, как будто боялся даже голосом ожесточить молодого офицера. И тогда Толубеев поднялся и тихо сказал:

— Я готов...

И то, что он сказал это не по-уставному, а раздумчиво, как бы глядя в будущее, заставило всех этих людей, собравшихся здесь ради него, взглянуть на него с особенным вниманием. И стало понятно, что дух его оставался спокойным и сильным. И все както оживились, задвигались. Кристианс встал и подал Толубееву еще чашку кофе, генерал открыл нижний ящик стола, достал бутылку коньяку, налил маленькую рюмку, подвинул Толубееву, уговаривая:

— Подкрепитесь, вы ведь только что из госпиталя!

— Мало того, я попросил выписать майора раньше времени. Мне он нужен именно такой: худой, тощий, даже больной. Но врачи уверяют, что через неделю—полторы он будет совершенно здоров!

— Но к чему я вам больной? — попытался улыбнуться Толубеев, однако заметил строгий взгляд генерала, брошенный на Кристианса, и занялся кофе. Кристианс будто не слышал его вопроса.

Заместитель наркома стал прощаться, с ним ушли и два молчаливых его спутника. В кабинете остались генерал Коробов, полковник Кристианс, Корчмарев и Толубеев. Генерал обратился к Кристиансу:

— Теперь можете докладывать ваш план...

— Майор должен появиться в Норвегии как бежавший из фашистского лагеря для военнопленных, находящегося в северной части страны. Этот вариант и необходимая легенда нами подготовлены. Если он, опираясь на эту легенду, сумеет укрыться у кого-нибудь из своих прежних друзей и особенно сможет устроиться на работу, будет самое лучшее. Связь с нашим центром майор будет держать через нейтральное лицо, адрес и пароль для связи получит здесь...

— Норвегия! Но как я проберусь в эту страну?

— Мы найдем вполне комфортабельный и спокойный путь. Но то, что вы так измождены, создаст вам прекрасное алиби. Номерной знак советского офицера, бежавшего из норвежского лагеря, вы получите при отъезде...

Продолжение следует.

К 100-летию

со дня смерти

Д. И. Писарева

БИТВА ЗА ЧЕЛОВЕКА

В. АРХИПОВ

Его боялись и мертвого. И когда он погиб, обеспокоенный жандарм доносил по начальству: «На днях ждут привоза сюда тела покойного Д. И. Писарева, утонувшего... близ Риги... Как полагают, не обойдется без какой-либо демонстрации, так как Писарев считался сподвижником Чернышевского, Боголюбова (!) и друг. Не лучше ли бы было предать тело его земле на Рижском кладбище...»

И он не ошибся, этот жандарм: демонстрация состоялась.

В понедельник 29 июля демократический Петербург провожал в последний путь своего любимого писателя. За гробом шли Некрасов, Елисеев, Глеб Успенский и сотни тех, кого пробудило к борьбе вдохновенное писаревское слово. У потонувшей в цветах могилы Благосветлов сказал: «Здесь лежит замечательнейший из современных русских писателей; это был человек с твердым сердцем... ни перед чем не отступавший и никогда не падавший духом».

Вот портрет знаменитого критика, набросанный Шелгуновым: «Раз утром я зашел к Благосветлову. В первой комнате у конторки (тогда многие писали стоя) стоял щеголевато одетый, совсем еще молодой человек, почти юноша, с открытым ясным лицом, большим, хорошо очерченным умным лбом и с большими, умными, красивыми глазами. Юноша держал себя несколько прямо, точно его что-то поднимало, и во всей его фигуре чувствовалась боевая готовность. Это был Писарев».

Таким Писарев остался в сознании современников, таким он предстает перед нами с каждой страницы своих статей, большинство из которых написано в заточении, в сыром и душном каземате Петропавловской крепости. Но попробуйте хоть в одной из них уловить хотя бы нотку усталости, грусти, сетования на свою судьбу или (что еще хуже!) кокетничанье своим положением!..

Боевая готовность, несгибаемая воля, ясность и смелость мысли, отчеканенной в светлом и энергическом слове,— это хоть кого напугает. И его боялись, боялись и мертвого (потому что такие не умирают!) — брали на подозрение всех, кто читает его книги, установили слежку за его... могилой.

И более всего боялись его идей, красоты и могущества писаревского русского слова, обладающего необычайной силой вторжения в сознание масс,— слова яркого, броского, зовущего на подвиг, «могущего мертвых сражаться поднять». Слова убежденного и потому убедительного, неотразимого, ибо за ним стоит вся жизнь человека. Обладая гладиаторской натурой борца, Писарев вместе с тем нес русскому обществу такое богатство идей, которое было историческим шагом вперед в развитии общественного сознания.

Идеей идей мировоззрения Писарева, оплодотворившей все, что он сделал как критик и публицист, была идея счастья и благоденствия народных масс.

Она не нова, эта идея. И до Писарева она стала почти общим местом слезоточивых и прекраснодушных утопий, рассчитанных на идеологический ширпотреб, ведущий зачастую не к активизации революционной борьбы, а скорее к умиротворению народа. В статьях же Писарева эта идея получает тенденцию стать конкретно-исторической и обретает явные признаки превратиться из утопии в науку. Для Писарева главная историческая коллизия рождается из противоречий между трудом и капиталом. Непримиримая, обостряющаяся борьба между ними — вот что решает судьбы мира. В его трудах «вопрос о голодных и раздетых людях», вне которого «нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать»,—этот вопрос из собственно крестьянского (каким он был для Герцена, Чернышевского и Добролюбова) перерастает в вопрос классовой борьбы пролетариата, главным действующим лицом всемирной истории становится не народ вообще, а прежде всего и во-первых рабочий класс; и рабочий вопрос, принявший на Западе «колоссальные и грозные размеры», из западноевропейского превращается и в русский. Для Писарева это несомненно, как несомненна неизбежность победы труда над тиранией капитала. Писарев, конечно, не сказал здесь последнего слова, но первое слово было сказано им, что определило всю его деятельность и окрасило мировоззрение критика в тона яркого, органического, неколебимого оптимизма, чего идея крестьянской революции в ту пору породить не могла. О нем нельзя сказать, что он остановился перед историческим материализмом, с той определенностью, с какой Ленин это сказал о Герцене. Писарев пробивался к историческому материализму, и хотя не достроил целостной историко-материалистической теории, в его анализе классовой борьбы во Франции, в той роли, которую он сплошь да рядом отводит экономическому фактору в историческом развитии, в его рассуждениях о значении обстоятельств в формировании личности, в изумительных высказываниях о соотношении личности и класса, во взгляде на историю как на историю масс и на исторический процесс как на процесс объективный, в его поистине гимне труду масс — во всем этом мы видим у Писарева яркие историко-материалистические догадки, непрекращающиеся поиски, идущие в строго определенном направлении.

Вот что он пишет о революции:

«Обитатели улья начинают чувствовать беспокойство; являются экономические недоразумения; трутни сталкиваются в своих интересах с пролетариями, и это столкновение ведет к страшным кровавым результатам». Революции, по Писареву, имеют материальные и причины и цели. И это рождает в массах и несокрушимую энергию, и глубокое понимание своих потребностей и стремлений, и такую силу политического воодушевления, перед которой оказываются «ничтожными все происки и попытки внешних и внутренних, явных и тайных врагов».

Революционное творчество народа, отстаивающего свою национальную и политическую свободу, вызывает у Писарева не только неизменное восхищение, но и становится основой его исторической концепции. Для него масса, народ — понятие активное, деятельное. Масса — творец всего великого, что совершалось в истории. Инстинкт масс, разум масс, деятельность масс — вот что движет вперед общество, составляет содержание истории, и дает направление, и формирует разум личности. Потому-то Писарева при изучении войн, например, более интересуют не «сухие выкладки полководцев, а живые порывы великих и вечно юных, вечно современных народных чувств». «Вожди и агитаторы,— замечает критик, анализируя события французской революции конца XVIII века,— давали существующей силе организацию и единство общего направления, но эта сила существовала совершенно независимо от них и часто толкала их вперед тогда, когда они считали удобным приостановиться». Носители этой силы были «низшие слои французского общества». Или: действующая сила истории «лежала и лежит всегда и везде — не в единицах, не в кружках, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно — в экономических условиях существования народных масс». Такая философия истории приводила Писарева при строгости его логического мышления к тому неизбежному выводу, что задачу о голодных «должны решить непременно те люди, которые в ее разумном решении находят свои личные выгоды, то есть, ее должны решать сами работники». Но это предполагало высокую степень «самосознания масс», ибо оно оказывает «самое серьезное и неизгладимо благодетельное влияние на общее течение исторических событий». И критик все силы ума и таланта отдает пропаганде знаний, отводя порою им самодовлеющую роль в историческом движении. Это, конечно, идеализм. Но нетрудно видеть, что писаревский «идеализм» был естественным продолжением материалистических элементов его мировоззрения, необходимым дополнением к его учению о роли масс в истории. Отсюда характерная черта этого «идеализма»: Писарев выступал не просто за образование верхушки общества или обучение избранных, воспитание героев, которые будут направлять толпу,— нет, он боролся за просвещение трудящихся масс, за ликвидацию «гибельного разрыва между трудом мозга и трудом мускулов», за то, чтобы знания стали достоянием «ремесленника, фабричного рабочего и простого мужика», то есть выступал за привнесение знания и сознания в миллионные массы, что существенно корректирует ходячие представления о мировоззрении критика как о некоем идеалистическом стандарте. У писаревской идеалистической мысли был вполне материальный субстрат и носитель. Запас свежей энергии, новых умственных сил, писал критик, отправляется «вниз по течению, в то живое море, которое называется массою и в которое тем или другим путем, рано или поздно, вливаются, подобно скромным ручьям, или бурным потокам, или величественным рекам, все наши мысли, все наши труды и стремления».

Сказать об этом «идеализм» — значит ничего не сказать или сказать явную неправду. Впрочем, Плеханов тщился доказать, что ленинская теория привнесения социалистического сознания в рабочее движение — тоже идеализм. С точки зрения школьного догматического педантизма это так. Но история рассудила иначе. Взгляд Писарева на роль идей, знаний, ставших достоянием масс, не противоречит материализму и является составной частью революционного и социалистического идеала писателя. «Надо, чтобы труд был приятен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику и чтобы физический труд уживался постоянно с обширным умственным развитием»— таков идеал Писарева, воплощаемый ныне в практике советского строя. Этому соответствуют и нормы нравственности, утверждавшиеся писателем. Строгая общественная нравственность, по Писареву, заключается в том, что «каждая отдельная личность сознательно несет ответственность за свой образ действий и отдает себе и другим отчет в каждом своем поступке».

Вот какие идеи несли выступления Писарева перед обществом. И молодежь шла не просто за острым словом писателя — он стал ее духовным вождем на крутых дорогах истории, так как нес знамя великих идей современности, чья свежесть и яркость за столетие не потускнела. И эти идеи оплодотворили русскую литературную критику, дали новый стимул ее развитию.

Уже Белинский в конце жизни думал о том, что быть критиком — это значит быть и экономистом и социологом. По этому пути пошел Писарев. Выступая за то, что искусство, как и наука, должно стать достоянием миллионов трудящихся, критик в своих блестящих статьях раскрывал великое общественное значение и содержание произведений искусства. Он принадлежит к той школе критиков, которая возникла и развилась на стыке литературы и жизни. Ее характеризует богатство содержания, полифонизм, синтезирующая сила анализа, вскрывающего в органичности образа отражение единства и закономерности явлений действительности. Писарев поставил все завоевания современной ему науки о человеке на службу науке о литературе, в результате чего эстетический анализ был одновременно и глубоким социально-экономическим анализом жизни общества — уяснением тенденций его развития. Постоянно сверяя образную систему писателя с жизнью, изучая художественное бытие образа, его целостность, полноту и естественность, критик учил понимать, что эстетическое познание жизни («по законам красоты») родственно научному познанию,— учил верить писателю, в связи с чем поднималось значение литературы и как силы познания жизни и как могучего средства формирования нового человека, что, по Писареву, было двуединой задачей литературы.

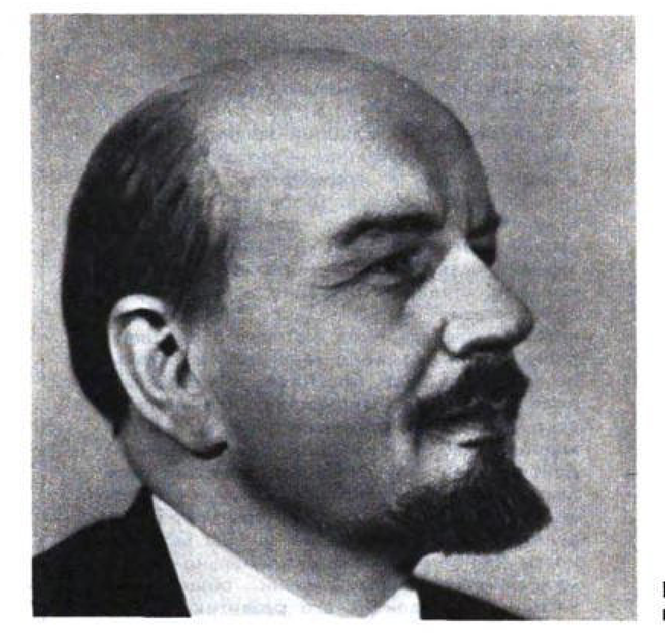
Отсюда страстная тирада в программной статье «Реалисты»: «Поэт — или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный «рыцарь духа» ... или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет».

Приветствуя критические произведения писателей, боровшихся с косностью и рутиной, изображавших трезво ужасы крепостнической действительности и буржуазного рабства, Писарев уже тогда (и в этом великое современное значение его выступлений) отдавал предпочтение авторам, все симпатии которых «лежат безусловно на стороне будущего» и умеющим заметить задатки будущего уже в настоящем.

Не является ли эта коренная идея Писарева укором тем нашим писателям, которые готовы всю жизнь смаковать отрицательные явления прошлого, уже изжитые в самой действительности, и с маниакальным упорством выдавать их за настоящее?!

Борясь за будущее, найдя носителей своих идеалов там, где они действительно были, Писарев стал глашатаем новых истин, вдохновенным пропагандистом дела Рахметовых и Базаровых, певцом гармонической человеческой личности, гармонического общественного строя. Он ратовал за любовь, за труд, за все наслаждения бытия, за радости творчества и созидания, за патриотическое служение родине — основу общечеловеческой солидарности. Надо мечтать!— учил он. И это не было отлетом в заоблачные дали от грешной земли,— мечта Писарева была рождена действительной жизнью и, становясь актом человеческой деятельности, рождала новую действительность. Писаревская мысль и мечта работали на историю, и история в долгу не осталась...

P. S. Лет пять назад в архиве Октябрьской революции, читая бумаги польских революционеров, сосланных в Ялуторовск за участие в восстании 1863 года, я натолкнулся на тетрадь повстанца Петра Галицкого. На обложке значилось: «Новый тип. По поводу романа Чернышевского «Что делать?». Это была статья Писарева, старательно скопированная группой поляков (почерки разные) с не дошедшего до нас оригинала. Так через голову царского правительства русский революционер подал руку польскому революционеру, и польский повстанец ответил рукопожатием. Глубоко символическая картина. Лучшей иллюстрации для уяснения значения Писарева сегодня я не знаю.

Б. В. Щукин в роли Ленина.

Театр и пьеса о Ленине

На нашей, вахтанговской сцене **впервые** навстречу зрителю вышел актер в образе Ленина.

Позволю себе напомнить, что это было время не только исключительно строгого, требовательного отношения к памяти вождя со стороны партии и народа; мы сами, люди творчества, предъявляли к себе такие же строгие требования и поэтому долгое время считали подобную задачу почти невыполнимой для любого актера! Невыполнимой прежде всего по сложности и масштабности воплощаемого характера.

Не знаю, хорошо или плохо, что сейчас критерии эти не то чтобы снизились, но словно упростились. Стали общедоступными.

Спору нет, хорошо, когда актер вообще берется за любую трудную задачу. Но плохо, когда к самой задаче этой он относится бестрепетно.

Если бы это от меня зависело, то я, действуя, разумеется, не запретом, а убеждением, не посоветовал бы «играть» Ленина даже иным актерам, если нет у них для этого особого творческого дара.

Знаменитый актер Борис Щукин, именем которого теперь называется наше, Вахтанговское театральное училище, сумел с необыкновенным мастерством создать образ Ленина. Играя в погодинской пьесе «Человек с ружьем», он совершил настоящий актерский подвиг. Это было особое, доселе невиданное творчество, исполненное глубокой партийной мысли и высокого политического значения. Творчество, нескрываемо тенденциозное, острое, целеустремленное и вместе с тем поразительно зрелое, человечное, психологически отточенное. Оно пленяло каждого зрителя.

К спектаклю «Человек с ружьем» я пришел уже с большим режиссерским опытом в Театре Вахтангова, подготовившим меня к самому ответственному делу моей жизни — к воплощению образа Ленина.

Оглядываясь на пройденное мною первое двадцатилетие от начала работы в театре (1919 год) по день назначения меня художественным руководителем (1939 год), я считаю «Человека с ружьем» самым значительным, дорогим и любимым моим спектаклем. Вместе с Погодиным, Щукиным и всем коллективом театра мы отдали в нем всю нашу любовь Родине, партии, Ленину, народу... Обдумывая работу, я все время вспоминал слова Е. Б. Вахтангова о его мечте — поставить спектакль, где главным действующим лицом был бы народ. Такой спектакль и был нами создан к великой исторической дате — двадцатилетию Октября.

Спектакль, что называется, прозвучал! Прекрасные рецензии во всех газетах. Публика вставала в очередь к кассе с раннего утра. Наконец, большим признанием политического и художественного успеха было включение монтажа из спектакля «Человек с ружьем» в программу концерта после торжественного заседания в Большом театре Союза ССР. Огромное волнение охватило вахтанговцев. Мы тщательно отрепетировали сцены, входившие в монтаж. Это был почти весь второй акт и финал спектакля: речь В. И. Ленина о человеке с ружьем.

Томительные минуты перед началом нашего спектакля казались бесконечными. Но как же горячо приняла спектакль публика!

Неоднократно раздавались взрывы аплодисментов среди действия. Под конец мы выходили раскланиваться; Щукин быстро снимал грим и выходил на сцену со своим лицом...

Значение спектакля «Человек с ружьем» в моей последующей режиссерской и творческой жизни огромно. Я окончательно укрепился в основной для меня, наиболее любимой линии театрального искусства — народной, революционно-романтической, героической теме, выраженной в возвышенной, поэтической форме. Это спектакли, охватывающие большие исторические события. Говоря языком живописи, это спектакли широких полотен. Герой здесь действует в исключительных обстоятельствах, когда от человека, от личности требуется особый духовный подъем, чтобы правильно найти свое место в жизни. Этот подъем, это небывалое героическое напряжение духа Владимир Ильич Ленин показал человечеству всей своей жизнью. Бессонные ночи, предельная собранность, молниеносное и в то же время точное решение сложнейших вопросов, поворачивающих историю человечества на новый, неизведанный путь — путь революционного освобождения мира от всякого рабства... Трагическая напряженность сочеталась с беспредельной верой в грядущее, рождавшей чувство оптимизма, чувство необходимого для человека жизнеутверждающего постижения сегодняшнего дня.

Ленин являет нам пример безупречного вкуса, высокой интеллектуальности, а вместе с тем предельной простоты в общении с народом. У народа Ленин пробуждает чувство поэтического постижения мира: соприкоснувшись с Лениным, люди встают на путь революционной романтики. Они как бы получают посвящение в рыцари революции и начинают героически служить освобожденному народу. Это процесс непреходящий.

Создавая «Человека с ружьем», я понял, что спектакли такого патетического, возвышенного плана могут рождаться у режиссера лишь тогда, когда в нем в полную силу заговорит поэт, драматург, композитор, дирижер, скульптор, художник, историк, философ... Короче, творец-гражданин, несущий в мир беспредельную любовь к своему народу.

Перед Борисом Щукиным стояла исключительно трудная задача. Ведь в ту пору еще очень многие помнили живого Ильича, бьющую через край активность ленинской натуры, бурную стремительность гения, с удивительной полнотой и цельностью выразившегося именно в революции как высшей точке проявления творческих сил и способностей человека.

Ничем не могли, да и теперь не могут помочь актеру фотографии Ленина... «Если вы смотрите на многочисленные фотографии, которые передают тот или иной момент его жизни,— говорит Глеб Максимилианович Кржижановский, близкий друг Владимира Ильича,— то в них вы никогда не найдете позы — он всегда исполнен движения и стремительности. Если вы видите его в статуе застывшего олимпийца, то ясно, что эта статуя ничего не имеет с ним общего. Прищуренный глаз, смотрящий немного искоса, немного скептически, настороженность, сквозящая в нем, вполне естественны, потому что провести корабль Советской власти в такое трудное время — чрезвычайно ответственная задача».

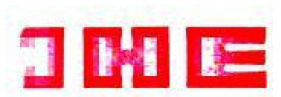
Этот «корабль Советской власти», как и все корабли революции вообще, требовал с особой настоятельностью опытной руки кормчего. Поэтому нам надо было передать не только ленинскую бодрость, а донести до зрителя сложнейшие черты профессионала-революционера, натуру политика-эрудита, ученого, наделенного исполинской силой мысли и редчайшим умением заглядывать в будущее! И тут-то выступали на первый план совсем другие, порой даже резко противоположные признаки характера.

Щукин — и все мы тоже! — все время помнил, что Ленин — человек. Великий, да, но человек, наделенный юношеской подвижностью, бурно-стремительной реакцией на все окружающее, полный юмора, веселый, дружелюбный... Просматривая документы, воспоминания, записки, мемуары, мы остановились на словах А. В. Луначарского, который подчеркивал, что Владимир Ильич как ученый был объективен и холоден, неподкупен. Но ведь был-то он не только ученый, не такой «интеллигент», для которого идеи представляют собой нечто оторванное от земли. Для Ленина, гениальнейшего мыслителя пролетариата, «интересен мир, как он есть, который можно ощупать, в котором можно хозяйствовать, в котором можно что-то делать нужное и хорошее»,— говорил о Ленине Луначарский.

В таких ценнейших указаниях людей, работавших бок о бок с Лениным, и искали мы, искал Щукин для себя как актера основополагающие, опорные пункты. Актер учился **по-ленински ощущать мир**, находить внутреннее состояние, близкое, как мы полагали, ленинскому — активному и энергичному **человеческому** состоянию, **таланту жизни**, бьющему ключом.

Как и Ленин, Борис Щукин был невысокого роста, фигура его по-

Рубен СИМОНОВ,
народный артист СССР
лауреат Ленинской премии

ходила на ленинскую. В какой-то мере это помогало ему чувствовать себя «похожим» на Ленина, что для артиста всегда очень важно. Приведу еще одно, в данном смысле весьма ценное высказывание Г. М. Кржижановского: «Некрупная фигура Владимира Ильича как будто не вяжется с обычным представлением о мощности. И, тем не менее, это так: в этом небольшом, компактном теле действительно ключом била жизненная энергия не только духа, но и крепкого, здорового, нормального физически человека. Вспоминаю, что когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичем я рассказал ему об определении здорового человека, данном известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

«Вот именно так,— говорил он,— если здоровый человек хочет есть,— так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит,— так уж тоже по-настоящему...»

Я взглянул тогда,— продолжает Г. М. Кржижановский,— на яркий румянец его щек, на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека...»

Никакой театр, разумеется, не может сбрасывать со счетов то важнейшее обстоятельство, что Ленин предстает перед людьми уже не во время сибирской ссылки, а много лет спустя. Конспирация, неустанная — на износ! — бешеная работа, предельная требовательность к себе да и просто само время не могли не наложить свою беспощадную печать на обаятельный облик Ильича, так поэтически переданный Кржижановским. И все-таки даже неумолимые годы не могли отнять у Ленина коренной, присущей ему отличительной черты натуры — «**яркой отчетливости эмоциональной деятельности**».

Эти слова, раскрывающие важнейшую сторону в облике Ленина, поистине бесценная находка!

Мне необходимо было, использовав все богатство артистического таланта Щукина, создать наиболее выгодные для него сценические условия. Вместе с ним мы, готовясь к спектаклю «Человек с ружьем», неоднократно просматривали ролик документального, небольшого, но исключительно важного и полезного для нас фильма о Ленине. Без конца слушали записанный на пластинку голос Владимира Ильича. Но главное, что вдохновляло нас,— это труды Ленина, дающие представление о его исполинском уме и огромной эрудиции.

Задолго до начала репетиций я начал продумывать все сцены, где действовал Ленин... Щукин передавал главное: ленинское обаяние. Оно привлекало, рождало в сердцах огромную любовь к Ильичу.

Сложнее была моя задача, когда Ленин выступал как трибун. Здесь надо было организовать народные сцены, найти точную реакцию масс на слова, произнесенные Лениным у подъезда Смольного о человеке с ружьем...

Эти сцены я проверял не только из зрительного зала, но и со сцены, находясь рядом со Щукиным. Я всматривался в лица, глаза, направленные на Ильича, и видел, что каждый исполнитель нес в массовой сцене свою любовь к Ленину... Найденное на репетициях волнение переносилось из спектакля в спектакль.

Особое внимание я уделил первому появлению Владимира Ильича. Я просил художника спектакля сделать коридор в Смольном как можно длиннее. Ленин должен был появляться в глубине и идти по направлению к рампе — навстречу зрителю. Это всегда вызывало овации...

Сцена второго акта (после встречи Ильича с Шадриным) происходит в комнате военного штаба, где идет совещание. Здесь связь с боевыми частями держит матрос, говоря по телефону охрипшим от непрерывного напряжения голосом... В штабе перед Лениным проходят люди разных убеждений: здесь и паникеры эсеровско-меньшевистского толка, и бойцы с фронта, и только что назначенный комиссар по топливу. И во всех этих сценах требовался такт, вкус, большое чувство меры: с одной стороны, не утрировать отрицательных персонажей, с другой — не наделять положительных чрезмерными «добродетелями».

Но участие Бориса Щукина и тут сыграло решающую роль.

Мысль о сходстве Щукина с Владимиром Ильичем, о тех творческих возможностях, которые возникли перед актером в связи с портретным сходством, появилась впервые у Алексея Максимовича Горького еще в 1932 году, на черновых репетициях «Егора Булычова». Пробуя грим Булычова, Борис Васильевич Щукин прибавил небольшую бородку и усы. Посмотрев грим, Алексей Максимович воскликнул: «Но ведь это же Владимир Ильич!..» Действительно, сходство было чрезвычайное. Поэтому облик Булычова стал у нас совершенно иным. Мысль же, подсказанная Алексеем Максимовичем, запала в творческое сознание Щукина и овладела им.

Кроме образа Ленина, у нас были еще две роли, идущие через весь спектакль: Шадрин и Чибисов. В первую очередь важен был, конечно, Иван Шадрин — человек с ружьем. При распределении ролей я долго колебался, кого предложить художественному совету. Я остановился на И. М. Толчанове и не ошибся: эта работа оказалась одной из лучших работ талантливого мастера.

Образ Ленина, созданный Щукиным, и образ трудящегося человека, Шадрина, созданный Толчановым, способствовали дальнейшему развитию образа революции, образа народа, строящего пролетарское государство. Народ — главный герой спектакля. Поэтому, как я уже говорил, ни одна роль, ни одна реплика не были в спектакле «проходными». Все участники массовки разбились на десятки, и в каждой из них был «старший» — он руководил своей группой. Это помогало нам находить самые различные образы в среде солдатской массы: она жила, дышала, думала, боролась... «Неважных» — случайных, безликих статистов — тут не было. Отсюда и успех спектакля...

Вот почему снова и снова хочу вернуться к своей мысли о самом **праве** актера, **праве** театра на создание образа Ленина.

Никому не удастся нас переубедить: мы придерживаемся известного ленинского принципа: «Лучше меньше, да лучше!»

Спектакль о Ленине — такое событие в жизни театра, которое касается отнюдь не одного только актера, коему будет поручено «играть» вождя. Это творческий переворот в жизни коллектива.

Думаю, что и актер и театр в целом, сумевшие хоть однажды подняться до высокого осмысления образа Ильича, становятся на целую голову выше.

Я убедился в этом, когда ставил после «Человека с ружьем» другие советские спектакли, а также и классику. Новые постановки требовали от нас такой же высокой идейности. Такого романтического, революционного «заряда», который, как говорил В. И. Ленин, мог бы «объединять чувство, мысль и волю», подымать людей...

Мы помним об этом постоянно.

ВРОВЕНЬ С ВЕКОМ

Трудно поверить, что Сергею Ивановичу Малашкину 80 лет,— так крепка его рука, так светла его память, так полна его нестареющая душа творческими замыслами. Много повидал он на своем веку. Много испытаний выпало на его долю. Его судьба поначалу складывалась обычно. Мальчишкой покинул он родное село, пошел в люди зарабатывать себе на хлеб. Нелегко пришлось крестьянскому сыну в городе. Рано познал он несправедливость государственного устройства, рано вошел в работу революционных кружков. В стычке с жандармами во время Московского вооруженного восстания получил свое боевое крещение, был ранен, а после того, как рана зажила, сослан в Вологодскую губернию. И, может быть, это первое сильное потрясение разбудило в нем поэта: свои чувства, переживания, мысли он попытался излить в стихах.

На долю его поколения выпало многое. И всегда Сергей Малашкин на переднем крае борьбы: в первую мировую войну вплоть до тяжелого ранения был большевистским агитатором, активно участвовал в Великой Октябрьской социалистической революции, выполнял ответственные поручения большевистской партии в период гражданской войны, работал в аппарате ЦК РКП(б) ответственным инструктором по делам искусства и литературы.

Вскоре после Октября, в 1918 году, вышла первая книга стихов С. Малашкина — «Мускулы». В кабинете-музее В. И. Ленина, где хранится рабочая библиотека Владимира Ильича, можно найти этот сборник с дарственной надписью автора: «Дорогому, горячо любимому вождю мирового пролетариата и учителю «социальной поэзии» Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) от всего сердца и с любовью посылаю сию первую мою ученическую книгу... Сергей Малашкин». С тех пор прошло почти пятьдесят лет. Пятьдесят лет на литературном посту. И таких сложных, полных противоречий, драматизма, неумолчной литературной борьбы. За эти годы он многое испытал: и шумные успехи и горечь творческих поражений. Особенно много о нем говорили в конце 20-х годов, когда вышла его повесть «Луна с правой стороны». Пожалуй, не было ни одной студенческой или молодежной организации, где бы не шли дискуссии вокруг этой повести. И не случайно: С. Малашкин поставил в своей повести острые проблемы, актуальные вопросы.

Сейчас, спустя много лет, кое-что в повести может показаться неправдоподобным и неоправданным, но она написана по горячим следам событий: острый скальпель художника, которым он вскрыл язву на теле общества, оказался куда полезнее всех газетных назиданий. Обычно только «Луна с правой стороны» упоминается в учебниках, пособиях по истории русской советской литературы. А как много написал Сергей Малашкин интересных, содержательных книг! Ведь именно тогда, в 20-е годы, С. Малашкин написал такие книги, как «Сочинение Евлампия Завалишина о народном комиссаре...», «Записки Анания Жмуркина», «Больной человек», «Хроника одной жизни», сборник рассказов «Горячее дыхание»...

Поэтом радости и солнца назвал себя Сергей Малашкин в стихотворении «Мускулы». Таким он и остался навсегда.

В последние годы Сергей Малашкин опубликовал романы «Девушки», «Крылом по земле», первую книгу «Записок Анания Жмуркина». Писатель стремится показывать людей во всей их человеческой красоте и духовном богатстве. Во всех его произведениях чувствуется любовь к людям, к

земле, ко всему доброму и живому на этой земле.

Хочется верить, что еще многие годы Сергей Иванович Малашкин будет нас радовать своей мудростью.

Виктор ПЕТЕЛИН

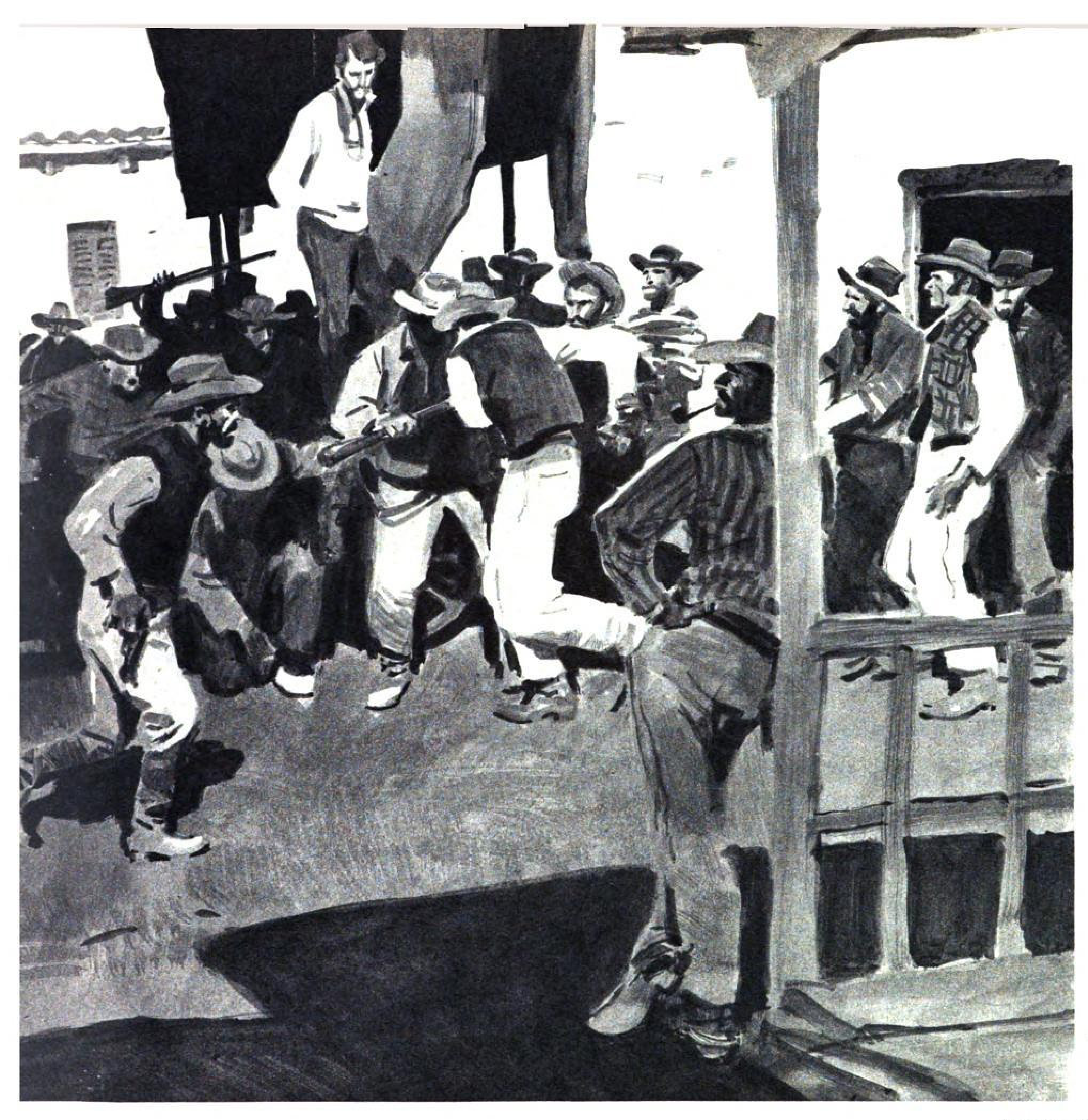

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

В КАМЫШАХ

Рассказ «В камышах» известного американского писателя Брет Гарта был напечатан в 1897 году в сборнике «Предки Питера Асорли». На русском языке публикуется впервые.

Брет ГАРТ

Рассказ

Он не видал парохода ни разу в жизни. Родился и вырос на Западе, вдали от судоходных рек, и, кроме челнока или каноэ, другого способа передвижения по воде не знал.

«Шхуна прерий» — длинный и узкий крытый фургон, в котором он в 53-м году пересек равнины по пути в Калифорнию, не помог составить никакого представления о корабле, несмотря на свое морское наименование.

И когда через перевал в Южных горах он вышел к земле обетованной, то совершенно бессознательно решил сделать привал на пологом берегу могучей желтой реки.

Распрягая волов на краю широких полян, незаметно переходивших в величавую гладь реки, он рассудил, что с его силами и познаниями, приобретенными в прериях, здесь открываются хорошие виды на будущее, и решил «осесть».

Возделанные участки, которые он миновал по пути, были немногочисленны и далеки друг от друга — эта земля принадлежала ему по праву первооткрывателя; привычка жить одиноко и полагаться только на собственные силы позволяла ему не зависеть от соседей.

Заходящее солнце густо позолотило реку, так что она вполне могла бы сойти за Пактолийский поток. Но Мартин Морс не обладал воображением; он не был даже золотоискателем. Он пришел сюда, повинуясь бродяжническому инстинкту переселенцев. Земля была не тронута плугом, никто на ней не жил. Это была его земля, и он был один. Решив для себя этот вопрос, он закурил трубку. Мысль о трех тысячах миль, пройденных в поисках нового местожительства, беспокоила его меньше, чем какого-нибудь горожанина, переехавшего на соседнюю улицу. Когда солнце зашло, Мартин завернулся в одеяло и тихо уснул.

Но вскоре он проснулся. Что-то вздрагивало в ночи и шумело, как будто по всему простору реки топали тысячи быстрых ног.

Им овладело странное чувство: и страх и ожидание удивительного.

Морс поднялся, торопливо выпрыгнул из фургона и побежал к берегу. Ночь была темной; сначала он не увидел ничего, кроме черного неба, утыканного далекими, беспорядочно рассыпанными звездами. Потом слева возникло несколько красных и голубых звезд высоко над рекой и три цепочки больших светил. Они надвигались на него. Он невольно отпрянул. Их яркие лучи пронзили камыши и легли широкими полосами на поляну, неподвижный фургон и дремлющих волов. Но все было ничто в сравнении с миром, открывшимся Мартину через окна с поднятыми занавесками и раздернутыми шторами,— наивысшее откровение явившегося ему чуда.

Мартин Морс стоял восхищенный и озадаченный. Как будто невидимый Асмодей открыл простому поселенцу мир, который не мог и присниться. Это был Мир с большой буквы — мир, о котором он не знал ничего в своей простой и уединенной жизни на Дальнем Западе. Минута — и его уже нет. Фонтан искр

взлетел над одной из башен парохода, рассыпался и погас.

Стало темно. Он был так поглощен своими мыслями, что только внезапный холод привел его в чувство, и он увидел, что стоит по колено в волне, нахлынувшей на пологий берег от первого увиденного им в жизни парохода!

Морс ждал его на следующую ночь; пароход появился немного позже и с другой стороны. Ждал его и на третью и на четвертую ночь; и уже ни разу не пропускал ни одного рейса, несмотря на все трудности и заботы своей новой уединенной жизни. Он чувствовал, что не мог бы заснуть, не увидев проходящего мимо парохода.

Однажды в светлую ночь Мартин задержался немного дольше на берегу, глядя на фосфоресцирующий след уходящего парохода. Неожиданно ему почудилось, что он слышит какие-то всплески в воде, совсем не похожие на шум ровных, косых валов, рожденных пароходом. Вглядевшись, Морс различил какой-то темный предмет, крутящийся в воде, а затем и неловкий взмах руки. Там тонул человек.

Ни минуты не раздумывая, как был — в рубашке и штанах,— Мартин кинулся в камыши и, крикнув, что идет на помощь, поплыл навстречу отчаянно борющемуся человеку. Но едва Морс приблизился, утопающий пробормотал что-то и, отталкивая протянутую ему руку, резко повернулся назад.

Принимая это лишь за судороги тонущего человека, Мартин, опытный пловец, изловчился ухватить его за плечо и потянул, все еще сопротивляющегося, к берегу. Как только их ноги коснулись вязкого дна, человек затих и беспомощно повис на руках у Морса.

То приподнимая, то волоча свою ношу, Морс добрался наконец до сухого берега и уложил бесчувственного человека под ивой. Затем побежал в фургон за виски. Вернувшись, с удивлением обнаружил, что человек уже сидит. Тут впервые в ярком свете луны он заметил, что незнакомец обладал незаурядной внешностью и был элегантно одет — несомненный пришелец из того блестящего, чарующего мира, который Мартин созерцал в своем уединении. Тот охотно взял предложенную ему жестяную кружку и выпил виски. Потом поднялся, сделал несколько неуверенных шагов и с любопытством оглядел неподвижный фургон, несколько поваленных деревьев — приметы расчищаемого участка — и даже грубую хижину из бревен, возведение которой только еще было начато, и сказал нетерпеливо:

— Где я, черт побери?

Морс поколебался. Он не знал, как обозначить место своего жительства. Потом коротко ответил:

— На правом берегу Сакраменто.

Незнакомец взглянул на него подозрительно и неприязненно.

— Если не ошибаюсь, водоем, из которого вы меня выудили, река Сакраменто. Благодарю вас.

Не спеша и терпеливо, как это свойственно жителям Запада, Морс разъяснил, что поселился здесь три недели назад и место еще не имеет названия.

— Какой же тут ближайший город?

— Да никакого. Есть кузница и бакалейная лавка на развилке дорог, миль двадцать отсюда.

— В таком случае,— сказал незнакомец повелительным тоном,— мне нужна лошадь, и поскорее.

— Нету ни одной.

— Нет лошадей? Как же ты сюда добрался?

Морс указал на дремлющих волов. Незнакомец уставился на него с любопытством. Помолчав, он улыбнулся сочувственно и насмешливо.

— Ты пайк?

Знал или не знал Морс, что это ходячее калифорнийское словечко, обозначающее жителя сельского Запада, заключало в себе оттенок презрения, но ответил просто:

— Я из Пайкского округа, штат Миссури.

— Ну, хорошо,— сказал незнакомец так же нетерпеливо, как и прежде,— в таком случае ты должен выпросить или украсть лошадь у соседей.

— На шестнадцать миль вокруг нету никаких соседей.

— Пошли кого-нибудь! Постой-ка! — Он расстегнул мокрую рубашку, вытащил кошелек и швырнул его Морсу.— На! Там 250 долларов. Мне нужна лошадь.

— Некого посылать,— спокойно сказал Морс.

— Ты что, один здесь?

— Один.

— И ты вытащил меня сам?

— Сам.

Незнакомец снова оглядел его с любопытством. Потом неожиданно протянул руку и сжал ладонь Морса.

— Хорошо. Если послать некого, я доберусь туда завтра пешком.

— Я как раз хотел сказать. Если вы заночуете, я отправлюсь туда на рассвете и приведу вам лошадь до полудня,— предложил Мартин.

— Подходит...— Незнакомец глянул на Морса с любопытством.— Ты слышал когда-нибудь, что нет ничего хуже, чем спасти утопающего?

— Я так думаю, нет ничего хуже не сделать этого,— просто ответил Морс.

— Все зависит от человека, которого спасаешь,— сказал незнакомец с непонятной улыбкой,— в иных случаях спасение — только отсрочка. Послушай-ка,— прибавил, внезапно возвращаясь к повелительной манере,— не найдется ли у тебя какой-нибудь сухой одежды?

Морс принес ему комбинезон и рубаху, довольно-таки поношенные, остро пахнущие дешевым мылом после недавней стирки. Незнакомец облачился в них, а Морс тем временем принялся собирать в кучу сухие листья и ветки.

— Это еще зачем?

— Костер — просушить вашу одежду.

Незнакомец хладнокровно раскидал кучу.

— Никаких костров сегодня не будет,— сказал он резко.

Мартин не успел еще отреагировать на столь неожиданную смену настроений, как незнакомец продолжал уже совсем другим тоном, непринужденно развалясь под деревом:

— Ну что же, расскажи теперь о себе. Чем здесь занимаешься?

Подчиняясь этому требованию, Морс терпеливо изложил всю историю с того дня, как он покинул свою хижину в лесной глуши и как наконец облюбовал для поселения этот берег.

Незнакомец мрачно усмехнулся, сел и, вытащив из своей мокрой одежды перочинный ножик, принялся чистить ногти. Простодушный Морс глядел и изумлялся.

— И ты не знаешь, конечно, что эта дыра будет душить тебя простудами и лихорадками, пока ты не сыграешь в ящик? — спросил он.

Морсу уже приходилось жить в малярийных районах, он этого не боялся.

— А тебе никто не говорил, что в одну прекрасную ночь река поднимется и поглотит тебя вместе с твоей хижиной и скотом?

— Нет. Я ведь думаю перенести свою хибару подальше.

Незнакомец защелкнул свой нож и поднялся.

Морс указал на фургон.

— Там есть койка. Можете лечь.— И, поколебавшись, неожиданно и непоследовательно, как человек застенчивый, выпалил:

— Не хотелось бы уходить отсюда, очень уж по душе мне эти пароходы ночью.— И без дальнейших предисловий, с той же непоследовательностью замкнутого, молчаливого человека, доверчиво открыл незнакомцу все, что пережил за эти последние дни и ночи.

Незнакомец слушал с необычайным вниманием, не спуская с него испытующих глаз.

— Значит, и сегодня, когда ты увидел меня, ты внимательно следил за пароходом. Что еще ты видел? До того как заметил в воде меня?

— Да ничего.

— Ага, ну что ж, мне пора на боковую,— сказал незнакомец и направился к фургону.

Теперь, когда гость оказался в полной его власти, Морс начал осознавать всю необычность происшествия. Превосходство этого человека было настолько полным, что, от природы независимый и уверенный в себе, Морс не смел подвергать сомнению его права или обижаться на его резкость.

Он воспринял как само собой разумеющееся и то, что гость — по рассеянности или намеренно — ни словом не коснулся обстоятельств происшедшего.

Еще не сознавая себя во власти таинственного обаяния незнакомца, он чувствовал застенчивую радость при мысли, что тот проявил какой-то интерес к его делам, а рука еще хранила теплоту и дрожь от внезапного выразительного рукопожатия.

У замкнутых, углубленных в себя натур встречается иногда интуиция дружбы, которая сродни любви с первого взгляда. Морсу нравились даже дерзость и высокомерие незнакомца; подобным же образом его могло бы тронуть и покорить кокетство или высокомерная небрежность какой-нибудь сельской барышни. И этот замкнутый, застенчивый переселенец не мог заснуть всю ночь, с конфузливой робостью слоняясь вокруг фургона.

Он ушел с рассветом, предварительно поставив неприхотливый завтрак рядом с постелью спящего гостя, а к полудню вернулся с лошадью. Когда Морс протянул незнакомцу кошелек с деньгами, оставшимися после покупки, тот резко спросил:

— Что еще?

— Сдача. За лошадь я заплатил только 50 долларов.

Незнакомец взглянул на него, улыбаясь своей особенной улыбкой. Потом он сунул кошелек за пояс, пожал Морсу руку и вскочил в седло.

— Тебя, стало быть, зовут Мартин Морс. Ну, что ж, Морси, до свидания!

Морс помедлил. Краска залила его темные щеки.

— Вы не назвали своего имени,— сказал он.— На случай...

— На случай, если я понадоблюсь? Ну, можешь назвать меня капитан Джек.— И дал шпоры мустангу.

В этот день Морс то и дело отвлекался от своих забот и заново переживал все события прошедшей ночи, пока ему не начало казаться, что он почти видит своего странного гостя. От грубой одежды, которую тот надевал, исходил аромат какого-то хорошего мыла, перебивая прежний, сильный запах щелочи.

Вечером Морс вышел на берег раньше обычного, смутно надеясь увидеть и узнать среди пассажиров парохода своего гостя. Он пробирался через камыши в блеклом свете восходящей луны, пытаясь опознать то место, где впервые увидел незнакомца, как вдруг, пораженный, заметил что-то черное у самого берега. Приглядевшись, он различил раздутое тело и беспомощно струящиеся в воде волосы и понял, что человек этот мертв. На лбу у него был синяк, а на горле огромная рана, уже смытая водой, белая и бескровная.

Необъяснимый страх напал на Морса — и не от вида трупа, потому что после индейской резни ему случалось видеть тела, изуродованные до неузнаваемости; не физическое отвращение, но душевная боль, которая неизвестно почему еще усилилась от далекого пыхтения подходящего парохода.

Почти не давая себе отчета в том, что он делает, Морс торопливо выволок труп на берег и спрятал его в камышах, как будто избавляясь от улик совершенного им преступления.

Затем, когда показался неясный корпус, он с ужасом заметил, что пыхтение парохода и шлепанье его колес становятся все реже, пока огромная волна от внезапно замерших лопастей, как мощный удар сердца, не накатила на камыши и чуть не накрыла его с головой. Вспышка трех или четырех фонарей на палубе и неподвижный ряд огней слепили ему глаза, но он знал, что низко склонившиеся ивы надежно укрывают его. Отрывистый приказ вдруг перекрыл невнятный говор на палубе, и, к облегчению Морса, медленные колеса вновь всколыхнули реку, и вся махина торжественно двинулась дальше.

Когда поднялась луна, он вырыл неглубокую яму и опустил туда труп. Мартин не задавался вопросами об ответственности. В своей жизни пионера он не сталкивался с таким фактом, как дознание следователя. Поспешно и надежно укрывая тело от хищных животных, он просто делал то, что один переселенец в таком случае должен сделать для другого.

В следующий раз пароход уже не останавливался, а прошел мимо, как обычно; но еще три или четыре дня минуло, прежде чем Морс снова стал ждать его с былым горячим, распирающим душу любопытством.

Однажды, к его изумлению, на вырубку явился гуртовщик с парой прекрасных лошадей.

— Тебя звать Мартин Морс, так, что ли? — спросил гуртовщик грубо и деловито.— Я так думаю, поблизости никого другого с этим именем нет?

— Нет,— сказал Морс.

— Ну, значит, они твои.

— Но кто их послал? — не унимался Морс.— Как его зовут, откуда он?

— Не знал, что придется докладывать родословную покупателей,— сухо сказал гуртовщик.— Но лошадь — чистые морганы, это уж я готов об заклад биться.— Он ухмыльнулся и ускакал.

Морс не сомневался, что лошадей прислал капитан Джек и что за этим последует его визит. Несколько дней он жил этой мечтой, но капитан Джек не появлялся.

Лошади значительно облегчили ему выпас и выгон скота на пастбище и избавили от необходимости нанимать работника или брать кого-либо в долю. Иногда в его голове мелькала мысль, что этот блестящий, прекрасно одетый господин когда-нибудь снова посетит его, но Морс со вздохом отказался от нее. Идея, что сам он сможет со временем подняться до того высокого положения, которое — это было ясно — занимал в обществе капитан Джек, посещала его не раз и придавала силы. Эта его мечта совсем не была похожа на обычное стремление человека к богатству и почету. Для него имело значение лишь то, что таким образом он мог бы стать достойным своего друга.

Благодаря всему этому он преуспевал в своих делах. Но однажды, проснувшись, обнаружил, что руки и ноги не слушаются, и с трудом справился со своей обычной дневной работой.

Ночью слабость сменилась острой болью и лихорадкой, которая, казалось, так и толкала его к реке, как будто единственной целью его жизни было испить ее воды, искупаться в ее желтых струях. Но каждый раз, как он пытался напиться, ему чудились трупы и в глаза ударяли слепящие огни неподвижного парохода. Он не знал, сколько это продолжалось, но однажды утром, проснувшись, увидел у постели незнакомого человека, а в дверях — негритянку.

— У вас был сильный приступ болотной лихорадки,— сказал человек, опуская бессильную руку Морса, в ответ на его невысказанный вопрос,— но теперь вам уже лучше, скоро поправитесь.

— Кто вы? — с трудом выговорил Морс.

— Доктор Дьюкесн из Сакраменто.

— Как вы сюда попали?

— Меня послали к вам вместе с сиделкой, так как вы здесь совсем один. Вот она.— Он указал на улыбающуюся негритянку.

— Кто вас послал?

Доктор улыбнулся и терпеливо, как это свойственно людям его профессии, пояснил:

— Один из ваших друзей, разумеется.

— Как его зовут?

— Право, я что-то не помню. Но не расстраивайтесь. Он позаботился обо всем по-королевски. От вас требуется только одно — выздоравливать. Моя миссия окончена, и я со спокойной душой оставляю вас на попечение сиделки. Но когда поправитесь — это говорю я и ОН,— держитесь подальше от реки.

Это все, что Морс узнал. Даже сиделка, которая ухаживала за ним первые дни, пока он был беспомощен, не могла сообщить ничего нового. Он вскоре же избавился от нее и вернулся к своим трудам. Его простодушная, детская любовь к своему благодетелю, усиленная болезнью, вступила в новую, странную фазу. Мартин начал мучиться неравенством этой дружбы. Он смутно сознавал, что его таинственный гость лишь холодно расплачивался за гостеприимство и помощь, уклоняясь от какого бы то ни было общения, и тем подчеркивал неизмеримую пропасть, разделявшую их. Капитан Джек не снизошел до дружеской записки или простого приветствия, скрыв даже свое имя.

Невежественная, гордая и застенчивая душа поселенца изнывала под тяжестью предполагаемого небрежения. Мартин не мог вернуть лошадей, хотя в приступе детской обиды решил не работать на них вовсе. Он не мог возместить затраты на доктора.

С наивным злорадством он не желал уходить от реки в смутной надежде, что этот отказ следовать советам капитана Джека будет передан ему каким-нибудь таинственным образом. Морс собирался даже продать свой участок и уехать, чтобы таким образом избавиться от холодного покровительства своего бессердечного друга. В этот период своей неразделенной любви он дошел до того, что пытался разузнать что-либо о капитане Джеке в Сакраменто и даже, упорствуя в своих глупых розысках, проехал на пароходе от Сакраменто до Стоктона.

То, что произошло с ним, наверное, естественно для таких натур. Стоило ему попасть на пароход, как иллюзия великого мира исчезла безвозвратно. Морс увидел его шумным, церемонным, фальшивым и — если бы в его лексиконе было это слово — вульгарным. Напротив даже, ему показалось, что в большинстве своем чувства и действия тех, кто ездил на этом пароходе и для кого он был построен, были ниже его собственных. Но, как ни странно, это вызвало в нем не ощущение превосходства, а только чувство полного, безраздельного одиночества.

Как это отличалось от того, что сохранил он в памяти от кочевой жизни,— медленно приближающиеся упряжки волов, все выше и выше над горизонтом равнины; несколько человек, вышагивающих рядом, они встречали его как мужчины мужчину и обменивались новостями дальнего пути: о тропах индейцев, найденном источнике, об обнаруженном пастбище, сулившем спокойную, гостеприимную ночь.

А здесь — даже в этом монотонном путешествии — какая яростная, непрерывная борьба за власть, за существование! Во всем он ощущал напряженность и лихорадочную спешку.

Судно дрожало, вибрировало и содрогалось с каждым движением громоздкого поршня. Смех толпы, обмен новостями и сплетнями, банкет за длинным столом, газеты и книги в салоне отдыха, даже роскошные кушетки в каютах-люкс — все было пронизано, все жило суетой и беспокойством.

Когда же наконец жуткое наваждение повлекло его в машинное отделение и он увидел жестокую, не знающую устали машину в работе, ему казалось, что он увидел и опознал гениального, но безжалостного Молоха, который повергал этот горячечный мир к своим ногам.

Потом он сидел в углу, на штормовом мостике, откуда мог обозревать однообразные берега; по некоторым признакам он знал, что приближается к месту своего жительства. Тут до него долетели голоса, и он вдруг увидел мужчин, которые, не торопясь, перешли от другого борта и стояли теперь перед ним, разглядывая берег.

— Где-то тут, я полагаю,— сказал один вяло, как бы продолжая ранее начатый ленивый разговор,—как раз, когда мы приближались к повороту, который только что миновали, помощник шерифа, подойдя к двери каюты — она находится как раз под нами,— обнаружил, что дверь заперта, а окно открыто. Но оба — и Джек Деспард и Сэт Холл, шериф, исчезли. Без следа. Пароход обыскали, но безрезультатно. Думают, что шериф, после того как спокойненько поместил своего пленника в каюту, снял с Джека наручники, а дверь запер. Джек же, отчаянная голова, кинулся через окно прямо в реку, а шериф — тоже не трус — за ним. Другие допускают, что они сцепились там и Джек задушил Холла и выпихнул его за борт, а затем уж и сам сполз в воду. Окно этой каюты как раз над кожухом гребного колеса, и капитан утверждает, что никто не может упасть перед колесом и остаться живым. Во всяком случае, это все, что удалось выяснить.

— И никаких следов от них? — спросил второй после долгого молчания.

— Нет. Кэп говорит, эти самые лопасти, должно быть, загребли их и пошли швырять вверхвниз, пока не похоронили в тине на дне.

Оба лениво пошли дальше, а Морс остался сидеть, окаменев. Как ни странно, только одна мысль появилась в его мозгу после этого ужасающего открытия,— что его друг был верен ему и что странное его отсутствие и таинственное молчание можно было теперь легко объяснить и оправдать. А потом явилась другая волнующая мысль, что человек этот оставался живым только для него одного. Морс был единственным хранителем тайны. Что касается моральной стороны вопроса, его больше беспокоили последствия этой истории для капитана Джека и преимущества, которые она давала его врагам, чем собственная совесть. Он предпочитал, чтобы друг его оказался отщепенцем, но относился бы к нему с бескорыстным участием, чем высокомерным джентльменом, который холодно отвергал его благодарность. Морс думал теперь, что понимает причины его странного, изменчивого настроения; его горькое, суеверное предупреждение о проклятии, которое Морс навлек на себя, спасая утопающего. Последнее мало его тревожило. Он догадывался, что беспокойство капитана Джека о его здоровье было отчасти вызвано этим страхом, и уверенность в его дружеской заботе наполняла Морса радостным волнением.

Теперь уже не было никакого смысла покидать ферму, где по крайней мере капитан Джек всегда мог его найти.

Болезнь совсем прошла, и на душе было спокойно. Мартин удвоил свои усилия, чтобы достичь того положения, когда бы он мог оказать помощь таинственному беглецу, если в этом возникнет необходимость. Нельзя было и придумать убежища лучше, чем далекая ферма, и, надеясь на это, Морс не пользовался ничьей посторонней помощью и жил уединенно и замкнуто, так жил, чтобы ничто не могло помешать капитану Джеку укрыться у него.

Прошел весь долгий сухой сезон, сено было убрано, стада вернулись с пастбищ, и только первые дожди, вспоровшие разлившуюся гладь реки, нарушили постоянное уединение. Но однажды ночью он проснулся, как от толчка. Руку его, свешивающуюся с койки, омывала вода. Он едва успел выскочить на середину своего дома, как дверь вылетела, как будто на нее поднаперли изнутри, и хижина его рассыпалась карточным домиком. Дождь перестал. Полная луна открывала взору Морса одну только бесконечную гладь воды. Это был уже не разлив, это была новая река, в тысячи раз мощнее и шире, и она несла его, задыхающегося, вцепившегося в обломки дома, несла неизвестно куда. Он был на самой ее середине, так как, глянув в сторону своих полян, он увидел, что они затоплены тем же стремительным потоком, испещренным точками плывущих стогов сена, и что вода уже подбиралась к лесистым холмам. Это было великое наводнение 54-го года. В своем ужасном величии оно могло показаться первобытным потопом.

Когда его хрупкий плот проплывал под тополем, он ухватился за одну из свисающих ветвей и, отчаянно цепляясь за сук, добрался наконец до удобного места в развилке дерева. Здесь он был в сравнительной безопасности. Но тем ужаснее был вид опустошения, открывшийся ему с высоты. Никакого намека на его вырубку, никаких следов целого года тяжелой работы. Только сейчас его слух уловил мычание скотины — сгрудившись на небольшом возвышении, животные один за другим погружались в воду. Блестящие тела мертвых лошадей проплыли мимо. Он уловил отдаленный крик какого-то несчастного фермера, которого несло по реке.

Наступивший день застал Морса голодным и замерзшим. Часы тянулись, вода не убывала. Течение замедлилось, и наконец перед ним распростерлось пустынное недвижное море, давила жуткая тишина. После полудня на это серое, мутное пространство начал падать дождь, и казалось, что в мире нет ничего, кроме воды. В голове Морса билась одна-единственная мысль: вечерний пароход! — и он старался сохранить силы, чтобы доплыть до него. Он еще не знал тогда, что пароход не мог следовать старым фарватером и прошел так далеко, что Морс его не увидел и не услышал. В довершение всех несчастий ночью вернулась лихорадка. Его тело то разламывалось от боли, то безжизненно немело. Он слышал голоса, свое собственное имя, произнесенное знакомым ему голосом — голосом капитана Джека.

Вдруг он вздрогнул, но от этого рокового движения потерял равновесие и свалился вниз. Но прежде чем вода сомкнулась над головой, перед ним промелькнуло жестокое видение подоспевшей помощи — блеснувший

свет, черный корпус буксира невдалеке, движущиеся фигуры, ощущение, что кто-то прыгнул вслед за ним, что сильная рука схватила его за шиворот, и — он потерял сознание!

Когда он пришел в себя, они плыли по опустевшим улицам большого города до полузатопленного отеля, куда его внесли через окно второго этажа. Но на все вопросы ему ответили только, что буксир — частное судно, не принадлежащее общественной благотворительной организации, что он был послан специально человеком, который отправился вместе с командой и бросился за ним в воду в последний момент. Этот человек сошел с судна в Стоктоне. И это все? Нет! Он оставил записку. Морс жадно схватил ее. В записке было всего несколько строк:

«Теперь мы квиты. С вами все в порядке. Я спас вас из воды и тем самым перенес проклятие на свою голову. До свидания. Капитан Джек».

Прошли недели, прежде чем он смог встать с постели — нищим и разбитым человеком. Ему не на что было восстановить ферму, начисто смытую водой. Ему предложили место погонщика мулов в обозе, который шел в горы, так как он знал все проходы и тропы и умел ездить верхом. Горы вернули ему отчасти жизненную энергию, которую он растерял в речной долине, но ничего не оставили от прежних надежд и мечтаний. Однажды, разыскивая пропавшего мула, он остановился утолить жажду у ямы с водой. Расширяя лунку, чтобы напоить и скотину, он выврнул вместе с красной глиной куски какой-то ноздреватой породы, которая заинтересовала его тяжестью и странным видом. Два самых больших куска он захватил с собой в лагерь. Это было золото. Никто не удивлялся. По калифорнийским понятиям, это было обычным делом. «Дурацкое счастье» — удача глупому, невежественному, неопытному, не золотоискателю даже — шутка богов!

Его простая, деревенская натура, привычная к труду и замкнутости, ранее так упорно сопротивлявшаяся соблазнам, поддалась им под тяжестью внезапно обретенного богатства. И вот случилось однажды, что он вместе с толпой кутил и приятелей, падких до развлечений, очутился на окраине незнакомого с правосудием горного городишка. Там уже собралась радостно возбужденная толпа — готовились линчевать какого-то головореза! Проталкиваясь через толпу, чтобы получше видеть все это волнующее представление, Морс был остановлен вооруженными людьми у самого края повозки. На ней стоял с веревкой на шее спокойный, решительный человек, презрительно разглядывая толпу. Глаза приговоренного встретились с глазами Морса — их выражение изменилось, лицо осветилось доброй улыбкой, он наклонил свою гордую голову в знак прощания.

И тогда Морс с воплем кинулся на ближайшего из охраны, и завязалась яростная борьба. Он одолел своего противника и схватился со следующим, пробиваясь к повозке. Резкий звук выстрела, взвившийся кверху дымок — и стража отшатнулась, когда Морс, свободный, шагнул, покачнувшись, вперед — с пулей в сердце. Но упал он, только когда достиг повозки, выбросив вперед руки, головой к ногам приговоренного.

В этом безнадежном акте преданности было что-то настолько глубокое и величественное, что сердце толпы дрогнуло и ужаснулось, и достаточно было одного слова или жеста приговоренного, чтобы его отпустили на свободу. Но говорят — и это вполне достоверно,— что, когда капитан Джек Деспард взглянул на тело Морса у его ног, глаза его сверкнули, и он кинул собравшимся людям такое ужасное и огульное проклятие, что, как бы они ни были грубы, кровь у них застыла в жилах, а потом яростно бросилась в голову.

— А теперь,— сказал он, хладнокровно затягивая петлю кивком головы,— давайте, и будьте прокляты! Я готов!

Мартин Морс и капитан Джек были похоронены в одной могиле.

Перевела с английского Лилит КАРЕН.

ВСЕ ОСТАНЕТСЯ ЛЮДЯМ...

Умер Константин Георгиевич Паустовский. Ушел из жизни писатель, который щедро дарил людям свет, тепло, нежность, любовь. Каждая его книга, повесть, рассказ, очерк ожидались с нетерпением, ибо неизменно несли в себе радость жизни. После прочтения любой его книги как-то легче дышалось, словно воздух заряжался озоном, словно рядом проходил летний, косой, благодатный дождь, после которого все становилось чистым, сверкающим, умытым. Его книги населены преимущественно хорошими людьми, и плохой человек у него и существует лишь для необходимого контраста — чтобы явственней подчеркнуть доброе.

Он прожил большую жизнь, но всегда оставался молодым в своем творчестве: по-юношески жадно вглядывался в окружающее широко раскрытыми глазами, находя живой интерес в шелесте трав, в беготне муравьев, в запахах луга и леса, в блеске росы. В статье «Коротко о себе» Паустовский писал: «Прежде чем рассказать вкратце свою биографию, я хочу остановиться на одном своем стремлении. Оно появилось в зрелом возрасте и с каждым годом делается сильнее. Сводится оно к тому, чтобы насколько возможно приблизить свое нынешнее душевное состояние к той свежести мыслей и чувств, какая была характерна для дней моей юности».

Он страстно любил свою родную землю: Москву, где он родился; Украину, где прожил детство и раннюю юность; Мещеру с ее бескрайними лесами, топями, тихими зорями. «Там до конца я понял,— писал он о Мещере,— что значит любовь к своей земле, к каждой заросшей гусиной травой колее дороги, к каждой старой ветле, к каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, к каждому пересвисту птицы в лесной тишине».

Был он всегда непоседа: вечно тянуло его повидать свет, все увидеть, ощупать и перепробовать своими руками. Он служил вагоновожатым в Москве, санитаром в действующей армии во время первой мировой войны, работал на металлургическом Брянском заводе, потом перекочевал в Юзовку, на Новороссийский завод, потом в Таганрог, на котельный завод Нев-Вильдэ, а оттуда — в рыбачью артель. После революции стал журналистом, служил в одесской газете «Моряк», в РОСТА. «Муза дальних странствий» была его неизменным поводырем.

Много лет спустя он написал: «Жизненный материал не изучают. Просто писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала — живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, а каждый день оставляет, конечно, в их памяти и сердцах свои заметы и зарубки на сердце».

После поездки на Каспий Паустовский написал свой «Кара-Бугаз», давший ему широкое признание, после поездки в Грузию — «Колхиду». Карелия с ее суровыми красками снабдила его материалом для повестей «Судьба Шарля Лонсевиля» и «Озерный фронт», Мещера породила серию прелестных рассказов, «Летние дни», повесть «Мещерская сторона». Все виденное и пережитое сложилось в цикл автобиографических книг, полных поэзии, жарких чувств и того задушевного отношения к жизни, которое так характерно для творчества Паустовского.

Паустовский был очень добр к людям и очень строг к себе: «Написал я за свою жизнь как будто много, но меня не покидает ощущение, что все написанное только начало, а вся настоящая работа еще впереди».

Он писал прозой, но проза его поэтична во всех своих гранях. Он был прекрасным устным рассказчиком, слушать его было истинным наслаждением. Тонкий юмор придавал его речи особую привлекательность. Умно подчеркнутой деталью он давал исчерпывающую характеристику человеку.

...Последние годы своей жизни писатель прожил в Тарусе — маленьком калужском городке, полном садов, дубрав, легенд, сказок. С берегов Оки тянет свежестью чистых вод, солнце золотит песчаные отмели, пароходные гудки перекликаются на речных просторах.

Здесь, в Тарусе, и будет могила Константина Паустовского — прекрасного писателя, человека большой души и чистого сердца.

Ник. КРУЖКОВ

Памяти Александра Яшина

Умер поэт...

Умер человек, который мог разговаривать с миллионами. Это трудная профессия. Такое право надо было завоевать. У Александра Яшина было это право. То, что он говорил своему читателю, выстрадано им. Именно выстрадано, потому что это был человек очень сложной и трудной судьбы. Честный, дружелюбный, он мог казаться иногда недоброжелательным. Но — только казаться.

У поэта бывают строчки, в которых выражена вся горячность души в одну из прекрасных минут его жизни. Я люблю строчки Яшина: «Спешите делать добрые дела».

Для этой строчки нужно было прожить огромную жизнь. Я бы сказал: пережить повышенную ответственность за все, что происходит в нашей жизни.

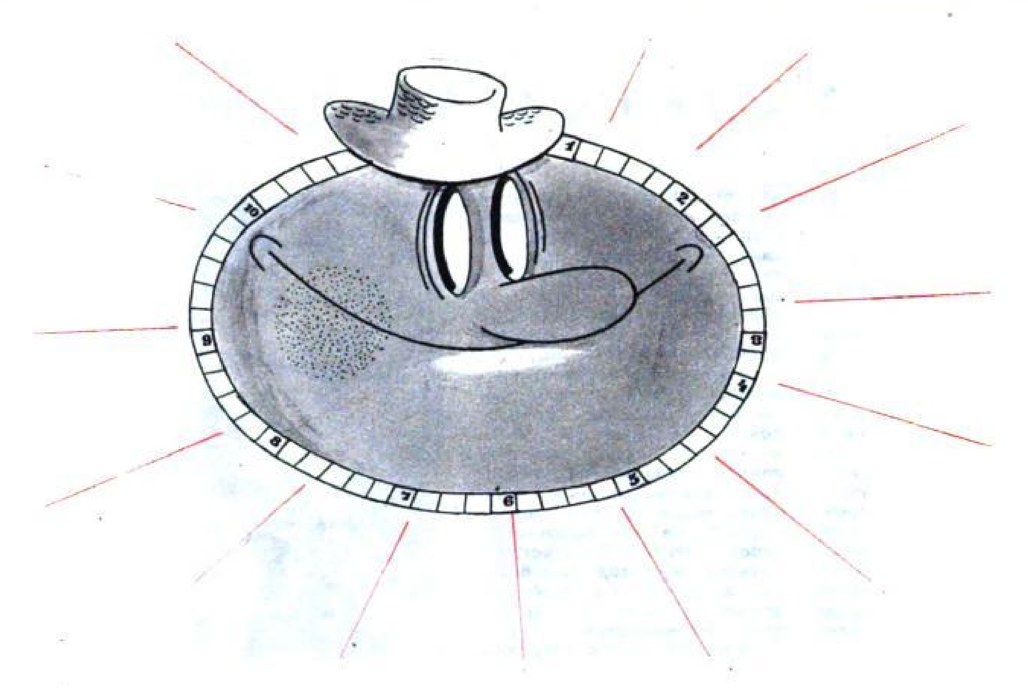
Он был человеком мужественным. В последние годы на него обрушилось много жизненных бед, у него были трагические утраты. А стихи его между тем становились все нежнее и человечнее.

Странно появляются поэты в мир. Какой-то край или область вдруг начинают выдавать их дружно, и все хороших. Александр Яшин один из первых поэтов нашего времени, пришедший к нам с Севера. Северный, ядреный, сочный, истинно русский говор впервые мы услышали в его стихах. Вслед за ним в нашу поэзию пришло много хороших поэтов. За это надо благодарить Яшина,— он был для них взлетом самосознания.

Он пришел к нам с Севера и ушел на Север. По его воле он будет похоронен на родной вологодской земле. Надо поклониться этой земле за то, что она дала нам песни, а то, что они остались недопеты, это не ее вина.

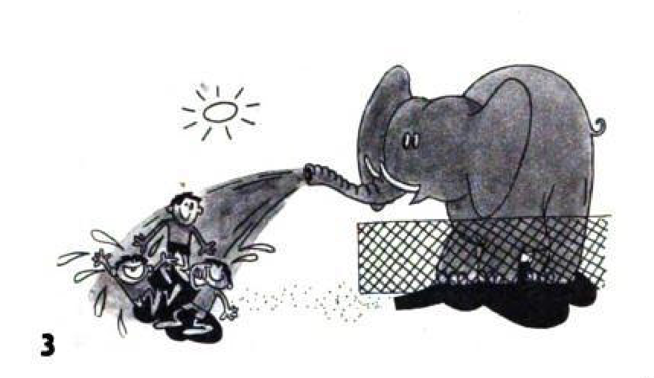
Песня будет продолжена.

Вас. ФЕДОРОВ

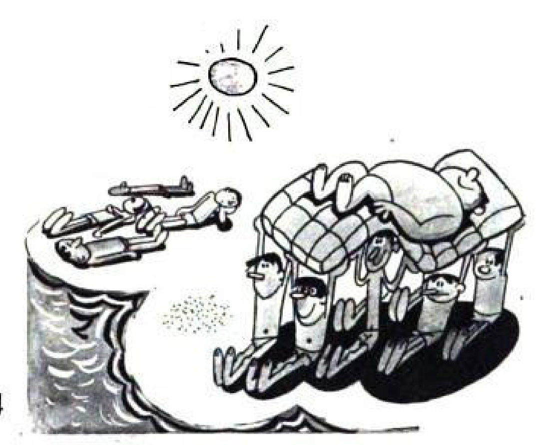

ИЗОЧАЙНВОРД «ЛЕТО 66»

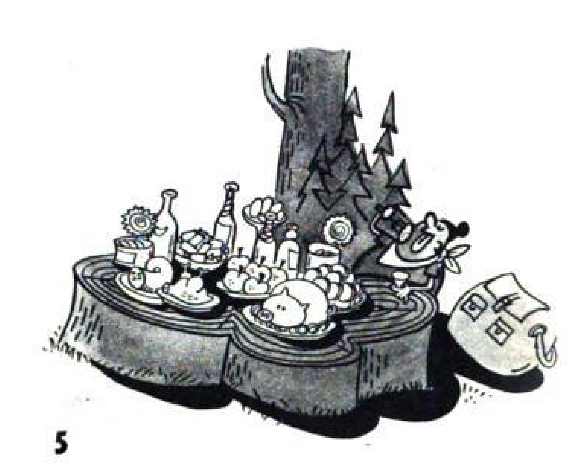
Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник В. Тильман. Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, которые первыми пришлют правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

3

4

5

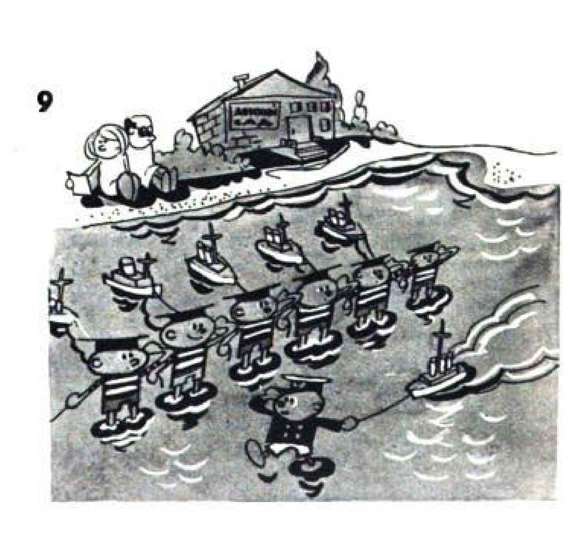
7

8

9

ПЕСТРЫЕ

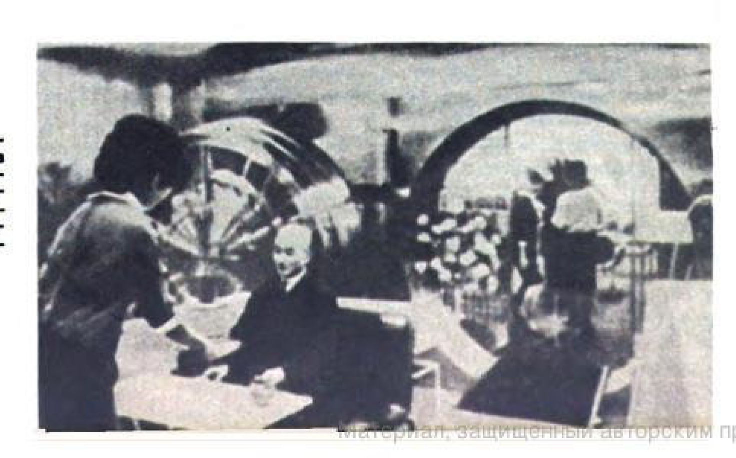

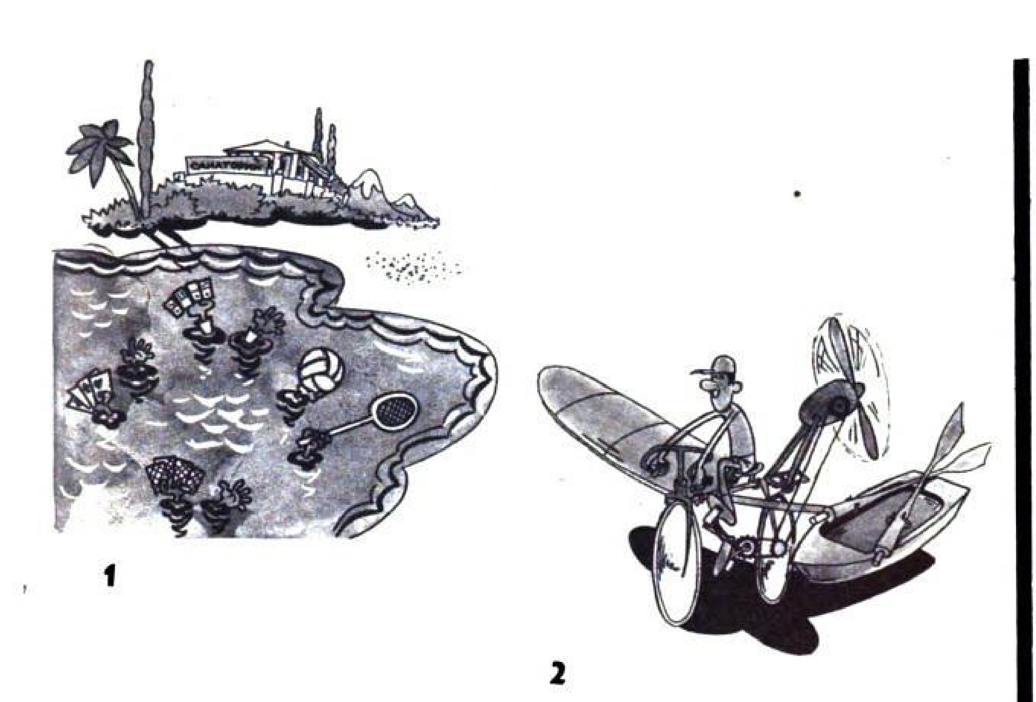
В ЧАСЫ ПИК

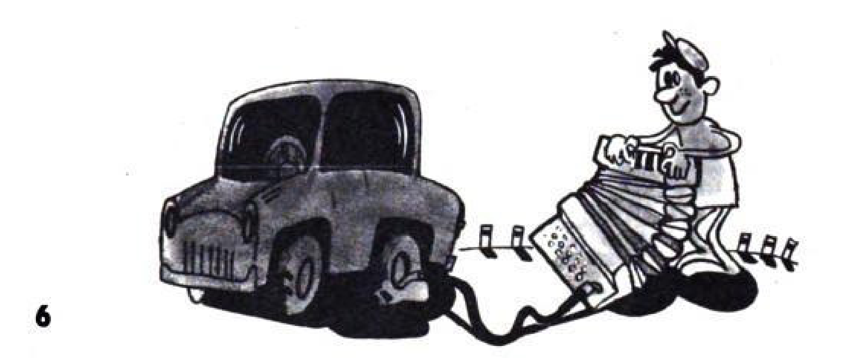
Прохожие недоумевали. По улицам Лондона ехала на велосипеде девушка, одетая в подвенечное платье. Невеста, отчаявшись поймать такси, воспользовалась собственным транспортом и вовремя поспела к церемонии бракосочетания

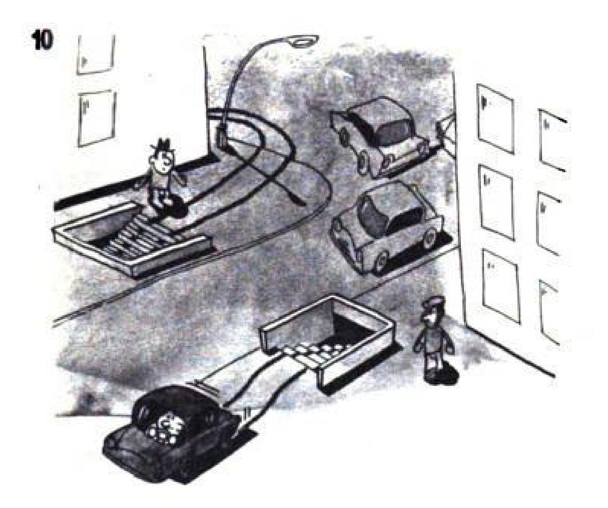
КАФЕ В СЕЙФАХ

Помещение одного токийского банка переоборудовано в кафе. Новое заведение пользуется большим успехом: посетителям доставляет удовольствие выпить кофе, сидя в огромных стальных шкафах, где недавно хранилось золото.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

1. Квартет. 2. Тиран. 3. Невольник. 4. Коллекционер. 5. Рюкзак. 6. Катамаран. 7. Набег. 8. Гид. 9. Дикарь.

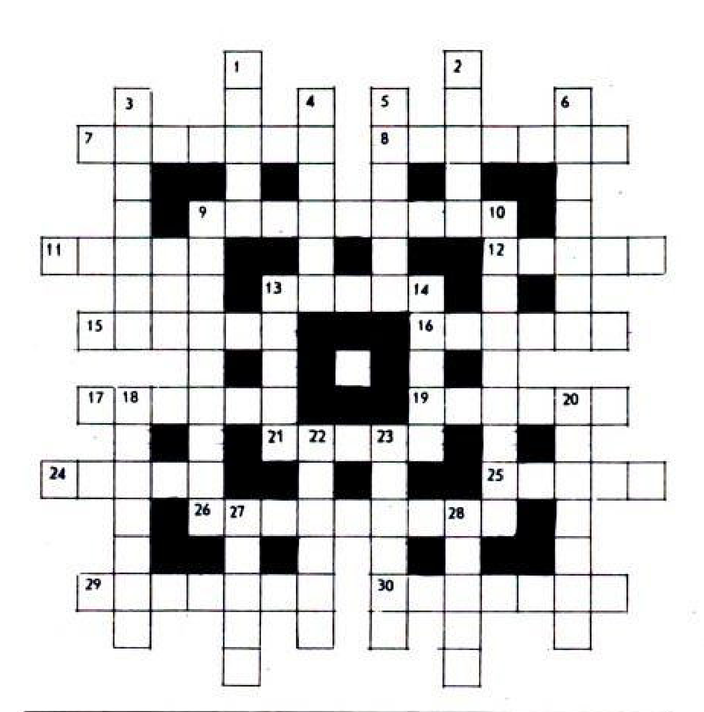
Первыми правильные ответы прислали: Т. П. Богданова, семья Козловых, А. К. Лысенко, В. Хомяков, А. Колесников, В. Баскакова, В. С. Кедров, В. Н. и Г. С. Крамаренко, семья Гоамовых, Э. П. Виноградский, А. М. Лебедев, семья Соколовых, М. Гамбур, В. Ф. Боровнев, Н. Н. Никольский, В. В. и Н. Г. Бизюк, В. П. Демиденко, В. Елесин, И. М. Разнатовский, Ю. Н. Раздобреев.

СТРАНИЦЫ

ЖМИ НА ТОРМОЗА...

Недалеко от Хельсинки стоит необычный дорожный знак — человек с бутылкой в руке. Предполагают, что его поставили какие-то шутники: на противоположной стороне дороги находится лечебница для алкоголиков.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Повесть Н. В. Гоголя. 8. Аппарат для размножения рукописей, чертежей. 9. Союзная республика. 11. Коралловый остров у восточного берега Африки. 12. Охотник-профессионал. 13. Курорт в Крыму. 15. Австрийский композитор. 16. Горный хребет в Читинской области. 17. Испанский танец. 19. Река в Якутской АССР. 21. Немецкий физик. 24. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 25. Русский мореплаватель. 26. Верхний полуэтаж дома. 29. Музыкант оркестра. 30. Художник, автор серии картин «Новые кварталы».

По вертикали:

1. Малая планета. 2. Щипковый инструмент. 3. Столица Цейлона. 4. Зобатый аист. 5. Озеро на Балканском полуострове. 6. Кондитерское изделие. 9. Старинное судно. 10. Комедия Д. И. Фонвизина. 13. Трос парашюта. 14. Спортивный приз. 18. Английский писатель. 20. Разновидность цвета. 22. Род художественной литературы. 23. Искусственное земляное сооружение. 27. Город во Франции. 28. Вспомогательная теорема.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

4. Хрусталь. 8. Незнамов. 9. Тарантас. 11. Фреска. 14. Осина. 16. Пилот. 18. Купюра. 19. Балалайка. 21. Галета. 22. Анапа. 23. Мотив. 25. Алголь. 27. Батюшков. 28. Биология. 30. Штемпель.

По вертикали:

1. Чулым. 2. Оттава. 3. Плинтус. 5. Лазурит. 6. Вероника. 7. Транскрипция. 10. Килиманджаро. 12. Сага. 13. Аксаков. 14. Ондатра. 15. Шпон. 17. Обер. 19. Бабочкин. 20. Круг. 22. Аллегро. 24. Известь. 26. Обойма. 29. Отсек.

На первой странице обложки: Отличные специалисты гвардейцы-черноморцы — матрос Федор Кушнир, старшина I статьи Алексей Арефьев, старшина II статьи Геннадий Милькевич, старшина II статьи Василий Мищук.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: У Третьяковской галереи.

Фото Л. Шерстенникова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 53-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 53-37-61; Международный — 53-38-63; Искусств — 50-46-98; Литературы — 53-31-10; Очерка — 50-15-33; Библиографии — 53-38-26; Науки и техники — 50-14-70; Юмора — 53-32-13; Спорта — 53-32-67; Фото — 53-39-04; Оформления — 53-38-36; Писем — 53-36-28; Литературных приложений — 53-30-39.

А 00443. Сдано в набор 2/VII-68 г. Подписано к печ. 16/VII-68 г. Формат бум. 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 053 600 экз. Изд. № 1185. Заказ № 1877.

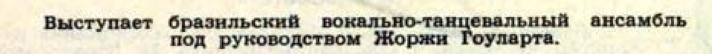
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

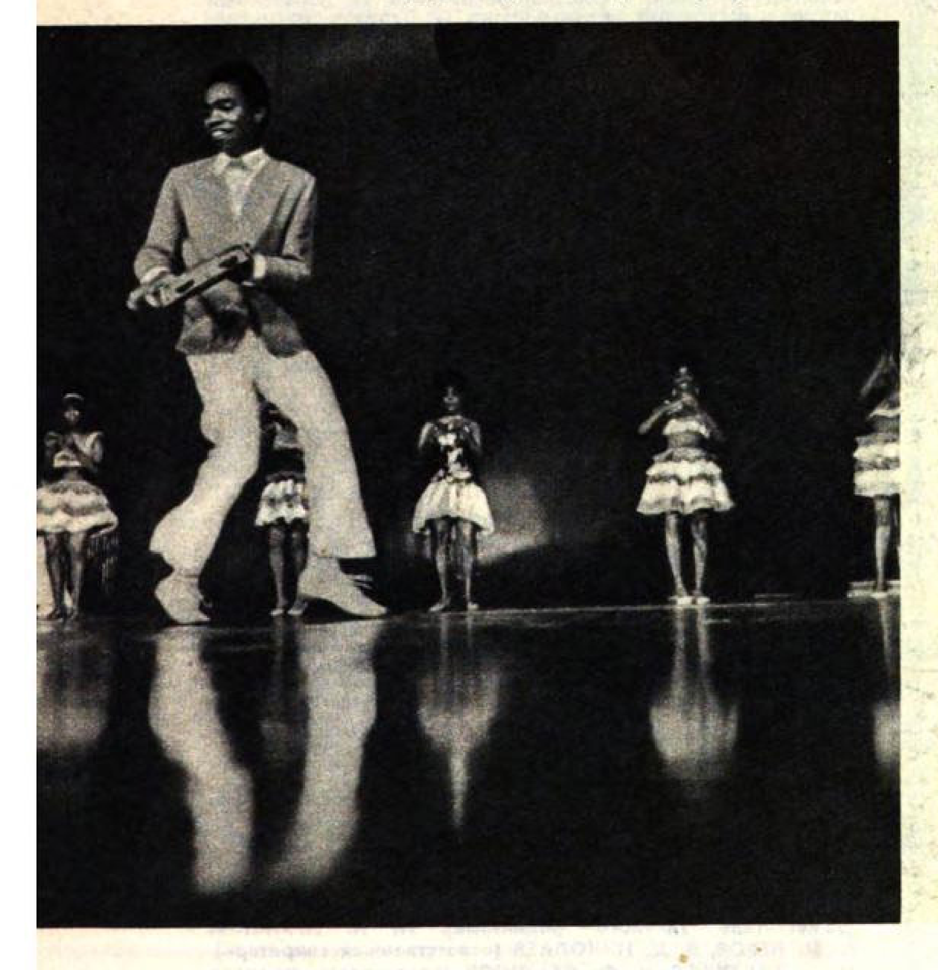
Поет Беатрис Парра. Эквадор.

Сиро сан Роман. Аргентина.

Выступает бразильский вокально-танцевальный ансамбль под руководством Жоржи Гоуларта.

Колумбия. Балет Сони Осорио.

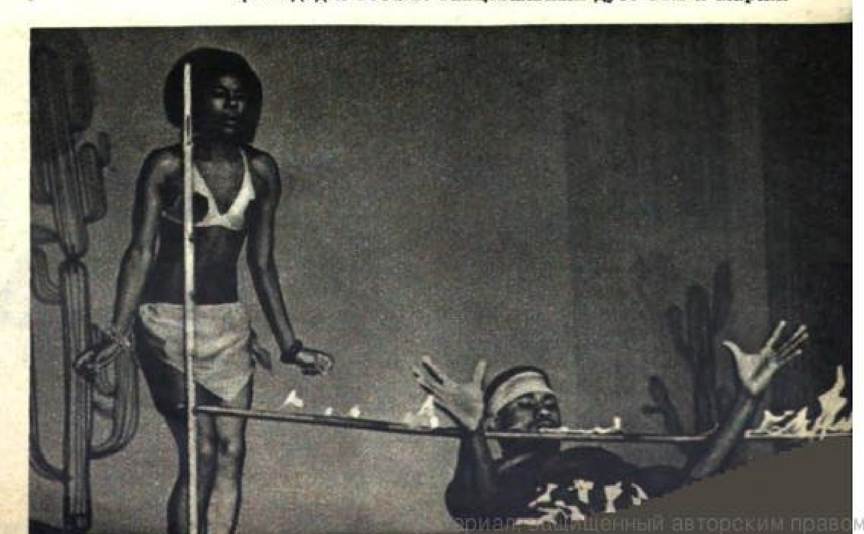
Начинается представление «Мелодиас де верано».

Первая леди песен Ямайки — Тотлин Мелсадес Джексон.

Тринидад и Тобаго. Танцевальный дуэт Том и Мария.

Мелодиас де верано

И. ВЕРШИНИНА, И. ТУНКЕЛЬ

Они очень разные, эти артисты, прибывшие к нам из тринадцати стран Латинской Америки. Различно их искусство, различен возраст, творческий и жизненный путь. И тем не менее с чего бы я ни начинала разговор, каждый просил прежде всего передать благодарность устроителям этого фестиваля искусств Латинской Америки. Так участники программы «Мелодиас де верано» называют свой концерт.

Все это известные артисты, объездили полмира. Но всегда, повсюду они представляли искусство только своей страны, волновались только за свой номер, свой личный успех. Сейчас, может быть, впервые каждый волнуется за успех всего представления, потому что «Мелодиас де верано» — это не просто сборный концерт известных иностранных гастролеров, это музыкальный карнавал, соревнование искусства народов Латинской Америки.

— Я счастлив,— говорит мне Марио Генсоллен.— Ведь здесь, в Москве, за тысячи километров от родины, я, пожалуй, впервые узнал искусство своего континента, впервые во всем многообразии и блеске увидел творчество его народов и, может быть, впервые осознал себя артистом Латинской Америки, а не только Перу.

«Золотой голос Перу» назвали на родине Марио Генсоллена.

И слава эта идет со дня знаменитого его дебюта. Юношей, когда Марио учился в университете, он много и успешно занимался спортом. Однажды на международных соревнованиях по плаванию студент из Перу вышел победителем. Это было неожиданностью для всех, особенно для оркестра, у которого не оказалось нот гимна Перу. Тогда Марио вышел на середину стадиона, где шло торжественное вручение наград, и спел гимн своего народа. Импровизированный концерт решил его судьбу. Марио Генсоллен, спортсмен из Лимы, стал певцом. Но спорт помог артисту преодолеть самый трудный барьер — барьер между артистом и зрителем.

— Однако даже спорт не помог преодолеть мне другое препятствие — барьер коммерческий. Народная музыка не находит потребителя. Народные мелодии, которые я так люблю, теперь пою очень редко и до приезда к вам почти разуверился в том, что они могут нравиться слушателям. А вот сейчас я счастлив, когда слышу, как принимает зал мелодии моего края.

— Когда я вместе со всеми участниками представления под звуки нашей народной песни, с танцем и пением вошел в зрительный зал и публика тут же включилась в этот ритм, стала подпевать и хлопать в ладоши, мне почудилось, что я на карнавале в Рио,— говорит руководитель Бразильского ансамбля Жоржи Гоуларт.— Только у нас на карнавале звучат бразильские мелодии, а здесь собралась вся Латинская Америка, чтобы щедро подарить слушателям свои песни, танцы, ритмы. В 1958 году я впервые привез в Советский Союз настоящую народную бразильскую музыку. Мы очень тогда сомневались, как примут в вашей северной стране наши горячие мелодии. Ведь Бразилия — это страна огненного, стремительного самбо. Сейчас я здесь седьмой раз, побывал в шести республиках, и всегда и везде с первой же песни у нас с залом устанавливался такой контакт, словно мы у себя.

— Об этом же и я написала в своей первой корреспонденции,— говорит руководитель Колумбийского балета Соня Осорио. Первая танцовщица Колумбии, Соня оказывается моей коллегой, к тому же с солидным стажем — двадцать два года работы в печати.— Ваша страна меня интересовала как балерину (я не раз видела советский балет и писала о нем), как журналистку и просто как человека. Мой отец очень любил Россию, он дал мне русское имя и завещал обязательно побывать в России. В первую же неделю пребывания здесь я послала шесть статей к себе в редакцию, я полна впечатлений — все ново и все замечательно.

А вот Беатрис Парра из Эквадора чувствует себя в Москве как дома. И не удивительно. Ведь здесь провела она почти треть жизни. Дипломантка консерватории в Гуаякиле, а затем там же солистка оперы и победительница конкурса певцов, она поступила на подготовительный курс Московской консерватории и поселилась в общежитии вместе с другими талантливыми девушками из Японии и Англии, Курска и Ташкента.

Это было в 1960 году. Сейчас Беатрис уже обладательница множества дипломов. Лауреатство на конкурсе Энеску в Бухаресте, серебряная медаль в Тулузе, но главное — диплом с отличием об окончании Московской консерватории.

— Почему главное?

— Потому что теперь у себя в консерватории я передаю соотечественникам то, чему научилась в Москве. Два года в Эквадоре я преподавала и концертировала, а теперь вновь приехала сюда учиться — поступила в аспирантуру.

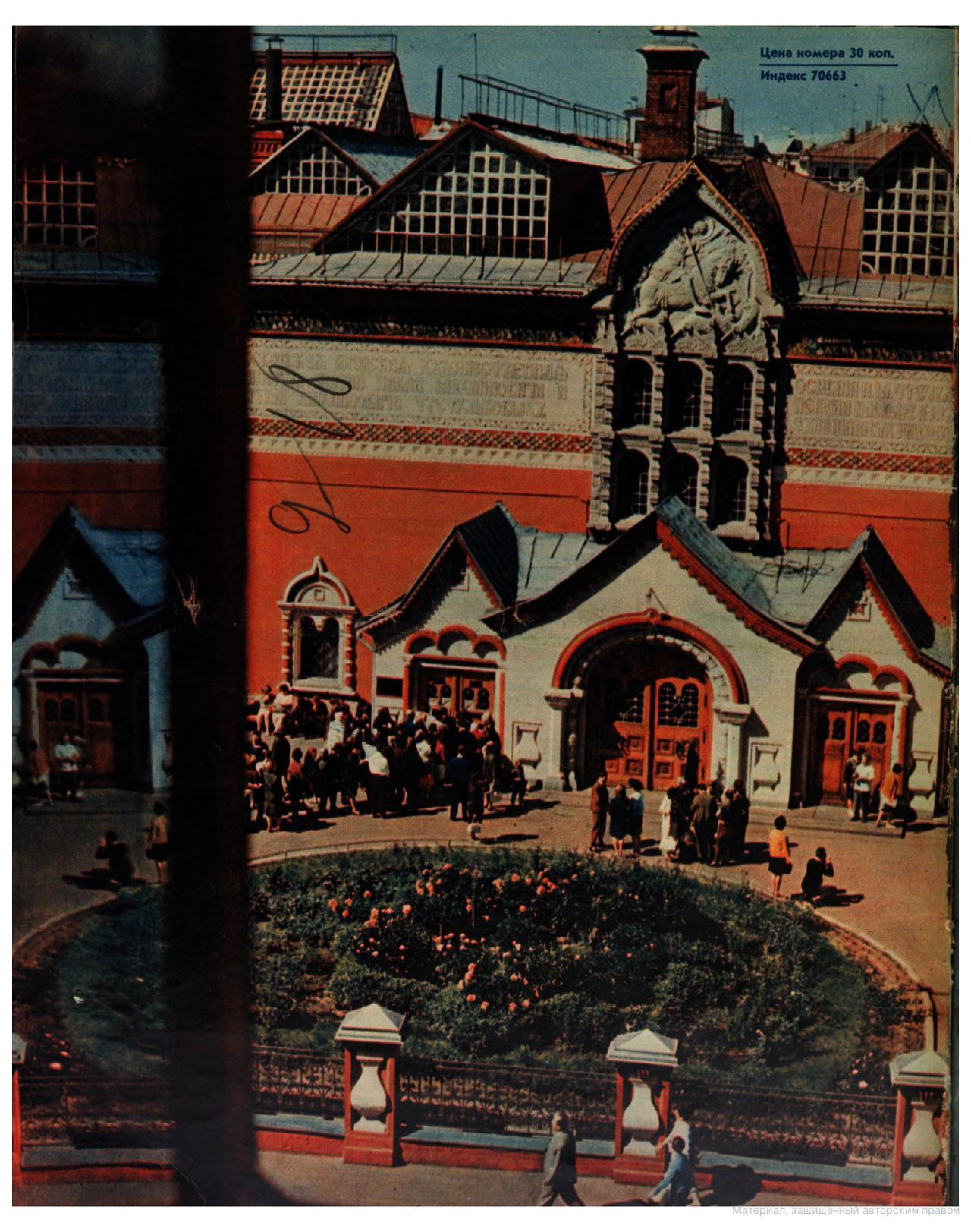
С руководителем знаменитого ансамбля «Лос Парагвайос» мы встретились в Госконцерте у режиссера спектакля Никласа Бурлака. Луис Альберто дель Парана сообщил мне, что уже подписал контракт и в 1969 году в пятый раз будут гастролировать у нас.

— Мы были в семидесяти двух странах, но должен вам сказать: нигде не ценят так высоко народную музыку, как в Советском Союзе. Наше правительство за пропаганду народных мелодий,— продолжает Парана,— удостоило нас высшей награды страны, и на гастроли мы ездим с дипломатическим паспортом, официально именуясь музыкальными полпредами. Сейчас я обратился с просьбой к советским кинематографистам сделать фильм-концерт «Мелодиас де верано», который мы могли бы показывать нашему народу. И пусть он вместе с нами запоет новые слова нашей популярной народной мелодии, слова, которые я написал здесь специально для этой программы и которые поют в финале все артисты. Слова о равенстве и единстве всех народов, населяющих Латинскую Америку. Песня заканчивается словом «libertad!». Я думаю, хотя это слово и испанское, переводить его не надо.

Луис Альберто дель Парана и ансамбль «Лос Парагвайос».

«Золотой голос Перу» — Марио Генсоллен.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663